

У Р А Л Ь С К И Й
Следопыт

ISSN 0134 - 241X

10'1994

Последняя экспедиция капитана Гернета

В один из осенних дней 1942 года в колхозе "Спартак" Павлодарской области Казахстана появился ссыльно-поселенец. Звали его Евгений Сергеевич Гернет. Был он стар, вежлив, молчалив. Говорили, будто провел два года в тюрьме. За связь с какими-то шпионами. Расспрашивать было опасно, да и не принято. Более уверенно говорили, что у него есть дочь в Казани. Что он переписывается с нею и после ссылки к ней уедет.

Старик был отменным счетоводом. Аккуратным и четким почерком выводил он в колхозном журнале колонки цифр, составлял таблицы. Иногда задумчиво глядел в окно, на голую степь. Словно что-то там видел.

А именно тогда, когда он рисовал свои бухгалтерские таблицы, в блокадном городе на Неве, его родном городе, вышли в свет созданные им другие таблицы. Так называемые астрографики для морской и воздушной навигации.

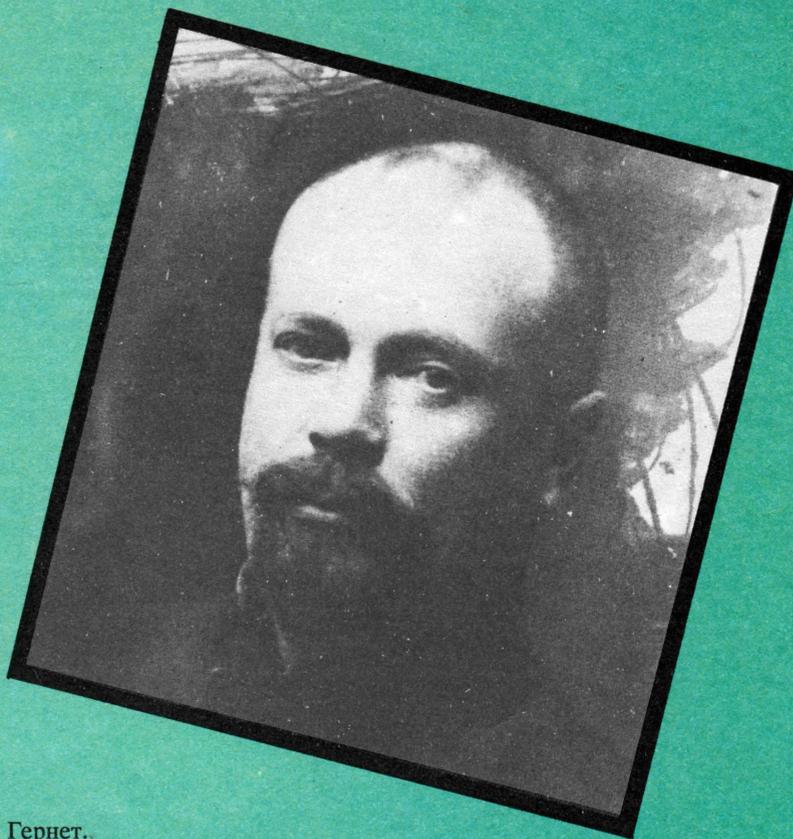
Эти астрографики Гернет составил еще для экспедиции Папанина. По ним определяли маршрут дрейфа станции Северный Полюс-1. Не об этом ли думал старый счетовод, глядя через окошко на голую казахстанскую степь?

1 мая 1943 года кончился срок заключения и ссылки. 17 июля Гернет полностью свободен. Взял билет, собраны вещи. Еще немного и он увидит дочь, которую не по своей воле оставил в Ленинграде ровно пять лет назад. Но уехать он не успел. Словно не выдержав свободы, разорвалось сердце одного из славных сынов России, которому человечество скажет спасибо за то, что он жил на свете.

Последние слова не мои, и сказаны не ради красного словца...

Похоронили старика на колхозном кладбище. На могиле установили доску с надписью: "Гернет Е. С., 1882—1943. Бывший командующий Волжско-Каспийской военной флотилией, Азовской и др. флотилиями, исследователь Арктики, составитель навигационных таблиц и графиков, создатель теории ледников земли".

Отвлечемся. Исследуя домашний архив своего учителя Г. Л. Эйхлера, посланного под Караганду в 1941 году, я обратил внимание на фами-

лию Гернет.

Эйхлер пишет в 1933 году

К. И. Чуковскому, книги которого он издавал: "...Слушайте, прочтите чрезвычайно интересную книжку капитана Гернета! Называется она "Ледяные лишай", издана в Токио и продается в большом магазине на Невском проспекте. Эту книжку может дать Вам сам Гернет, только что вернувшийся из Японии. Человек он очень интересный..."

После мая 38-го это имя Эйхлер пишет в своих бумагах зашифровано — капитан Г. Или еще короче — Г. Затем и эта буква исчезает. Они потеряли друг друга навсегда, хотя вскоре оказались рядом, в соседних областях — Карагандинской и Павлодарской. Оба в ссылке, два бывших моряка, два замечательных человека.

Среди множества бумаг, писем, рукописей, записок Эйхлера я нашел письма от Гернет. И еще — письма от К. Г. Паустовского. Кто-то подсказал, что жив сын писателя — Вадим Константинович. Мы познакомились. А затем Вадим Константинович познакомил меня с Галиной Евгеньевной Гернет, дочерью капитана, той самой, которая вызвала его в Казань. Галина Евгеньевна и дала мне полную биографическую справку об отце.

*На фото: капитан Е. С. Гернет
(из архива Г. Е. Гернет)*

Читайте на 2-й странице статью
Б. ВАЙСБЕРГА "Последняя
экспедиция капитана Гернета".

УЧРЕДИТЕЛИ —
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РФ
ТРУДОВОЙ КОЛЛЕКТИВ ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1935 ГОДУ,
ВОЗОБНОВЛЕН В 1958 ГОДУ.

РЕДАКЦИЯ:

Виктор КЛОЧКОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Маргарита ГОРШКОВА
(художественный редактор),
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного редактора),
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Нина ШИРОКОВА,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШЛАВИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:

Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
620219, ЕКАТЕРИНБУРГ,
ГСП-353, УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
223-662 (ФАНТАСТИКИ),
224-501 (КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
на машинке через 2 интервала, 60 знаков
в строке, 28-30 строк на странице.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
обращаться в районные отделения
«Россвязьинформа».

Бракованные экземпляры отправлять
в ИПП "Уральский рабочий"

Рег. № 441 от 13.12.90.

Подписано к печати 13.10.94.

Формат бумаги 84×108/16.

Бумага газетная.

Печать с фотополимерных форм.

Усл. печ. л. 8,4.

Уч.-изд. л. 9,8.

Усл. кр.-отт. 11,76.

Тираж 25 000 экз.

Заказ № 874.

Все претензии по ошибкам в тексте предьяв-
лять редакции журнала "Уральский следопыт"

Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП "Уральский рабочий":
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

У Р А Л Ь С К И Й СЛЕДОПЫТ U R A L S T A L K E R

В НОМЕРЕ: 10/1994

Последняя экспедиция капитана Гернета Борис ВАЙСБЕРГ	2
Когда город был одноэтажным Анатолий ЧЕРНОУХОВ	4
"И ты не забудь обо мне..." Стихи Венедикт СТАНЦЕВ	8
Ведьмины круги. Повесть Елена МАТВЕЕВА	9
Журнал в журнале "Аэлита"	
Кормить зверей воспрещается. Повесть Василий ЩЕПЕТНЕВ	27 (235)
Заочный КЛФ	55
Крестный путь отца Гавриила Александр СЕМЕНИН	57
В них обретает сердце пищу... Михаил СМЫШЛЯЕВ	59
Самобытная пластика Евгений ШУМИЛОВ	60
Чьи доспехи тяжелее? Владимир ПУРОНЕН	63
Неуловимый или несуществующий Алексей РЫЖИКОВ	65
Будет буря? Мы поспорим! Тамара ПЛОТНИКОВА	72
Мой Харламов Андрей ДУНЯШИН	75
Человек в экстремале	78
Легенда о колючей красавице Юрий ВАСИЛЬЕВ	79

Борис ВАЙСБЕРГ

Последняя экспедиция капитана Гернета

События принимали стремительный оборот. Вскоре подвернулась поездка в Москву. Взяв с собой справку о Гернете, я внимательно изучал ее в самолете. Родился в 1882 году в Кронштадте. После окончания Морского корпуса назначен на тихоокеанский броненосец "Победа". В русско-японскую служит в Порт-Артуре на канонерской лодке. Награжден орденами Св. Анны 4-й степени с надписью за храбрость и Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом. Участвует в спасательных работах русского флота во время извержения вулкана Этна в 1908 году.

Дальше. После Октябрьского переворота Гернет становится первым советским командиром эсминца "Калиакрия". Участвует в известной операции по выводу части Черноморского флота из Севастополя, когда немецкие войска вступили в Крым в 1918 году. Эскадра под командованием Гернета прибыла в Новороссийск и здесь была потоплена самими моряками, чтобы корабли не достались врагу.

Гернет назначается командующим новой Волжско-Каспийской флотилией. Затем Западно-Двинской, Азовской...

После Гражданской войны демобилизовался и плавал на судах Совторгфлота на Дальнем Востоке. Был капитаном парохода "Индибирка". В 1925—27-м во время гражданской войны в Китае работал в городе Сватоу. Затем — командировка в Японию (порты Кобе, Иокогама, Токио). Фрахтовал японские суда для СССР. В 1931 году отозван на Родину.

Здесь трудится в Управлении Севморпути. Начальник Гидрографического сектора, главный редактор лоний полярных морей. Участие в экспедициях на ледоколах "Сибиряков", "Садко". Составление "Мореходных таблиц", нового типа карт для полярных широт.

Еще в Японии Гернет написал и издал книжку "Ледяные лишаи", в которой предложил новую ледниковую гипотезу — о взаимодействии между материковыми и морскими льдами. На книгу обратили внимание Горький и Паустовский. Последний написал художественную повесть "Теория капитана Гернета". Через 25 лет эту гипотезу повторили американские ученые.

К этой биографической справке Галина Евгеньевна Гернет приложила другую, короткую. "Дело по обвинению Гернета Е. С. пересмотрено военным трибуналом Московского военного округа 20 февраля 1958 года. Постановление от 23 декабря 1939 года в отношении Гернета Е. С. отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Зам. председателя военного трибунала ВМО полковник юстиции Н. Гуринов".

И еще показала мне дочь капитана открытку. Из колхоза "Спартак" — в Казань, Галине Гернет от Ольги Абрамовой. "Милая Галочка! Не волнуйтесь, дорогая, этим горю не поможешь, время теперь такое. Умер Ваш папа Евгений Сергеевич 8 августа в 7 часов утра от разрыва сердца. Похоронен у нас на колхозном кладбище... Целую, Оля. 9 августа 1943 г."

В Москве мы вновь встретились с сыном писателя Паустовского Вадимом Константиновичем. Я показал документы по Гернету. Убедились, что это готовый материал для советских энциклопедических справочников. А в части теории оледенения земли — и для энциклопедий мира.

Паустовский помог с пропуском в Архив М. Горького при Институте мировой литературы. Там хранится письмо Эйхлера М. Горькому. И вот я держу оригинал.

"27 августа 1935 г. Дорогой Алексей Максимович!

Друг мой, писатель Константин Паустовский, передает Вам прошлым летом небольшую книжку капитана-полярника Е. С. Гернета "Ледяные лишаи". Он говорил мне, что Вы заинтересовались этой работой и самим Гернетом. Поэтому я переслал Вам через Г. П. Шторма краткую биографию автора. Книжка была издана самим автором, когда он работал в Совторгфлоте в Японии.

Насколько мне известно, Вы собирались посодествовать изданию ее у нас. Это было бы очень хорошо. Издание книжки несомненно полезно для научного мира. Мало того, она представляет собой материал для великолепного, почти фантастического романа. (...) Гернет исключительно скромный человек. Он писал Вам о своей книге, но письмо, д. б., пропало, и теперь он просто не хочет Вас беспокоить. Работает он в Ленинграде, каждый год бывает в полярных экспедициях, с большой настойчивостью изучает Арктику. Вся его жизнь прошла в труде. Он активно участвовал в революции. Словом, он из тех людей, которым человечество скажет спасибо за то, что они были на свете.

Искренний коммунистический привет, Генрих Эйхлер".

Вот откуда эти слова насчет человечества, которое скажет спасибо.

Много добрых слов сказано в последние годы о замечательном капитане. Написано несколько очерков, статей. Переиздана, наконец, в 1981 году его книжка, о которой хлопотал Эйхлер. Но самого последнего слова еще не сказано.

Много экспедиций совершил капитан Гернет: речных, морских, сухопутных. Последняя была принудительной: этапом в Казахстан — в Павлодар и далее в колхоз "Спартак". Теперь вы понимаете, что доску на его могиле я выдумал. Не могла она появиться в те годы,

"роковые-сороковые". И в последующие — тоже, потому что те, кто знал, кем был старый, больной счетовод, в колхозе не жили, а те, кто жил, ничего не знали.

Сейчас ставят монументы жертвам репрессий. Но что мешало, не дожидаясь создания больших памятников, установить скромную памятную доску на месте, где завершилась последняя экспедиция одного из замечательных людей нашей страны?

Чтобы привлечь внимание к этому имени, я написал в местную павлодарскую газету. Просил помочь найти могилу капитана Гернета и следы его пребывания в тех краях. Для облегчения поисков приложил фотографию, на которой Гернет снят вместе с женой, навестившей его в ссылке в мае 1940 года, до отправки в колхоз "Спартак". Галина Евгеньевна, тоже навестившая отца, помнит, что жил он в мазанке, бывшей бане. Неподалеку жили мальчик и девочка 10—12 лет, они часто приходили к старому моряку, который рассказывал им о путешествиях.

Надежда на память человеческую оправдалась. Пошли отклики на мою статью. Председатель сельсовета Краснокутского района Павлодарской области Надежда Николаевна Глухова писала:

"...Мы провели опрос старожилов бывшего колхоза "Спартак". Установили кладбище, на котором захоронен Гернет, но могилу установить не могли. Захоронения военных лет сравнивались с землей. Но подтверждение того, что Гернет похоронен именно здесь, есть.

Большинство из опрошенных помнят Гернета. Он жил со старушкой в низком доме азиатского типа. Контора, (где он работал счетоводом), была неподалеку, но зрение у него было настолько плохое, что бабушка посыпала зимой дорогу золой. Все говорят, что Гернет был очень аккуратный в работе, тактичный, вежливый.

По совместной работе помнит его Мария Рязанцева. Она была зав. фермой и сдавала Гернету ежемесячные отчеты. Помнит и Мария Полещук. Она рассказывает, что однажды ему пришло какое-то сообщение, он поехал на почту, получил это сообщение, очень обрадовался, приехал, лег и скончался. Вероятно, от разрыва сердца...

Организовали мы в средней школе группу "Поиск" из ребят краеведческого кружка. Ведем переговоры с облисполкомом об установлении мемориальной доски — на кладбище или в центре села. Дом, где жил Гернет, не сохранился..."

Заинтересовался Гернетом и Павлодарский краеведческий музей. Заведующая отделом памятников Людмила Александровна Соколова писала мне: "Спасибо за Гернета, конечно, заинтересовались им. В свое время мы почти случайно нашли в Иртышском районе могилу профессора медицины С. М. Щастного. Он тоже умер в 1943 году, работая с тифозными больными. А попал сюда в известные 30-е годы. Вероятно, не одна и не две могилы в Павлодарской области заслуживают если не памятников, то хотя бы мемориальных досок. С Вашего толчка, я думаю, дело сдвинется с места. И появятся новые имена..."

Словно в воду глядела Людмила Александровна — появилось новое имя.

Пришло письмо от старожилы села Чернорецк Павлодарского района Геннадия Ивановича Бачуева. "...У нас жил один из сосланных. За давностью времени, мне было лет 10—12, я смутно помню этого человека. Но то, что жил он в мазанке-бане, это достоверно. Жил он на огороде у хозяйки бани Мария Петровна Вяткиной. Кстати, ее муж, Дмитрий Алексеевич Вяткин, тоже был арестован по ложному доносу в 1937 году и посажен на 10 лет.

Мы, соседские дети, иногда бывали у сосланного, но что-либо рассказанное я не помню. Вел он очень замкнутый образ жизни, с людьми общался неохотно, особенно со взрослыми. Зато похороны его я запомнил. Поручены они были Матрене Ураковой, зав. почтой нашего села Чернорецк. Она может знать, осталось ли что-нибудь из архива этого человека. Похоронили его в Чернорецке, но не в 1943, а в 1944—47 годах. Да, еще одна характерная деталь: называли его не по фамилии, а "австрийцем сосланным". Старожилы могут помнить его больше, чем я".

Спасибо Геннадию Ивановичу за чрезвычайно важное сообщение. Многие совпадает, даже прозвище объяснимо иностранной фамилией. Но скорее всего это не Гернет. Умер Евгений Сергеевич, достоверно установлено, в колхозе "Спартак", там же и похоронен в августе 1943 года.

Но теперь возникает вопрос: кто был тот "австриец сосланный"? Думаю, это тоже известный в прошлом человек. Ведь ссылали на одиночное поселение в те годы, как правило, людей самобытных, незаурядных, в суждениях независимых и смелых. Не нужны были такие тоталитарному сталинскому режиму.

Вопрос этот — кто был человек, живший на поселении до середины 40-х годов в селе Чернорецк в бане-мазанке у Вяткиных — я обращаю УВД Павлодарской области Казахстана. И очень надеюсь, что уважаемое ведомство на сей раз не отмахнется, как несколько лет назад относительно Гернета, ответив: "На территории области не значится..." И оконфузилось! В конце концов, архивы управления внутренних дел — не внутреннее дело управления.

Последние сообщения из "Спартака": мемориальная доска на имя Евгения Сергеевича Гернета, российского моряка и ученого, установлена! Последнее слово сказано. Последняя экспедиция капитана завершилась.

Урок восьмой: Екатеринбург, век восемнадцатый

В 1742 году в городе полмесяца жил натуралист и химик академик И. Г. Гмелин.

Он оставил описание города, где находим такое вот утверждение:

"Кто хочет познакомиться с горным и заводским делом, тому стоит только посетить Екатеринбург." И действительно, сразу после своего рождения Екатеринбург стал центром горнозаводской промышленности не только Урала, но также Алтая и Сибири, воплотил в себе характерные особенности жизни края того далекого времени.

Вот почему один из "уроков" по уральской истории решили мы посвятить Екатеринбургу, взглянув, посредством архивных свидетельств, на первые 50 лет жизни города. Помог нам сделать это Анатолий Владимирович Черноухов, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой архивоведения УрГУ.

Анатолий ЧЕРНОУХОВ

Когда город был одноэтажным...

В 1723 году территория Екатеринбурга ограничивалась крепостью, которая проходила в границах современных улиц Вайнера-Малышева-Либкнехта-Первомайской. Вся площадь города составляла одну квадратную версту. За час можно было обойти вокруг всего "полисада". Когда город покинули солдаты-строители, "коренное" население его насчитывало 1900 человек и размещалось оно в 620 домовладениях. Однако скоро быстро растущему городу стало тесно в этих границах, со всех сторон крепости появились небольшие слободы, улицы-односторонки. В 1774-м, когда к городу подступали отряды Пугачева, он был спешно обнесен новым "большим валом". Повстанцы однако не пошли в Екатеринбург, крепость не понадобилась и осталась недостроенной. И за ее пределами вновь стали возникать улицы-односторонки. С восточной стороны, например, Завальная (позднее

— Солдатская, потом Красноармейская). Чуть больше город расширился на северо-восток, северо-запад и юг. Были освоены современные районы "Космоса", Комсомольской площади, улиц Радищева, Куйбышева. С южной стороны, далеко за городом, в 1773 году появилась Успенская церковь при новом кладбище. Позднее на этом месте основался Ново-Тихвинский женский монастырь, Александро-Невский собор.

В 1764 году городская администрация разделила улицы, переулки и околицы на специальные ряды, были созданы в городе караулы, приняты другие меры по полицейскому устройству.

К середине века прекратилось движение транспорта вдоль главного проспекта и Канцелярской (Торговой) площади города. Здесь была построена сначала деревянная, потом каменная церковь. С 1833 года эту церковь, имевшую уже колокольню, стали называть кафедраль-

ной, как и площадь вокруг нее. К концу XVII века в городе проживало уже около 10 тыс. человек, но он практически полностью состоял из деревянных одноэтажных построек. Исключение составляла двухэтажная канцелярия главного управления заводами.

Ритм жизни города, заданный первой администрацией во главе с В. Н. Татищевым и В. И. Гениным, был очень высокий. А задумки и планы еще грандиознее. И в первые десятилетия они осуществлялись. На заводе, помимо доменного, железоделательного, медеплавильного производств, работали различные, уникальные по тем временам, цеха-фабрики. Изготавливались маховые и зубчатые колеса вододействующих машин, часы, печати, циркули, ватерпасы и другие инструменты, колокола для церквей и соборов, "для битья на работу и с работы", оборудование для винокуренной промышленности. Более 40 наи-

менований поступало в города и села России, даже в "мельницах" (банях) их императорских величеств стояли екатеринбургские медные посудины.

Начиная с 1725 года, в течение 150 лет действовал в городе монетный двор. Подавляющее большинство российской монеты чеканилось в Екатеринбурге. А уникальное камнерезное производство бытует в городе и до настоящего времени. В XVIII веке Екатеринбург был и центром медицины уральского горнозаводского края — здесь размещались главный госпиталь и аптека.

Словом, Екатеринбург во многих отношениях был городом уникальным в истории страны XVIII века. Любопытно, что в первое полу столетие, за исключением периода экстремальных условий строительства, архивные документы практически не отразили резких конфликтных ситуаций в городе. Разумеется, жалобы о "всеконечной нужде", просьбы о повышении заработной платы поступали от рабочих и служащих регулярно, и побег с завода "за лучшей долей" тоже были. Но рассматривать эти факты нужно строго индивидуально.

Вот, например, в 1742 году в протоколах конторы зафиксирован побег из города пяти школьничков во главе с 17-летним Иваном Чебаковым. Каковы же причины? Жестокое обращение учителей (а такое случалось), родителей? Однако поимка беглецов и следствие выявили этих Остапов Бендеров XVIII века: кампания под видом денщиков горных чиновников "приличилась брать в долг на счет офицеров у екатеринбургских лавошников мелочные товары" — мясо, овощи, другие продукты и продавать их вновь. "Ско-

лотив" определенную сумму, ворюшки убежали.

Предводитель кампании — Чебаков — шесть лет учился в словесной школе, но остался "в науке непонятым". Товаров он украл на 6 руб. 55 коп. Для сравнения скажем, что Иван Ползунов, будущий создатель паровой машины, а тогда 13-летний ученик механика, в год получал 12 рублей... Школьников простили, а Чебакова били "плетями несчастно", сослали на горные работы с вычетом трети жалования для возмещения ущерба потерпевшим.

Воровство в городе было. Горное начальство боролось с этим злом, но справиться не могло. Потому что и само частенько было не чисто на руку, хотя во все времена российские законы были беспощадны к вора, взяточникам и их пособникам. Вот только один пункт петровского Военного Артикула: "Если кто деньги имея Е.И.В. или государственные несколько утаит и к своей пользе употребит, оный живота лишится и имеет быть повешен. Тую же казнь чинить и тем, кои ведая про то, а не известят". Но законы и тогда можно было обходить. Власть имущие часто увиливали от строгого наказания. Сохранившиеся архивы свидетельствуют, что подполковник А. Немов "за не порядочные поступки", отделался легким испугом. Как и Аврамов, солидный по возрасту дворянин, дважды уличенный во взятках во время управления Алапаевским заводом и Катайским дистриктом. Ввиду того, что он "все обидимым возвратил", взяточник был прощен и даже переведен в Екатеринбург на более солидную должность — "в казначейскую контору к приходу и расходу денежной казны".

Лука Вострая Сабля (из документов не понятно происхождение этой фамилии-псевдоним-клички) воровал казенные деньги, будучи управляющим Верх-Исетским и Лялинским заводами. Был уличен, даже имущество его описали, но в итоге все-таки прощен, отправлен в Сибирь на новую должность, а должен был следовать на каторгу. И подобных примеров можно приводить очень много. Случаи же мелкого воровства вообще бессчетны, крали практически все, что попадало под руку. Домой ворованное не несли, а продавали в кабаке "оптовым торговцам".

Никифор Герасимович Клеопин, человек честный, руководивший уральским горным ведомством в 1744—1760 годах, видимо именно борьбой со злоупотреблениями навлек на себя недовольство горных чиновников. Он происходил из бедного дворянского рода. В команде В. Н. Татищева приехал на Урал, стал "полевым артиллерии капралом" с жалованием два рубля в месяц. А через четверть века, пройдя многочисленные ступени служебной лестницы, был определен начальником канцелярии главного заводов правления. И в течение 17 лет, столько же, сколько В. Н. Татищев и В. И. Геннин в совокупности, возглавлял этот орган, руководивший всей горнозаводской промышленностью Урала, Алтая и Сибири.

В 1761 году после отставки от службы по старости и болезни, Н. Г. Клеопин уехал с Урала. Точная дата и место смерти пока не установлены. В письме от 22 декабря 1769 года Н. А. Демидову он просил помочь в постройке дома в вотчине уральского заводчика, ибо не знал "куда при старости будучи голо-

ву преклонить и где покой сыскать". В этом же письме, без намека на жалобу, Клеопин констатировал безрадостный факт: "Я будучи в службе 40 лет без отдохновения (кроме 6 лет, бывших в разных науках), которую продолжал с верным радением не щадя здоровья... ныне не получаю ниоткуда себе доходу не единой полушки".

И действительно законодательство XVIII века не предусматривало пенсии по окончанию службы.

Уже будучи на пенсии, далеко от Екатеринбурга, он в частном письме Н. А. Демидову предельно ярко обрисовал язвы российского общества на примере другого города. "Жители здесь примечаютца весьма неприятны, злоненавистны, лукавы и неправедны, а градоначальники лстыивы, мздоимны и неправосудны, которые дьявольские их пороки оказываютьца совести мзей острыми рожнами, да и воровства здесь преужасные, так что и в данные времена где малоллюдно, в доме замыкают ворота и калитки крепкими замками. Буде же воры случатца пойманы или изболличены, то правосудия никто не сыщет затем, что воры краденным чужим добром следы свои заглаживают и судьям глаза заслепляют..."

Со времени появления Екатеринбурга и на протяжении всего XVIII века можно констатировать непрерывную, но безуспешную борьбу с пьянством. Уже В. Н. Татищев издал строгие правила продажи и потребления спиртного, установил жесткие наказания пьяницам. В. И. Геннин еще более ужесточил меры. Вино продавалось только в праздники и воскресные дни "после обедни, летом до 7-го, а зимой до 5-го пополудни часу в

чарки и кружки". Ежели "для какого-либо случая" требовались ведра вина, то необходимо было взять "от заводского ведомства билет". Если же кто в запрещенные дни явится пьяный, "таких наказывать на теле или другим штрафом тяжелых работ, при том спрашивать у кого пил".

Законы Сената следуют один за другим в 1732, 1737, 1743 годах — "о непродаже питей в работные дни, искоренении шинков и кормчеств", а при нарушении "кабаки с заводов отрешить и поставить оны в 20 верстах", "О запрещении во время крестного хода, кулачных боев открытия кабаков и плясок"...

Уже в 20-х годах XVIII века на левом берегу Исети появился казенный питейный двор, именуемый Разгуляем. И через полвека, когда застраивались здесь последние пустующие места, горные чиновники ориентиром новых построек называли этот питейный дом — Разгуляй. Все здесь было устроено на законных основаниях, правда, ценовальные "городового кабака" часто уличались в подделке казенной печати (вино на неделю опечатывалось!), в утайке вина "под полом, при квартире в подвале". Особенно часто попадались на грешном деле ценовальники загородного кабака, называемого Отрясихой (улица Радищева долгое время называлась Отрясихинской). Их ловили, били плетью, "батажем", но наказание было, видимо, несравнимо с теми доходами, которые они имели от темных дел.

В долгих командировках, вдали от начальства рабочие и горные чиновники чувствовали себя еще свободнее. Из "веселых дел" выделим только "дело" Прокопия Сталова, ему по пра-

ву можно отдать "первенство" командировочных приключений.

В сентябре 1732 года, как только в Екатеринбурге стало известно решение организовать вторую Камчатскую экспедицию под руководством Витуса Беринга, Сталов с группой специалистов был командирован на поиск места и строительство завода на реке Ангаре. Основное оборудование — якоря, пушки, многочисленные железные и медные припасы — были изготовлены на Екатеринбургском, Уктусском и Каменском заводах. Новый же завод должен был обеспечивать текущие экспедиционные нужды.

Прокопий Сталов, специалист опытный, "нутром чуял", что строительство завода на Ангаре — ошибка горного начальства. И не спешил разворачиваться. Это мнение подтвердил и сам В. Беринг, который в ноябре 1733 года в Екатеринбурге "имел рассуждение о потребном вспоможении по неотложным делам" с начальником уральских заводов Вилимом Ивановичем Генниным. Завод решено было строить в районе Якутска, поближе к дислокации экспедиции, "где железная руда и способное место найдется". Тем более, что с Ангары уже более года не было никаких вестей...

Только в марте 1734-го нарочный привез письмо от шихтмейстера А. Соловьева, уехавшего со Сталовым. В письме сообщалось, что Прокопий "с прибытия своего ни единого дня и часа трезв не бывает".

Известие это подтвердил и Тимофей Бурцев, который прибыл в город с нерчинских заводов "на излечение болезней". Он докладывал: "С управителем Сталовым с трезвым, а не пьяным, можно говорить токмо один час, и то по утру рано, а

Венедикт СТАНЦЕВ

И ты не забудь обо мне...

Турецкому валу

Солдатская память живуча,
мы все в ней ревниво храним...

Тучи, горячие тучи
сползают по кручам твоим.
Я черные вижу разрывы
и солнце, летящее в ров,
могилы друзей на обрывах,
зарытых без слез и без слов...
Который уж год величаво
плывут над тобой облака,
и сколько сражений кровавых
ты видел за эти века!
И ты ли забудешь багровый
рассвет, опаленный пальбой,
когда по единому слову,
оставив тебя за спиной,
пошли мы орущей лавиной
(ты видел, истерзанный вал),
и был я, как витязь былинный,
который у камня стоял:
три тайных дороги — три смерти,
и мне уготован тот час...
Винтовки, как тонкие жерди,
в руках колыхались у нас.
Себе и планете на диво, —
Господь тут один лишь судья:
я выжил, как витязь счастливый,
три смертных дороги пройдя...

Теперь ты за дальней горою,
ты как бы в чужой стороне...
Я помню тебя, как героя,
и ты не забудь обо мне.

Госпитальные сны

Сестра опять мне ставит хрупкий градусник, —
Золушка, покинувшая бал, —
а я веду куда-то белый парусник
и все боюсь, что на девятый вал.

Летит мой парусник, летит, как перышко,
в плач сестра: "Там лютая гроза!..."

А я кричу: "Не убивайся, Золушка,
ты мне крепить мешаешь паруса..."

Открыл глаза: ни парусов, ни Золушки,
лишь злая боль гудит на полверсты,
да ночь чернеет, словно горе-горюшко
да белые, как паруса, бинты.

* * *

Сосед, — мы оба старики
и оба под парами, —
зовет: "Махнем в Эссентуки".
"Нет, я поеду к маме".

Сияет вечность на крестах,
как в разоренном храме...

Сосед опять в Эссентуках,
а я приехал к маме.

Памяти друга

С войны в меня вселилась жалость,
а мне твердят: "Наверно, старость..."

Слеза спадает тихо на пол,
и сердце задыхается в груди...
Я думал, что свое отплакал,
я думал, что свое отплакал,
увы, все слезы впереди.

* * *

Да, я не ангел света,
но и не ангел тьмы.
Я посредине где-то,
где, собственно, все мы.

Уверен я игриво,
что истина в вине,
и это справедливо
не нравится жене.

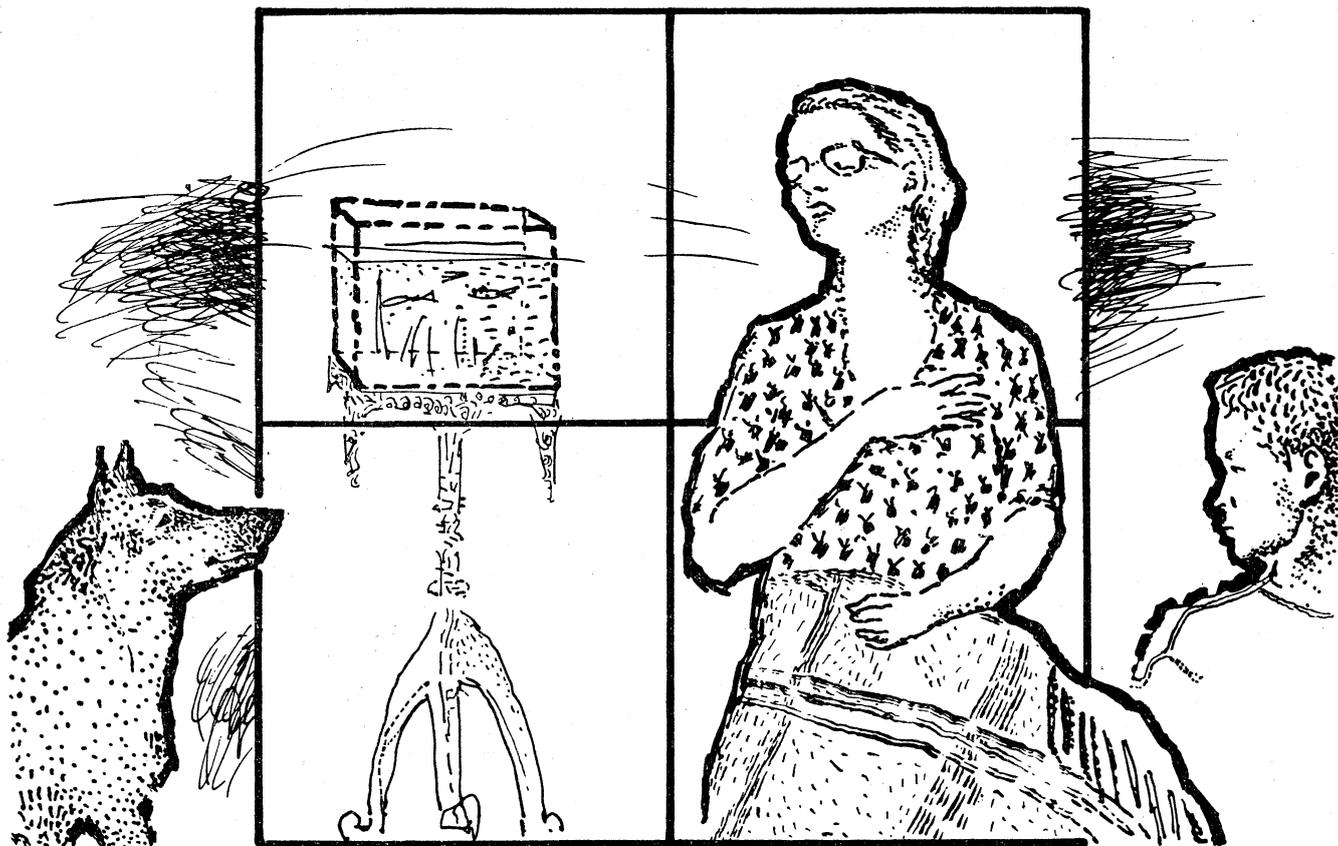
Но я ей, как молебен,
твержу навеселе:
"Безгрешные — на небе,
а я же на земле!..."

Елена МАТВЕЕВА

ВЕДЬМИНЫ КРУГИ

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. ГАНЗИНА

1

Яркое солнце и душно. Пыль в воздухе. Можно подумать — середина июля. А было уже тридцать первое августа. Воскресенье.

Окна и двери сельмага задвинуты железными рифлеными ставнями. Толпа у входа. Будто чуда ждут, сгрудились тесно под дверьми.

Здесь я впервые увидел Динку. Нельзя сказать, что она мне сразу, с первого взгляда, так уж понравилась. Но я все время держал ее в поле зрения.

Я по шоссе гулял, почитал на столбе приглашение сельского дворца бракосочетания и объявление о продаже кирпича, дома с участком в десять соток и о новых кинофильмах. Потом сидел

на задворках сельмага, где свалены ящики и бочки, смотрел, как из машины выгружают хлеб. Динка не уходила, как будто тоже ждала открытия магазина.

Мама не настаивала, чтобы я сюда тащился. Но у нее уборка, обед на плите, да и лак тяжелый. Ей кто-то сказал, что в сельмаге есть лак для полов. Мы живем на окраине, до сельмага — две автобусные остановки. В городе лака нет, все помешались на лаковых полах, а в селе, наверно, полы не лакируют.

В сельмаге лака тоже не оказалось. Был да сплыл.

Пока я ждал открытия и болтался в магазине, кругом потемнело. Прямо на зеленую автобусную

9

беседку ползла густая черно-синяя туча. Все притихло, только над магазином с криками носилась стая ворон. Урчало что-то в небесах затаенно и очень грозно. И уже было понятно: как хлынет сейчас, как ливанет!

В автобусной беседке я снова встретился с Динкой и рассмотрел ее.

Конечно, это была всего лишь дворняга. Возможно, какая-то помесь с лайкой. Хвост пушистый, бубликом. Окрас чепрачный: низ золотисторыжий, а по спине и по носу будто сажей кто мазнул. Морда понятливая, плавная. Глаза большие, влажные, чуть навывкате и черным контуром обведены. А между бровей вертикальная складка.

Она подошла ко мне, но тут же удалилась, затрусилась через шоссе к магазину, а с первыми каплями дождя вернулась. Как-то беспокойно себя вела; прохаживалась по беседке, садилась, ложилась и тут же вставала. Сначала я подумал, что ее тревожит надвигающаяся гроза, ведь животные очень чувствуют такие вещи и волнуются. Но потом заметил, что она следит за теми, кто выходит из автобуса. Может быть, хозяина потеряла?

Тут полило. Молнии раскалывали небо на куски. А я уже автобусов пять пропустил из-за Динки. Сначала просто наблюдал за ней, когда подумал о потерянном хозяине, а потом она показалась мне симпатичной. Даже очень. И я никак не мог понять, что ей надо, чего она мается?

Я тихонько свистнул, а когда она села рядом, положил руку на ее голову. Стерпела, не шелочнулась. Голова у нее теплая, шелковая, не круглая, на макушке — шишка. Она легла у моих ног, положив морду на лапы.

— Ты будешь моей собакой?

Она посмотрела на меня. В выражении глаз, во всей ее позе мне почудилось согласие и готовность.

Гром уже гремел, но дождь не кончился и стало очень прохладно. Я снова погладил ее угловатую черепушку и сказал: "Идем". Она пошла рядом, пристроившись у левой ноги.

Я сейчас же промок до трусов. Брючины отяжелели, липли к коленям и шлепали по щиколоткам. А физиономия сама по себе разъезжалась в улыбку. Собака тоже была грязная и мокрая, но бежала весело, не отставала, вперед не забегала, а если я останавливался — садилась.

Я не знал, как привести ее домой.

2

Я всегда хотел собаку. В детстве мальчишки нагружали песком игрушечные грузовики и играли в войну, а я сидел на скамейке и держал на веревочке, будто на поводке, плюшевую собачку. Ее звали Динка, потому что так звали мою един-

ственную знакомую собаку, старого спаниеля дяди Саши, соседа моего и тезки.

Спаниель, когда был молодым, ходил с дядей Сашей на охоту. Дядя Саша, когда был молодым, выучился на инженера. Дядя Саша советовал мне после школы поступать в ветеринарную академию, в Москву, и утверждал, что сам бы туда пошел, если бы жизнь начать сначала. Когда на прогулках со спаниелем мы останавливались, чтобы подождать его — он еле ноги волочил и не попевал за нами — дядя Саша говорил: "Старость — не радость". Спаниель смотрел на мир усталыми, затравленными глазами, шерсть его напоминала паклю, а к весне на спине и ляжках появлялись авитаминозные раны.

Мама была недовольна, что я общаюсь с дядей Сашей. Из-за спаниеля. Она боялась, что я заражусь от собаки кожным заболеванием, и ни за что не хотела верить, что это не заразно.

Дядя Саша давал мне читать хорошие книги про животных. Он подарил мне Сетона-Томпсона, а позднее две книги Лоренца. Когда я кончал восьмой класс, весной, умер спаниель, а осенью, приехав из пионерлагеря, я узнал, что не стало и дяди Саши. И тогда я понял, кем он был для меня. Со временем понял. В комнату дяди Саши въехали новые жильцы, а у меня в душе уголок, где он жил, "комната" его, так и осталась опечатанной. Никто туда не вселился.

Пока я помогал лечить спаниеля дяди Саши и смотрел с ним по телевизору "В мире животных", мама сражалась с грязью. Впрочем, с грязью она сражалась и в любое другое нерабочее время. Жили мы тогда в центре города, в двухэтажном деревянном доме. Полы здесь были старые, с большими щелями, и туда забивался песок. У нее невроз на почве чистоты и уюта.

Папа в бытовом отношении полностью зависит от мамы. Как известно из семейной истории, он только в тридцать пять лет научился ставить на газ чайник. В институте он заведует сектором, считается ценным специалистом и помнит все подробности, которые, наверно, и помнить не нужно. Если, например, ему с работы звонят домой по делу, он тут же начинает объяснять, в какой именно бумажке или программе все, что нужно, написано и всякие-разные детали добавляет. Зато по утрам отец наивно спрашивает маму, не видела ли она его бритвенный прибор. А этот прибор лежит всегда в одном и том же месте, в ванной, на полочке.

На работе отец — начальник, но дома он подчиненный. Мамино слово — закон.

Конечно, о собаке у нас в семье и речи не могло быть — это негигиенично! Время от времени я упрашивал маму завести щенка и даже давал всякие обещания. Но что особенного может обещать пай-мальчик и отличник?

Собаку мама не хотела, кошек она терпеть не могла. А я бы и кошку завел. Птицы, говорила она, действуют ей на нервы щебетом и суетливостью. Ежика и черепаху тоже не разрешили держать. Мама предлагала заняться филателией и разведением кактусов. Однако в пятом классе я выпросил аквариум. Рыбами я занимаюсь до сих пор. А когда я буду совсем взрослым и буду жить один, то обязательно заведу собаку и кота, и еще каких-нибудь зверюшек. Моим детям не придется сидеть во дворе с плюшевой собачкой на поводке и быть посмешищем в глазах ребят.

Бедная мама не догадывалась, что не лак для полов я ей несу. Я же удивлялся радостному отчаянью и уверенности в себе. Сейчас у нас с мамой произойдет очень серьезный разговор. И победа будет за мной. Подбадривало и то, что отец в командировке, поддержки у мамы не будет.

Мы с Динкой миновали железнодорожную насыпь, которая перерезала шоссе и была границей города. Честно сказать, с приближением к дому настроение мое падало, уверенность таяла. А Динка продолжала послушно идти рядом, будто всегда была моей собакой. И я сказал ей, а больше — себе: "Я тебя не брошу, не предаю".

По лестнице я еле плелся. Мокрая одежда стала тяжелой, отвратительно липла к телу. Меня пробирала дрожь. Перед дверью я остановился, и Динка присела, выжидающе поглядывая на меня. Тогда я позвонил.

3

Моя мама очень красивая. Я всегда иронично отношусь к подобным заявлениям. Многие, особенно пожилые люди, любят говорить: "В молодости моя мама была красавицей". И фотографии показывают. Посмотришь... Сказать нечего. Пусть так считают, если это их утешает.

Но моя мама объективно красива. И в юности была красива, и сейчас, и всегда будет видно, какой она была.

Она и злая — красивая. Только голос делается тонким, глаза сужаются. Лицо становится недобрым. И это сочетание красоты и недоброты какое-то пугающее. Не нравится она мне такой.

Увидев меня с Динкой, мама на секунду опешила, не ожидала такой наглости. И сразу же все поняла. Реакция у нее моментальная: встала в дверях, глаза сузила и язвительно спросила:

— Надеюсь, попросаешься на лестнице?

— Это моя собака, она будет жить у нас, — выдавил я из себя.

Первая фраза далась с трудом, потом пошло легче. Мама кричала. Шепотом. Чтобы соседи не услышали. Я тоже орал шепотом:

— Она будет жить в моей комнате, я достаточно взрослый человек, чтобы уважать меня и считаться со мной!

— Ты не взрослый, ты щенок! И комнаты у тебя своей нет, у тебя пока нет ничего своего!

— Тогда я уйду вместе с собакой. А ты еще тысячу раз вспомнишь и пожалеешь. Мы же не понимаем друг друга! Мы же говорим на разных языках!

— Ты хочешь, чтобы понимали тебя, а понимать и считаться с другими не хочешь, — мама заплакала и закрыла у меня перед носом дверь.

Я опустил на ступени. Там, где я стоял, наклея лужа. Мне было холодно, я сник и почувствовал, что очень устал.

Динка все это время сидела у порога с таким видом, будто знала, что решается ее судьба. Теперь морда у нее стала виноватой, она встала и выжидающе смотрела на меня, она поняла, что я уже во всем раскаиваюсь, и ей нужно уйти. Я хлопнул рукой по ступеньке рядом с собой, и она опять села.

О чем я думал, когда брал с собой собаку? Не знаю, но наш с мамой скандал я, видимо, воображал в каком-то романтическом свете, вышло же грубо и даже оскорбительно.

На верхнем этаже щелкнула дверь, ба-бах! — ахнуло в мусоропроводе. А вскоре и наша дверь открылась. Мама была тихо-деловитая.

— Давай поговорим по-хорошему, — предложила она. — Я обещаю тебе купить настоящего породистого щенка, какого-нибудь дога или водолаза. Или кто тебе нравится? Только уведи эту блохастую дворнягу. Наверняка, она большая.

Я представил, как иду по улице с догом или водолазом мимо одноклассников и знакомых. А главное, мимо тех, кто помнит меня во дворе нашего дома с плюшевой собачонкой.

В мыслях я уже предал Динку. О настоящем водолазе (а лучше всего немецкая овчарка!) только мечтать можно. Но как же эта дворняга, которая шла у моей ноги, которая выбрала меня? Выгнать ее на улицу?

Мы снова ругались с мамой, но уже как-то устало, почти без эмоций и "не повышая шепота". Я видел, что Динка настороженно следит за нами. Умная, она все понимает.

Опять ни о чем не договорились, мама ушла, а мы остались на лестнице.

4

А ведь не случайно я привел собаку в тот день, это я уже потом сообразил. Я боялся завтрашнего первого сентября, был совершенно растерян, не знал, на кого, на что опереться.

В июле мы переехали на окраину города, в новый благоустроенный дом. А раньше жили почти в самом центре, в деревянном, двухэтажном. У нас была отдельная квартира с кухней, но уборная была общая для двух квартир в коридоре. Ванной, конечно, не было. И вообще я рвался от-

туда уехать. В соседней дядисашиной квартире поселилась семья. С Лешкой мы порвали.

Лешка жил этажом ниже. Мы еще дошкольниками перестукивались по батарее, вместе рисовали, строили из кубиков замки. Потом учились в одном классе, вдвоем делали уроки, ходили в кино, путешествовали по городу, когда нам еще не разрешали гулять дальше двора, а когда разрешили — убегали в пригороды.

Больше времени проводили у нас дома, потому что у Лешки отец пил.

Лешка положительно относился к моим интересам. Он любил наблюдать, как я меняю рыбам воду, исследовал со мной всякие городские и пригородные водоемы на предмет рыбьего корма и растений.

А чем увлекался он? Продолжительно, наверно, ничем. В младших классах ходил в секцию футбола, потом недолго в авиамодельный кружок, позднее стал грозиться пойти на курсы кройки и шитья, чтобы шить себе модные шмотки. Он даже говорил, что шитьем можно хорошо зарабатывать. А закончилось тем, что выпросить у матери деньги на джинсы оказалось проще, чем посетить женские курсы. Отец его с годами почти перестал пить, присмирел, выглядел поникшим и вечном удрученным. Зато Леха распоясался, орал на родителей, требовал денег то на рубашку с кнопками, то на сумку, то на куртку. Мне это не нравилось, но я почти никогда не высказывал ему свое мнение. Обходил острые углы, чтобы не ссориться. Вот и разошлись без ссоры, он — с полным равнодушием ко мне. До сих пор не знаю, когда появилась между нами трещина. Может быть, в восьмом классе, когда я увидел его пьяным?

Это было восемнадцатого октября. В тот день выпал снег и лежал на зеленых, еще достаточно пышных кустах, как большие белые цветы. Я не только число и месяц помню, я и погоду тогдашнюю помню, и солнышко, вечером вышедшее перед закатом, и даже гороховый суп, который ел на обед. А увидел я Леху днем, во дворе, когда на лавке судачили старухи, а из окон смотрели соседи. Довольно долго я с удивлением наблюдал за ним, не понимая, что это он, Леха, не узнавая, потому что просто не мог вообразить Леху в таком виде. Руки и голова его болтались, он опасно кренился, и иногда казалось, будто он не сам идет, а несет его неведомая сила, а он только чуть подсобляет ей, переставляя и волоча ноги. Я подбежал к нему, чтобы быстрее увести домой.

— А, Саня, это ты... — сказал Леха ватными губами.

Я спросил, где он был, а Леха равнодушно, вяло ответил: "Не твое дело".

Нет, не тогда наметилась трещина. И не на другой день, когда Леха не пожелал рассказать,

что произошло, где и с кем он пил. Мы с Лехой расходились незаметно. Я знал, что иногда Леха выпивает, но в таком состоянии, как осенью, больше не видел его. И компания Лехина стала мне известна: один из нашего класса, двое из соседнего и еще несколько парней, кончивших школу. Были там и девчонки.

Родители купили Лехе магнитофон, он занялся записями и начал торговать кассетами. Мое отношение к этому для него ничего ровным счетом не значило. Мы почти перестали общаться. Я стал Лехе неинтересен, было обидно, что он предал нашу дружбу. Когда я попытался поговорить с ним серьезно, он отрезал:

— Не надо меня воспитывать. Не лезь, дрессируй своих моллюсков.

В классе будто и не замечали ничего. На комитет комсомола за двойки его вызывали, ругали, так он плевал на ту ругань. А комсорг, наверно, галочку поставил, воспитательное мероприятие провел.

Мать Лешки, тетя Тоня, просила меня подействовать, рассказывала про лешкины художества. А как действовать? Я бы и обиды свои отбросил, так Лешка в упор меня не видит.

В милицию его забрали, в школу сообщили. Опять на комитет вызывали, пообещали исключить, если что еще. А ему все равно.

Одним словом, к концу девятого класса я уже никаких иллюзий не питал на перемену Лешки и возрождение нашей дружбы. Я остался один, в целом классе, как на необитаемом острове.

Девятый класс я окончил с отличием. В последний день Ленка Маркова сказала мне:

— Интересно знать, как бывает на душе у отличника. Наверно, тепло и сыро, никаких проблем, кроме боязни, что благополучия немного убавится.

В великом изумлении я что-то промямлил в ответ.

За что же она меня так не любит? Что я ей сделал? Дались ей мои пятерки! Я же не тщеславный петух, отметки для меня не главное...

Все лето меня беспокоили странные Ленкины слова. Вернее всего она сказала их просто так, мели емеля... А может, она намекала на Леху, на случившееся с ним и что я, его друг, допустил это? Но Ленке безразличен Леха. Почти все в классе безразличны друг другу. Тогда что же она имела в виду?

Наверное, ничего, говорил я себе в сотый раз. А на душе у отличника покоя не было, отвратительно было. Я чувствовал себя скучным, никому не нужным ничтожеством. Впервые мне опротивели рыбы. Я с отвращением смотрел на три ухаженных аквариума и хотелось гвоздануть по ним молотком. Я сомневался в себе и правильности своей жизни. А еще караулил Лешку. Когда он

шел по двору, я прятался за занавеску. Но он даже не смотрел на мое окно.

Мы с мамой не могли дождаться переезда, а въехав в новую квартиру, месяц исправляли недоделки строителей, покупали новую мебель, потому что старую мама не захотела везти с собой. Я насилу упрямил ее не покупать мне письменный стол, потому что люблю свой старый, он крепкий, а я со своими рыбами и всякими опытами все равно испорчу крышку стола.

Я твердо решил перейти в ближнюю школу. Мама была против, она говорила, что в десятом классе никто не меняет школу и учителей, тем более, если идет на золотую медаль.

Мамино упрямство феноменально, но я знал, что в старую школу ни за что не вернусь. Мама держалась, как скала, а сдалась внезапно и трагедий больше не разводила, сказала только:

— До твоей школы час и обратно час. В переполненном автобусе. А новая под боком. Надо же в этой глупой затее найти хоть какие-то преимущества? Хотя в твоем положении родная школа самое большое преимущество.

— А какое-такое у меня положение? — игриво спросил я.

— Интересное, — язвительно сказала мама. — Ты беременен золотой медалью.

Я попытался сострить, что рожать придется в новой школе, но она не поддержала. Ее мой переход очень беспокоил. Однако документы мы забрали и переправили на новое место.

Боялся я новой школы, класса, и поддержки искать было не у кого. Кроме собаки. Вот и клюнул на нее, схватился в последний момент, как за соломинку, и уже чуть не променял на дога.

5

Я совсем промерз на каменных ступенях и стучал зубами. Мама несколько раз выглядывала и опять появилась, ужасно раздраженная. И я вдруг понял: победа! А нужна ли эта победа, эта собака — уже не знал. Тупость и равнодушие.

— Ты с ума сошел? Заболеть хочешь? Тебе завтра в школу. Или ты собираешься здесь до утра сидеть?

— От тебя зависит.

— Я уже ответила, нет! — А я по голосу чувствовал — да! — по лицу.

— Тогда я буду ждать здесь отца.

— Я теряюсь перед твоей наглостью. Завтра ты крокодила приведешь, послезавтра гюрзу принесешь! Иди домой, и пусть эта блохастая собака не лезет в комнаты. Переоденься и вымой ее.

Наконец мы вошли и закрыли за собой дверь. Я приказал Динке: "Сидеть. Ни с места". Она не отходила от порога, только иногда вскакивала на минуту, будто приплясывая, помахивала хвостом, поняла, что ей разрешили остаться.

— Господи, на какой помойке ты ее нашел? За что мне это? Где ее мыть? В ванне? Я двадцать лет мечтала о ванне, теперь она есть, будем в ней мыть приبلудных собак!

Мать ожесточенно гремела в кухне крышками, кастрюлками, громко вздыхала. Но уж если у нее появляются иронические нотки, дело идет на лад.

Динку я мыл в тазу шампунем. Мама заглянула и простионала:

— Не могу на это смотреть! Учти, чтобы на полу не осталось ни одной капли.

И ушла. И снова заглядывала, брезгливо морщась. А когда мокрая Динка вздумала отряхнуться, мама чуть в обморок не упала.

Таз я вымыл порошком, но после меня мама долго возилась и с тазом, и с ванной. Я вычесывал собаку старой гребенкой. Блохи у нее, разумеется, были, я понял это по расчесам на теле, а осмотреть внимательно боялся, мама увидит и опять заведется.

— Потерпи, Динка, потерпи, — говорил я, вырывая колтуны и выбирая колочки из шерсти, хотя она стояла не двигаясь, только кожа на боках подергивалась.

— Оригинально, — комментировала мама. — Значит, это чучело зовут Динкой? А почему бы не назвать ее Жучкой? Шариком? Бобиком? Ей подойдет. — И вдруг с печальным недоумением: — А как же лаковые полы? Я так мечтала жить по-человечески в своей отдельной чистой квартире. И когда наконец-то... Все кувырком...

Я молчал, чтобы еще больше не злить ее. Уже давно нужно было привести собаку. Мать всегда так: будет проявлять нечеловеческое упрямство, кричать, а потом согласится и успокоится.

— Ты думаешь ее кормить? — спросила она. — Чем кормят собак?

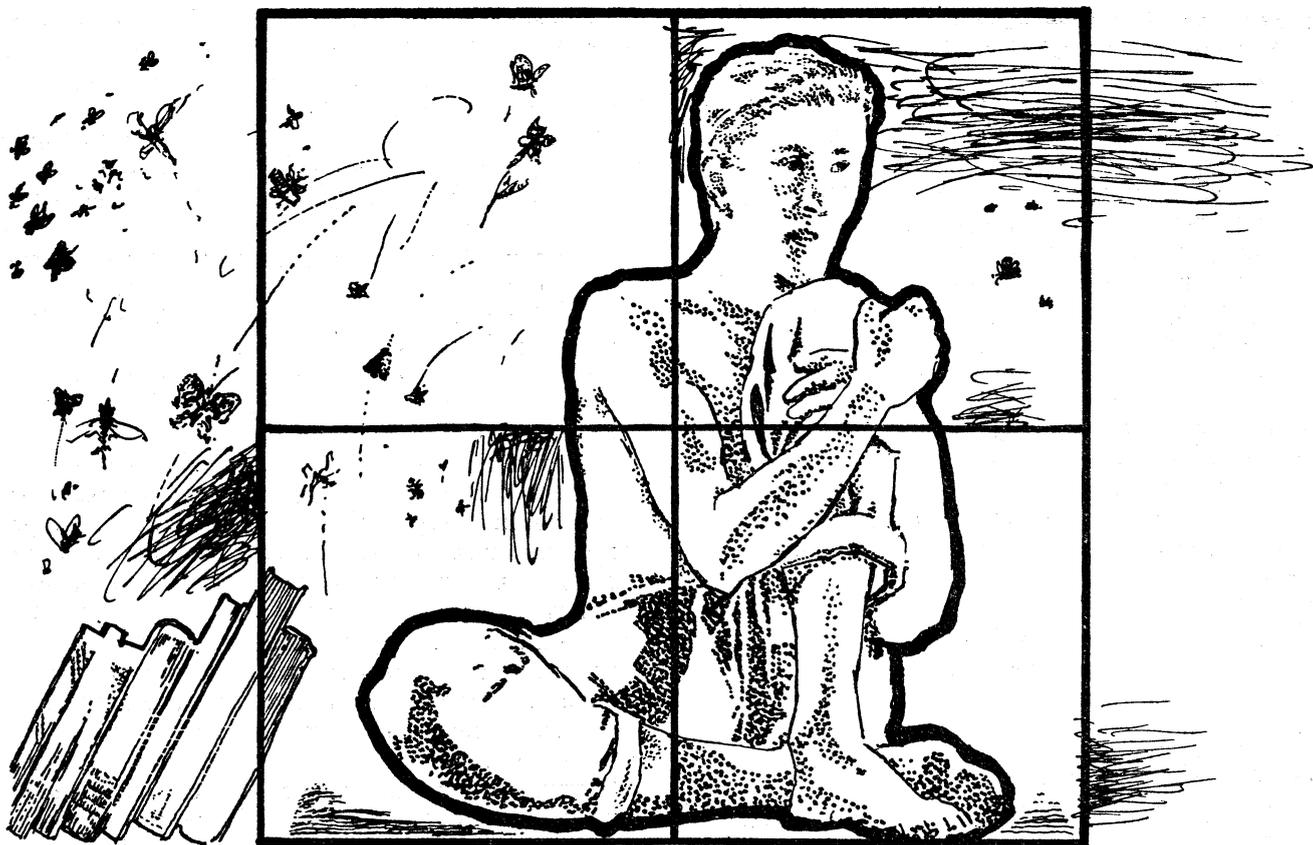
И почему-то стало жалко маму. Разве ж я отпошусь серьезно к обидным ее словам? Поглаживая Динку, я думал: подойти к маме, помириться, или еще не время?

6

В Заречье, куда мы переехали, задуман большой новый район, но пока выросло всего несколько домов-башен. Вокруг низенькие каменные и деревянные домики и частные дома в частных садиках, где к сентябрю вызревают крупные зеленые яблоки.

С одной стороны наш район замыкает железнодорожная насыпь, с другой — речка, только в центре города одетая в набережную, у нас же с зелеными травяными берегами и шеренгой старых серебристых тополей. Их верхушки полощутся на ветру, совсем белые, потому что вертятся листья с белым пушистым подкладом.

Здесь много бродячих псов. Почти все они убо-

ги внешне и такое впечатление, что умственно тоже. Они крупноголовые, туловища длинные, вихлястые, ноги короткие, кривые, и каждая нога, будто в кулачок сжата. Так и бегают на кулачках. Наверно, почти все они в родстве.

По сравнению с Динкой — день и ночь. Она умная и воспитанная собака. Она почти сразу же усвоила свое новое имя, поняла, что спать должна в прихожей на старом половике. В комнату родителей она не входила, к маме не совалась и старалась не встречаться у нее на пути. Она реагировала на команды: "сидеть", "лежать", "место", "ко мне", "апорт", "фу", "дай". Я забыл думать про догов и немецких овчарок. Только меня немного смущало — почему Динка так просто и быстро приняла мою дружбу? Наверно, не надо допускать таких мыслей, не сомневаться надо, а радоваться дружбе, как подарку. Но подозрение было. И я решил проверить Динку.

Третьего сентября с утра я вывел Динку, но не накормил, а после школы подослал домой своего соседа по парте, Игоря. Он должен был открыть дверь моим ключом, сманить Динку колбасой и увести.

Когда Игорь вошел в прихожую, Динка уже стояла перед ним. Не лаяла. Но чуть он сделал попытку продвинуться дальше, оскалилась и зарычала. Он показывал Динке колбасу, причмоки-

вал, посвистывал, но пройти дальше дверей не смог.

Динка не всегда была бродячей собакой. Я это знал и раньше. Но она оказалась хорошей, не испорченной собакой, она защищала дом, в котором прожила всего несколько дней, она слушалась меня. Не могла она подарить дружбу кому попало. Но почему она выбрала именно меня?

7

Животные помогают человеку жить. Особенно собаки. Может быть, и раньше, будь у меня собака, все было бы иначе. С новым же классом отношения сложились просто и естественно, мне кажется, потому, что я не сильно старался там понравиться, "показаться", а занимался Динкой. Игорь Инягин, с которым я сижу, тоже приехал в новостройку и перешел из другой школы. И еще в нашем классе трое таких.

Учебный год начался хорошо, режим дня железно наладился. Раньше мама с трудом вытаскивала меня из постели за полчаса до школы. На ходу я жевал бутерброд, со звонком влетал в класс. Теперь я поднимался в полседьмого без всяких понуканий и выходил с Динкой на улицу. Мы шли к речке, а потом по набережной до того места, где Динка в первую нашу прогулку поймала мыш, оттуда же мчались, как угорелые. У нас

уже складывались свои привычки, традиции. Мы уже кое-что знали друг о друге.

После того случая, когда Игорь не смог войти в дом, мама явно подобрела к Динке. Даже за колбасу, взятую из холодильника для эксперимента, не ругалась. Принесла домой тубик с противоблошиным шампунем для животных, и под ее руководством я снова вымыл Динку. Потом еще раз, после того, как мама заметила, что Динка почесала задней ногой шею. Я сказал ей: "Люди тоже чешутся. Даже чистые. Что ж собаке и почесаться нельзя?"

Приехал отец. Удивился, сказал Динке: "Здравствуй, собака", — и мне на всякий случай: "А ты подумал, что заводя собаку, берешь на себя ответственность? Еще Экзюпери в "Маленьком принце" написал..."

— Что ты навсегда в ответе за всех, кого приручил, — досказал я.

— Как ее зовут? — спросил отец. — Динка? Хорошее имя.

Вот такие у меня родители.

8

Я хочу быть биологом.

Долгое время моим кумиром был Жак-Ив Кусто. Тогда я намеревался связать свое будущее с океанологией. Но море я видел только в кино. Когда же прочел первую книгу Даррелла, то понял: все, что летает, что бегаёт и ползает по суше, мне явно ближе.

А потом отец подарил книгу Фабра, французского энтомолога. Она меня потрясла. Рядом с нами находился совершенно доступный, необычайный по красоте, невероятный, фантастический мир паукообразных, чешуекрылых, жесткокрылых существ. В фантастике меня обычно привлекает не сюжет, а описание придуманного мира. Описание жизни пчел, ос, долгоносиков, кузнечиков, навозников оказалось не менее сказочно и намного интереснее, это было реальностью, а не выдумкой.

Фабр был беден, поэтому занялся именно энтомологией. Жуки, бабочки, пчелы — вокруг нас. Не нужно никаких особых средств, чтобы иметь опытный материал и возможность его наблюдать. Если бы мне разрешили держать дома морскую свинку, кролика, кошку, собаку, птиц, я бы вряд ли стал помышлять о насекомых.

Оказалось, что не так уж хорошо изучены паукообразные или многоножки, например. Вот ими и следовало бы заняться. Но у меня уже к тому времени обнаружилась совершенно определенная склонность к пресноводной фауне.

Трудно объяснить, почему именно водомерки, ручейники, плавунцы и моллюски, а не красавицы-бабочки, кузнечики и сверчки привлекали меня. Сам не знаю. Правда, существовало одно де-

тское воспоминание, хотя его, наверно, нельзя расценивать, как причину.

Я кончил первый класс и почему-то сидел в городе, видимо, ждал, пока у родителей отпуск начнется. Тут Лешкина мать, тетя Тоня, предложила мне поехать на дачу к Лешке. Он жил там с бабушкой. Утром она меня забрала, а часа через два уже на месте были.

Не помню, что мы там делали. Не помню даже воскресенье было или будний день. Только очень мы с Лешкой обрадовались друг другу и пошли гулять. Нас предупредили, чтобы недолго, потому что нам с тетей Тоней вечером возвращаться.

Куда мы шли — тоже не помню. Сачок для бабочек у нас был и картонная коробка из-под фильмоскопа. Наверно, по шоссе сначала, потом по дороге какой-то, и вдруг — вот, начинается, — все помню очень хорошо. Было жарко, а стало прохладно, влажно, мы вошли в зеленый полумрак. У деревьев длинные голые стволы, и высоко где-то там, в вышине, кроны шевелятся. Еще выше солнце золотом разливается, птицы поют и летают. К нам же солнце проникает только пятнышками, словно монетками все позабросано, а из песен — настораживающе, чисто и тонко — комариный голос.

А потом пруд. Как бублик. Посередине пышный круглый островок. Палкой проверили канаву — глубоко. Вода черная, а островок — очень зеленый, даже неестественно. Мы думали переправиться на островок, но широка канава. Тогда мы сели возле ее черных илистых берегов, стали воду сачком баламутить, потом черпнули поглубже и такое достали — мама родная! — что ни в сказке сказать!

Оно выползло из черной жижи сачка, оно было разное и ужасное. Мы бросили сачок со страху на траву, но потом осмелели и стали выуживать животных веточкой и совать в коробку. Теперь я догадываюсь, даже знаю, кто там был. Но тогда они делились для нас на два вида: жуки и страшилища. Жуки, понятно, с панцирем и ногами, обтекаемые, лаковые, черные с желтой обводочкой по краю. А страшилища — рогатые, ногатые, с клешнями, с раздвоенными хвостами, где, мы подзревали, было жало. А один палочкой притворился, а потом оказался живой.

Если я когда-нибудь связываю с собой слово "свобода", то для меня это тот пруд. Говорят еще: "интересно жить", "наполненная жизнь", так вот эти слова у меня тоже ассоциируются с тем волшебным прудом-бубликом.

Пруд нас околдовал. Мы выбрались оттуда грязные, с грязным сачком и тяжелой полуразмокшей картонкой. Солнце уже почти село. Обрато бежали, тоскливо предчувствуя взбучку. Нас, оказывается, искали, нас ругали, сказали, что меня больше не привезут к Лешке. (Больше

и не привезли.) А мы размазывали слезы по грязным щекам, а потом я, как побитый щенок, плелся за тетей Тоней на автобус.

В город вернулись поздно. Я прижимал к себе тяжелую мокрую коробку со страшилищами. Я не знал, куда ее деть. Поставил в подъезде, возле лестницы. А наутро нас разбудил крик тети Сони, дворничихи. Она вопила, как резаная. Сокровища были вынесены на помойку, но кое-что уцелело, расплзлось. Мне было грустно, что сокровища погибли. Никто так и не узнал, что принес коробку я. А комары потом летали в подъезде до зимы.

Вот такие светлые воспоминания. Конечно, они не каждому понятны. Я же никогда не написал про свою волшебную канаву в сочинениях "Самый счастливый день", "Как я провел лето" и т.д. Учительнице литературы мои радости доступны не были, но хуже, что меня не поняла и биологичка. Не получилось у нас с ней контакта. Не встретил я пока в жизни такого человека, который мог бы мне помочь, научить тому, что мне было интересно. А достать определитель, даже краткий, каких-нибудь животных очень трудно. Так что определял я всякую живность по всем попадавшим в руки книгам, даже по энциклопедии.

Всякую нечисть, как называет это мама, я стал таскать домой, прочитав Фабра. А вскоре мне попала книга Ганса Шерфига "Пруд". Колоссальная книга. Она мне очень помогла.

Шерфиг — датский писатель, биолог-любитель. Он наблюдал жизнь маленького пруда в течение года, познакомился с массой научных работ. Его пруд находится на острове Зеландия, недалеко от Копенгагена, на той же широте, что и Москва, правда, климат там немного другой, но флора и фауна похожи на нашу.

Мне понадобился микроскоп, стеклянные трубки, пинцет, спиртовка, эфир, формалин и еще много разных вещей. Маленький школьный микроскоп я купил в комиссионке, выпросив у отца десять рублей. Самодельные аквариумы у меня систематически загнивали, и мама, пока я был в школе, выливала их в уборную. Туда же она спускала моих личинок и куколок, которые сидели в отдельных банках в ожидании превращения.

Дарреллу мама предпочитала Диккенса, Конан-Дойла и Дюма. В свое время и я запоем прочел "Трех мушкетеров", но делал себе не шпаги, а сачки.

Мама воспитывала меня, а я ее. С воспитательной целью я уговорил ее прочесть Даррелла "Моя семья и звери". Она одолела книжку подозрительно быстро, за вечер.

— Вот видишь, — сказал я, — в каких условиях жил Даррелл, а в каких — я, и какая у него была мама.

— Ты не Даррелл, — отвечала мама, — а у меня нет большого дома и прислуги.

Ничего полезного для меня мама не вынесла из этой книги. Она вообще была трудновоспитуемой. Она ездила в Москву и ходила в зоопарк, а потом ужасалась: "Несчастные животные. Они вынуждены жить в неволе, есть и спать на своих испражнениях. Горные бараны скачут по цементным горкам. Но ужаснее всего обезьяны. Я на них смотреть не могла. Во-первых, к клеткам не протолкнуться. А во-вторых, меня потрясли люди. Они кривлялись и передразнивали бедных животных. Они были отвратительны и карикатурны. Может быть, зоопарки вообще вредная затея".

Разве я не объяснял про то, что люди, очеловечивая зверей, пытаются их представить по своему подобию, ошибаются. Доказано тысячу раз — не страдают волки и медведи в клетках. А зоопарки необходимы. Сейчас положение в мире так тяжело для животных, что некоторые из них только в зоопарках и сохранились. Только так их можно размножить и запустить в прежние места обитания.

Книгу Джой Аддамсон мама муржила-муржила, но, мне кажется, так и не прочла.

Я намерен поступить в Московский университет на биологический факультет. Чем я займусь, каким разделом биологии — время покажет. Нечего думать заранее. Специальные занятия начинаются с четвертого курса. А до того времени я узнаю много такого, о чем сейчас не догадываюсь. Может, понравится молекулярная биология, биохимия или что-нибудь такое? А может, я буду зоогеографом? И разумеется, все каникулы я буду проводить в экспедициях. Какая жизнь меня ожидает!

9

С Динкой мы уже жили почти две недели. Она считала меня хозяином. К маме относилась осторожно и вежливо. К отцу, как ни странно, питала слабость. В комнату родителей она без приглашения не ходила, но если отец ее звал, летела стремглав. Когда он возвращался с работы, я замечал, что Динка радуется и сдерживает себя, чтобы не броситься ему на грудь передними лапами и не залаять в голос. Отцу она приносила тапки. Впервые такое случилось на третий день после его приезда из командировки. Нельзя сказать, чтобы мне это нравилось. Хозяин — я, она признавала. Но тапки мне не приносила, хотя я показывал, что хочу этого, и совершенно убежден: она поняла меня. Загадка природы. Чем он ее приворожил?

Если бы на месте отца был кто-то другой, я бы психовал. А тут мирился и думал: пусть проявляет знаки внимания, укрепляет свое положение в доме.

Мне кажется, если бы отец захотел стать Динкиным хозяином, она бы меня променяла.

— Спасибо, собакушка, — говорил отец, надевая поданные ею тапки и шел переодеваться, а Динка оставалась в передней.

Она меня любила, и это абсолютно точно. Она была со мной, когда я делал уроки, читал, занимался рыбками. Она меня слушалась. Правда, была еще одна странность, которая огорчала меня.

Динка у нас прожила неделю, как вдруг в воскресенье, часов в одиннадцать утра стала скрести дверь. Я удивился, потому что не так давно выводил ее. Она вполне достаточно гуляла.

— Выпусти ее, она вернется, — сказала мама, загадочно глянула на меня и прошла в кухню. — Я ее раза два за эту неделю выпускала, — спокойно объяснила она, когда я пристал. — Погуляет часа два и вернется. Видимо, у нее свои дела, свои знакомые...

— Что же ты мне ничего не сказала? — возмутился я.

— Тут и так все ясно. Дикая собака Динго. Свободу любит. Ты что ее насильно будешь держать взаперти?

— Никакая она не дикая. Ты же прекрасно видишь, был у нее хозяин, — сказал я, — она только рассказать не может.

Я быстро оделся и вышел с Динкой. Может, она застудилась, нездорова и ей нужно чаще на улицу, думал я. Хорошо бы ее показать ветеринару.

Мы с Динкой чинно прошествовали до набережной. Все, как всегда. Она проявляла интерес к фонарям и заборам, обнюхивая их. Потом мы шли мимо деревянных домов. Двухэтажные, нелепые, выкрашенные синей шелушащейся краской. Вход в эти дома из палисадников, со стороны улицы. На набережную выходят только окна в серых наличниках и балконы, которые просели под своей тяжестью, так и кажется — выйди на них — обвалятся. Между домами — высокий глухой забор тоже синей краской размалеванный, тоже шелушится. Вот под этот забор Динка нырнула и была такова. Я стоял, как дурак, ожидая, что она появится. Ничего подобного. Тогда я подтянулся, повис на заборе и увидел пустой коридор между стенами домов, где валялась бумага, битые бутылки и всякая гадость. Коридор использовался, как помойка и общественная уборная.

Я обошел дом. Динки нигде не было видно. Она меня бросила.

Мама ни о чем не спросила, когда я вернулся один, но окинула всепонимающим ироничным взглядом.

Часа через полтора я услышал, как Динка скребет дверь.

— Посмотри дверь внутри и снаружи — во что

она превратила своими лапами! — сердито сказала мама.

Я открыл Динке и ушел к себе, выражая всем своим видом обиду. Я не разговаривал с ней, не обращал на нее внимания. Она сидела виноватая на своем половике в прихожей, потом несмело подошла. Уши прижаты, глаза несчастные, пытается давать мне лапу — прощения просит. Конечно же, я растрогался и все ей простил, но виду не показывал. Даже головы не поднял от книги, будто ее вообще здесь нет. Лапа соскакивала с моего колена. Динка опять отправилась в прихожую, и я услышал вздохи. Вздыхала она громко и так горестно, что я не выдержал, позвал ее.

Если на прошлой неделе мама ходила на работу в вечер (ей дают "машинное время" вечером, а ей на ЭВМ поработать надо было), то теперь она уходила с утра. А я стал внимательно наблюдать за Динкой и каждый день ждал поскребывания в дверь, что иногда и случалось. Одевался, шел с ней до набережной и мимо синих домов, где она и пропадала за забором.

Еще через неделю, возвращаясь из школы, я потихоньку вытащил нижний гвоздь из доски в заборе и распатал ее, чтобы хорошо ходила на верхнем гвозде. Когда Динка попросилась на улицу, я пошел с ней как ни в чем не бывало, а чуть она юркнула под забор, отвалил доску в сторону и выскочил в коридор между домами. Но Динка уже миновала его, а пока я переступал через то, что там между домами набросано, она мелькнула возле палисадников и скрылась на другой стороне улицы, в переулке.

В другой раз я попробовал повести ее иным маршрутом, к железнодорожной насыпи. Сначала она шла спокойно, совершила обряд обнюхивания со встречной собакой. И вдруг проскочила в сад частного дома через штакетник, а я опять остался в дураках.

В саду на цепи надрывалась собака. Странно, что Динка туда вообще полезла. И ответного лая я не услышал. Непонятно, куда она делась, как оборотень какой-то.

А та, цепная, все заливалась. Я и раньше ее примечал. Злыдня. С телом овцы, но с мордой вполне собачьей. Обычное ее место — на будке. Если не лает, то стоит и смотрит немигающим взором. Глазки пауэчи, напряженные, неподвижные, но постоянно следят за тобой.

Куда же ходит моя собака? Где ее носит?

— Что с тобой происходит? — выговаривал я Динке. — Где ты шляешься? Всему есть предел!

— А может, она ходит к своим щенкам? — высказал предположение папа.

— Вот на кого она не похожа, так это на ощенившуюся суку.

— Как вульгарно ты выражаешься, — брезгливо говорит мама.

— Это так называется. А щенки исключены.

Папа бывает очень наивным, когда дело касается чего-нибудь, кроме его буровых машин. Я не слишком опытный собачник, но щенков у нее нет, это точно.

— Ты обманываешь меня, — укорял я Динку. — А я не променял тебя на дога и на овчарку не променял.

Динка виновато уходила на половик.

— Вот загадки! — сказал я. — И тут же подай нам разгадку. А может, она имеет право на свою тайну? Ведь если подумать, в людях не меньше загадочного. В своих бы странностях разобраться, а вот привязались — куда собака ходит!

— Что ты имеешь в виду? — настороженно спросил отец.

— В виду чего?

— В виду того.

— А-а-а...

По интонации понятно — с юмором говорит. У моего отца довольно специфическое чувство юмора. Например, на дверях кухни, ванной, уборной, он вывешивает таблички: "Уходя, гасите свет!" У раковины, чтобы до конца кран закрывали. В уборной красочный плакат: "Килька — это вкусно и улучшает аппетит". Мама сняла про кильку, но тут же появился плакат про осетровых рыб и про бережное отношение к хлебу.

10

В моем новом классе все делятся на "ребят вообще" и "комсомольцев". (Хотя формально — почти все комсомольцы.) "Комсомольцы" — это те, кто принимает хоть какое-то участие в общественной жизни.

Среди парней есть один спец по року, один артист, он же бард, который сочиняет и исполняет свои песни под гитару. Есть две хиппующих во внешкольное время и один гениальный математик, совершенно тупой и непригодный для любой гуманитарной дисциплины.

Я причислен к группе "комсомольцев". Есть и поручение — член редколлегии. К поручениям я отношусь ответственно и почти не трачу на них времени. Напишу топорные — все, как нужно — заметки, отстучу на отцовской пишущей машинке и сдам; когда писать нечего — на политинформации выезжаю.

С кем я дружу? Дружу сам с собой.

Среди девочек есть своя красавица, есть и хорошенькие. Эта группа модно и достаточно дорого одета. Закономерность здесь, что ли? Если у девочки нет импорта, она и не кажется симпатичной? Существует еще одна группа девчонок, увлекающаяся ресторанами и "сладкой жизнью". О них говорят всякое, и не разберешь — сплетни это или правда.

Мне понравилась обычная на вид девчонка, то-

же из "комсомольцев", отвечает за учебный сектор. Марьяна.

Крепенькая, темноволосая, блестящие кудряшки завязаны тесемочкой, лицо в веснушках. Глаза ясные, серые, а радужка обведена темным ободком. От ее облика остается впечатление свежести, умытости.

Когда я обратил на Марьяну внимание? Наверное, после того, как нам задали домашнее сочинение "Человек и природа". Все написали общие слова, и в этом плане я оказался далеко не худшим. Общие слова — моя стихия. А вот Марьянино сочинение удивило учительницу, и она его зачитала.

"В жизни все необходимо: от ромашки и маленького жучка до волка и тигра. Необходимо для поддержания равновесия в природе. Каждая травинка, каждая тварь нужна. Все взаимодействует для пользы природы. Кроме человека. Нужен ли он? Созидающий человек — для себя созидает, а все вокруг уничтожает. Он, якобы, облагораживает природу, помогает ей на один процент, а на девяносто девять губит. Он создает новые виды тюльпанов и скрещивает ананас с картошкой. Зачем это природе, когда над ней нависла угроза уничтожения? Давно уже нет в ней равновесия. Химией убита естественная жизнь водоемов, вывелись многие травы и животные. Но ведь когда-то, когда еще не было человека, природа не раз переживала всякие катаклизмы. Умирала, вырождалась и возрождалась. И после человека она выпрямится, станет живой и новой. Только кто же будет наблюдать за ней, исследовать ее, описывать в книгах, рисовать на картинках?"

Класс ужасно развеселился, а училка спрашивает Марьяну:

— Что ты имеешь в виду, когда пишешь "после человека"? Атомную войну? Ты не веришь, что мы отстоим мир?

Марьяна нехотя поднялась, опустила глаза, пожалала плечами.

— Не поняла главной мысли, — продолжала училка. — Ты хочешь сказать, что без человека природе лучше? Жаль, что он пришел и испортил ее? Ты отрицаешь прогресс? Отвечай, а не пожимай плечами! Что ты хотела сказать своим сочинением?

— Ничего, — ответила Марьяна. — Подумала и написала.

Училка шлепнула тетрадь Марьяне на парту и сказала:

— Плохо подумала. Перепиши.

— Мне нечего сказать, — пробурчала Марьяна.

В тот день я был дежурным и остался убирать класс, а когда опоражнивал урну, то нашел там Марьянино сочинение. Разгладил смятые, вырванные из тетради листы и забрал себе.

За новое сочинение Марьяна получила тройку.

— Что ты написала? — спросил я.

Она помедлила, словно решая, говорить или нет, и все-таки сказала:

— Ко мне голубь летает на подоконник. Я его кормлю. Он не боится и даже заходит на кухонный стол. Про это и написала. Ты считаешь, что оно не отвечает теме?

Нет, я так не считал. Мне почему-то показалось убогим мое собственное, удостоенное учительской похвалы, пятерочное сочинение о том, как разумно использовать ресурсы природы и сохранять ее.

А через месяц, наверно, был классный кульпоход в театр на "Мертвые души". Скука невообразимая. Наши начали смываться после первого акта, а я всегда досаживаю до конца. Тем более, смотрю, Марьяна не уходит.

На ней была красная шелковистая кофточка в белый горошек. Почему-то Марьяна в этой кофточке показалась мне похожей на земляничку. Что именно вызвало такую странную ассоциацию? Лицо в веснушках, блестящие кудряшки, кофточка или все вместе? Земляничка, умытая росой.

После спектакля мы оказались вместе в гардеробе. Я предложил погулять, она согласилась.

Пошли пешком в направлении дома. Теперь я не часто бываю в центре, и мы называем это "бывать в городе". А я люблю наш город с роскошными каменными домами начала века и деревянными, с кружевной резьбой.

Мы молчали, но молчание было естественным, не натянутым. А еще я был очень рад, что она согласилась со мной пойти и немного волновался.

— Тебе понравилось? — спросил я про театр. — Тоска смертельная.

— Не знаю, — задумчиво сказала она. — Я на это не обращаю внимания. Мне даже плевать, хорошо или плохо играют. В жизни тоже не все хорошо играют.

— А что же для тебя важно?

— В театре — я другая. Я с героями живу, там, на сцене. И выхожу из театра другая. На час, а бывает и больше. Не знаю, как поточнее сказать... Меня гипнотизирует, что ли, чужая жизнь.

— Ты хочешь быть артисткой?

— Да. Но человек, чтобы быть актером, должен так много в себя вмещать. Он должен быть таким гибким, чтобы каждый раз перевоплощаться. Я бы, наверно, не выдержала, не сумела. Зато у меня есть идея: я бы пригласила в театр каждого желающего сыграть себя. Один раз. То есть в соответствующей роли, чтобы она подходила ему и внешне, и внутренне. Тогда бы театр вечно обновлялся, и было бы очень интересно.

— А он бы один раз сыграл и не захотел уходить, что тогда?

— Тогда — разобраться. Может, у него талант. А если он человек одной роли — пусть гуляет.

— Что же тогда будут играть профессиональные артисты, если театр заполнят актеры одной роли? Ты небось хочешь стать профессиональной артисткой?

— Нет. Я тоже на одну роль.

— На какую?

— Пока не знаю. Вернее знаю, но говорить не буду, нескромно. И потом все еще может перемениться. — И тут она словно прочла мои мысли. — Ты что, думаешь, что я чокнутая? Не бойся. У тебя ведь тоже есть странные мысли, просто ты не говоришь их вслух, и вроде их и нет. Но они есть.

— А я знаю, кого ты бы могла сыграть, — неожиданно сказал я.

Она даже приостановилась и посмотрела на меня с явным любопытством.

— Земляничку из "Приключения Чипполино", — сказал я и понял, что сморозил глупость. Но она оживилась:

— А ты, конечно, Чипполино?

Мы радостно засмеялись и смеялись долго, чуть животы не надорвали.

— А кем ты хочешь быть, не считая актрисы на одну роль? — отсмеявшись, спросил я.

— Не знаю.

— Но через год придется куда-то поступать.

— Почему придется? — иронично поинтересовалась она. — Это совсем не обязательно. Или ты считаешь, что настоящие люди только те, кто в институте учатся?

Мы шли через городской парк, где гуляло еще достаточно народу. Половина из них — влюбленные. Мы обогнули пруд и уже удалялись от него, когда она обернулась и сказала:

— Смотри, будто залит серебряным молоком.

Верно. Пруд лежал спокойный, бледный и серебрился под луной.

И все-таки до дому мы не дошли. Было поздно, доехали на автобусе. Она показала, где живет; в одном из синих домов, между которыми скрывалась от меня Динка.

Недолго постояли возле палисада, где доцветали последние бледно-розовые мелкие, малокровные гладиолусы и мальвы.

Домой я ввалился в первом часу ночи, и не обращая внимания на мамино ворчанье, стал умываться, напевая и брызгаясь по сторонам.

Странная девчонка, необычная, интересная, дурачок, улетающая ужин, а потом, в постели. Нежданная — наконец нашел слово. Только искренна ли, может, оригинальничает? Может, роль какую играет? На некоторые ее замечания я не знал, как реагировать.

А пруд был и в самом деле, будто серебряное молоко.

А еще она сказала: "У тебя умное и доброе лицо", — и мне это польстило. Наверное, лицо у меня не глупое, но избытка доброты я в себе не ощущаю. И оказывается, больше нравится, когда тебя хвалят за то, чего нет. Хотя — почему нет? Она же нашла во мне и ум, и доброту.

11

Жизнь вошла в свою колею, будто и не было у меня раньше другого класса. Только не с кем было, кроме Динки, посидеть и погрузиться, а я почему-то начал скучать по старому дому и Лешке.

Наш темно-зеленый деревянный дом! На втором этаже у Моляровых клетка с чижом в открытом окне висит, а на подоконнике матрас на просушку выставлен. Рядом в окне ожерелье вяленой рыбы, а из-под него высматривает — все знать хочет, что где делается, — тетка Шура, выдавальщица белья в прачечной. Еще дальше, как на витрине, Нинка боком сидит с книгой на коленях, выставив длинные загорелые ноги на всеобщее обозрение. Будто бы читает, а на самом деле дожидается Славку Капитонова, который под Моляровыми живет. Это у Капитоновых цветут лиловые и белые шапки фиалок в горшках и консервных банках, а среди них торчит стародавняя целлулоидная кукла, запудренная пылью.

По другую сторону входа наши два окна, я оттуда спускаю на нитке записку, она парит, как в невесомости, ветерком ее относит, и вдруг — дерг! Это, почти вывалившись из окна на первом этаже, Лешка хватает бумажку. Нитка дрожит, натягивается, Лешка свою записку привязывает, и я слышу: "Вира! Ну, вирай, спишь, что ли?!"

На соседском подоконнике сидит спаниель с потертой шерстью. Слезающимися глазами он смотрит на деревья, двор с двумя гаражами, волейбольной сеткой и веревками с развешанным бельем. Спаниель неповоротливый, беспомощный от старости, его не пугаются голуби, целующиеся на карнизе.

Входная дверь расперта кирпичом, раскрыта настежь, и видно подножье деревянной крутой лестницы с вытертыми посередине ступеньками. По лестнице вниз змеится черный кот. Он почти не замечен, только глаза загораются и потухают. Другой кот греется в солнечном пятне на пороге.

Динка, конечно, не понимала, куда я уношусь в воображении, но вела себя соответственно настроению. Мы все больше узнавали и понимали друг друга.

Мой отец курит болгарские сигареты, но однажды купил "Приму". Вот тогда я сделал интересное открытие. Собака реагирует на дым "Примы". Она беспокоилась, вертелась вокруг отца,

нетерпеливо переступала. Про мое открытие отец сказал: "Чушь собачья".

Проверили на другой день: на болгарский табак нет реакции. А закурил отец "Приму", собака заволновалась.

— Будто сказать что-то хочет, — недоумевал отец.

— Она сказала, — хмыкнул я. — Ее хозяин курил "Приму". И тапочки она ему приносила...

— Поразительно! — удивлялся отец.

Конрад Лоренц, книги которого подарил мне когда-то дядя Саша, — этнолог, то есть человек, исследующий поведение животных. Он пишет, что разведение чистопородных собак — палка о двух концах. Потомство получают, выбирая физические красивые собак, которые соответствуют стандарту породы, а о психических и умственных качествах не думают. Лоренц считает: пусть собака не блещет родословной, но будет верной, умной и храброй. Цирковые собаки, которые должны быть сообразительными, чаще всего — помеси. Они умны и не так "нервны", как чистопородные.

Все это я гордо сообщил родителям, чтоб не обзывались "дворнягой".

12

Я беспрепятственно давал Динке выходить из дому, когда ей захочется. Иногда она уходила через день, иногда дня четыре никуда не просилась. Изредка я шел с ней: вдруг изменит своим дурным привычкам, я ее позову, а она вернется... Я пробовал за ней следить. Но это же чепуха. Чтобы собака не знала, что за ней следит человек?

И вот однажды, когда она нырнула под забор, а я пролез за ней через отверстие в заборе и переступал лежащие под ногами кучи, бутылки и бумаги, то увидел, что Динка стоит в просвете между домами, поджидает меня. Мы пересекли улицу, вышли на следующую, параллельную, и направились к нашему дому. Она меня вела домой. Снова штучки. А может, я ей надоел со своей опекой? А может, она и вправду свободу любит, как мама говорит? Или она вообразила себя моей хозяйкой? Я разозлился и пошел к подъезду, но Динка остановилась поодаль и ждала. Вот тут у меня забилось сердце. Я приблизился к ней, погладил по головке.

Теперь мы шли к железнодорожной насыпи. В частном саду за штакетником заливалась, стоя на конуре, овца с собачьей мордой и паучьими глазами. Миновали насыпь, пересекли шоссе, дали здорово влево по тихой улочке с садами и оказались у кладбища.

Я знал, что оно где-то здесь, и все-таки белые столбы ворот с обитой до кирпича штукатуркой явились для меня совершенной неожиданностью. Просто я мыслями был далек от всяких кладбищ и теперь с недоумением смотрел на старух, сидя-

щих на магазинных ящиках у ограды и торгующих лиловыми астрами и словыми ветками, на женщин перед закрытой дверью деревянной церкви с зелеными куполами, на дорожку, поросшую коротким, как бархат, ярко-зеленым мхом.

Собака остановилась у раковины с цементным столбиком, села. Я тоже сел на скамеечку, и тогда собака легла, вытянув лапы и положив на них голову.

Вот, оказывается, какая судьба у моей собаки. Не был я готов к такому повороту.

Хозяин ее — Виктор Павлович Румянцев — умер в марте прошлого года. Посчитал — в возрасте сорока пяти лет.

Наверное, он был хороший человек, у плохих людей не бывает таких собак, как Динка. И наверное, у него не осталось родственников, иначе Динка не стала бы бездомной. Могила не выглядела часто посещаемой, но этой весной кто-то высадил в раковине оранжевые бархатцы.

Динка сама дала знак, что время скорби окончено. Она поднялась, и теперь не я с ней шел, а она рядом со мной. Дверь церкви была открыта, видно было ее золотисто-коричневое нутро с мерцанием огоньков. На ступенях сидела старуха, что-то прижимала к груди, прятала, прикрывая пальто. Оказалось, голубя.

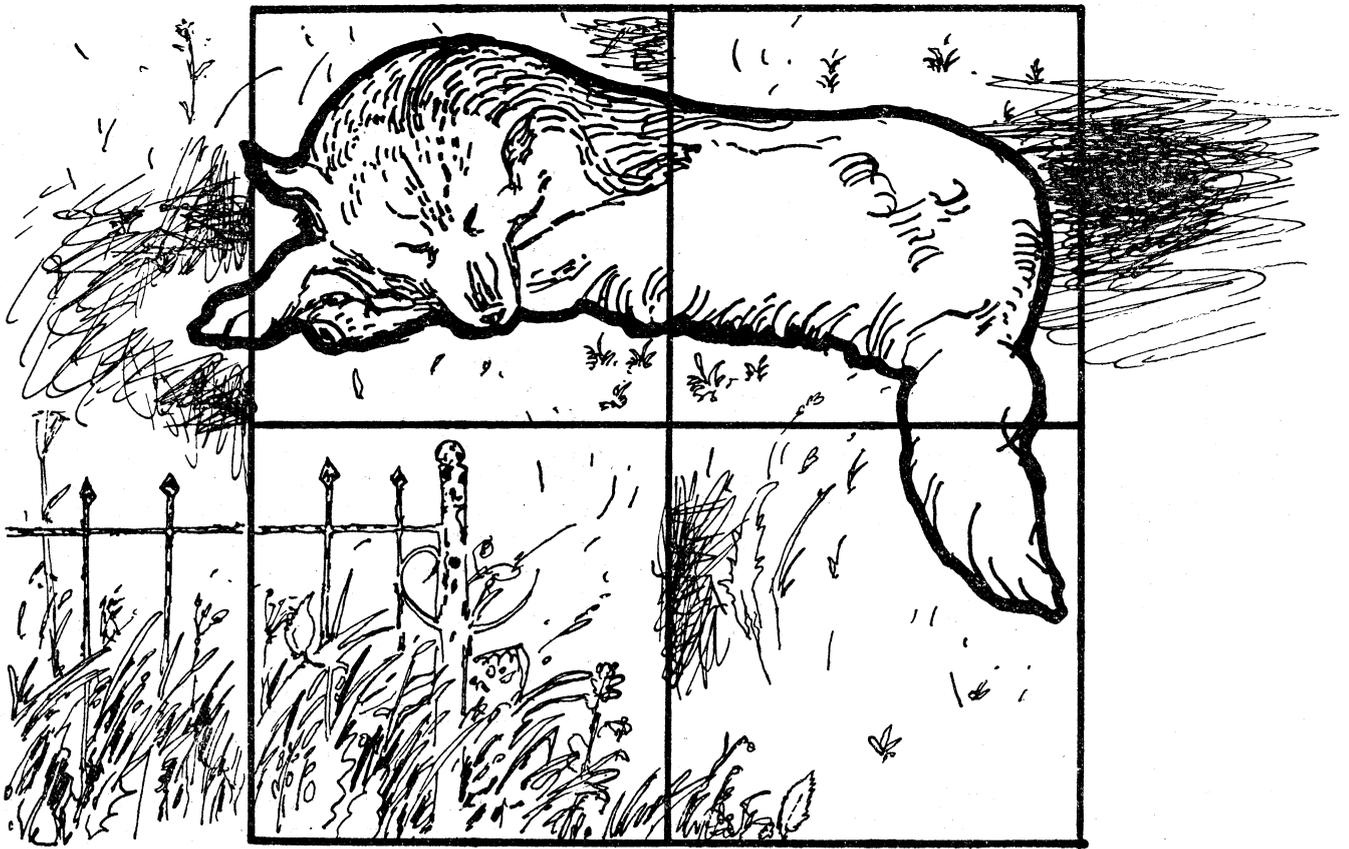
Будто во сне я совершил это странное путешествие. День выдался неожиданно красивый — прохладный, солнечный, прозрачный, аж воздух звенел. Желтые березы, все еще пышны. Однако каждый маленький листок на виду — небо полное золотых монет.

Я и домой вернулся в странном состоянии не-реальности. А дома радио орало с многоопытной ленцой: "Еще не вечер! Еще не вечер!.." Родители шумно мыли окна, потому что мама пыталась перекричать радио и указать отцу, что он пылит тряпкой, капает на пол, оставил мутным низ стекла. Я не рассказал им про кладбище. А делая уроки, все время отвлекался, думая про собаку и ее хозяина. Даже отец заметил, что я какой-то рассеянный.

13

Теперь мы время от времени ходили с Динкой на кладбище. За церковью я обнаружил небольшой пруд, который обследовал с целью выяснения разновидностей флоры и фауны. Правда, вскоре пруд покрылся тонким узорчатым льдом, под которым просвечивали приглушенно-опаловые пятна, тинно-глинисто-палевые. Скывало пруд с каждым днем все сильнее.

Сидя на кладбище, я наблюдал, как отлетали, прижав лапы, вытянув шеи, последние гуси. Тела — пули, а крылья, пробиваемые сверху солнцем — китайские веера. Деревья стояли почти голые, только тополя держались, поблекли, но не обле-

тели. Сирень зеленела, жасмин, жимолость, на облетевших деревьях обнажились вороньи гнезда, как шерстяные клубки.

Бархатцы на могиле Румянцева засохли, я вытаскал их, отнес в мусорный бак. Динка наблюдала за моими действиями, как за должным.

Раньше я бывал на кладбище. Ездили в Белоруссию хоронить бабушку, которую я видел до этого только в раннем детстве. Отцовы старики похоронены в сибирской деревне, я там не был. На городское кладбище с Лешкой заходили из любопытства. А вот могилы мне не приходилось навещать.

Бывая на могиле Румянцева, я стал себя чувствовать чуть ли не родственником его, племянником, что ли...

Он был ровесником моих родителей. Вот если бы на могиле была фотография! Я смог бы конкретнее думать о нем. Кем он был по профессии? Был ли женат? Откуда взял Динку? Почему умер так рано?

Мне стало казаться, что с ним можно было бы потолковать и про будущее, и про Лешку, и про многое другое, о чем с родителями и в голову не придет говорить. Он был добрым, он разговаривал с Динкой и клал ей руку на голову. Может, он и был женат, но к тому времени, как подобрал Динку — дождливым осенним днем нашел на

улице мокрый дрожащий комочек и пожалел, — он уже с женой расстался. Он жил один, в мансарде, писал научные работы и стихи. Конечно же, он писал стихи. Я был уверен в этом.

Он радовался, когда к нему приходили друзья, и они говорили, смеялись, спорили. Румянец не торопился проводить их и никогда не досадовал, если пришли не вовремя. А ко мне никто не приходит. К родителям редко, и не дай бог, без предупреждения, мама этого не выносит. Она вообще любит проводить тихие вечера за домашними делами и телевизором. Она недовольно говорит: "Опять Зина с Вадимом напрашиваются в гости, не сидится им дома. А о чем говорить? Все уже сказано. Опять перемалывать одно и то же в тысячный раз?" И в самом деле, придут гости, сразу за стол, едят, пьют, говорят о ерунде. А ведь, наверное, можно говорить о чем-то другом, не вспоминать каждый раз одни и те же истории, которые случились сто лет назад, не смотреть с гостями телевизор. Румянцеву было о чем говорить с друзьями. Всегда он внимательно слушал их и не перебивал, как это делает мама. А отец, когда с ним говоришь, думает про свои программы и отвечает невпопад, а иногда прерывает на полуслове: "Я понял". Что понял, если я еще не досказал? Не может быть с родителями серьезных разговоров.

Так незаметно для себя, сидя у могилы, я начал придумывать себе Виктора Румянцева. Он стал для меня кем-то вроде старшего друга. Он был таким, каким мне самому хотелось стать.

Однажды на соседнюю могилу пришла женщина. Она оказалась разговорчивой и сообщила, что бывает на кладбище раз в месяц. У моего Румянцева никого не встречала, кроме Динки. Первый раз, увидев ее, струсил, а потом поняла, что собака ходит на могилу к хозяину. Она хотела забрать ее с собой, но Динка не пошла. Женщина приносила Динке еду и оставляла у могилы.

Ничего особо существенного я не узнал.

В конце ноября начались холода, и я перестал бывать на кладбище.

Дома я не рассказал про Румянцева, и не потому, что мне нужна была тайна. Родители не лезли ко мне в душу, самое важное для них — мои пятерки и поведение, чтобы беспокоить от меня поменьше. Про дядю Сашу, даже про Лешку — это их не интересовало. Что им было с того, что дядя Саша занимал в моей жизни большое место, что я тяжело переживал разрыв с Лешкой и винил себя в этой потере. Так пусть и про Румянцева они не знают, пусть это будет моим личным. Тем более, отец наверняка захочет проверить эту необычную историю, а понравится ли Динке, если мы пойдем на кладбище вместе? Меня она позвала туда, а отца — нет.

А еще я не мог сказать родителям, что несуществующий Румянцев, человек широкий, бескомпромиссный, со своими стихами и плоской сигаретой "Примы", стал моим единственным другом. Он уехал далеко и надолго и оставил мне собаку. А я его жду, поэтому он вернется.

Верно Марьяна говорила, что у всякого человека есть странные мысли, которые надо держать при себе, чтобы не выглядеть сумасшедшим.

Про Марьяну я родителям тоже не рассказываю.

14

На большой перемене к нам в класс пришли два психолога — молодая женщина и пожилая, с улыбкой Вольтера, иронически-всезнающей, как на знаменитой скульптуре, где философ сидит в кресле. Они попросили написать три наших главных желания, только с полной откровенностью. Анонимно.

Конечно, шум начался, потому что кто-то в буфет спешил, а кто-то подозревал, что будут по почерку выяснять, кто что желает. Нас заверили: все будет честно, данные нужны молодой женщине для какой-то научной работы. Женщина нам понравилась, была она не то что красивая, а милая очень. Мы быстренько написали желания и пошли скопом сдавать. Свалили бумажки на стол,

а Инягин перемешал кучу, чтобы непонятно было, кто какую записку положил.

Классная наша спросила, не сделают ли психологи для нас обобщающего сообщения о наших желаниях, выводы. На другой день психологи снова пришли.

Пожилая с вольтеровской улыбкой сказала, что результаты ее разочаровали. Она отбросила в сторону ответы с проявлением неуместного юмора, остальные желания рассортированы и представляют собой следующее. Многие ребята (а у нас четырнадцать девочек и семнадцать мальчиков) хотят, чтоб у них была интересная и хорошо оплачиваемая работа. Второе желание по количеству ответов: иметь много денег. Третье — подарки и путешествия.

— Меня, честно говоря, удивили ваши ответы, — сказала пожилая. — Я думаю, что интересная и хорошо оплачиваемая работа — естественное желание. А те, кто хочет иметь много денег? Как они думают их получить? Чтобы с неба упали?

Класс засмеялся, загомонил: "Неплохо было бы!", "С неба — самое лучшее!"

— Волшебные желания — для детского сада, — отчеканила женщина: — А вы завтра кончаете школу; юноши в армию пойдут... Теперь путешествия. Не знаю, что вы подразумеваете под этим. Меня смутила одна записка с расшифровкой этого слова. Вот пожалуйста: "Совершить круиз вокруг света на белом корабле с бассейнами, теннисными кортами и ресторанами". (Жизнерадостный смех в классе.) Я думаю, что это написала девочка. Я думаю, что она склонна представлять себя женой миллионера, а белый корабль только компонент в ее выдуманном мире. А что вы смеетесь? Деньги с неба, круиз вокруг света — это желания одного порядка. Однако только один человек в классе написал: "чтобы мама не болела и долго жила". Только один! Двенадцать человек хотят мира. Трое написали "иметь хорошую семью", трое — "выйти замуж", одна — "удачно выйти замуж". Одна девочка написала — "иметь не менее пяти детей".

Оживление в классе перешло в бурю. "Это Купидонова!" — кричат, гадают. "Это Разумиха, я на ней женюсь прямо сейчас!"

— Если вам неинтересно, я могу не продолжать, — поджала губы пожилая.

— Интересно! — с энтузиазмом заорали все.

— Тогда слушайте. Вы хотите иметь. Но никто не написал — уметь, кроме одного — "уметь играть на фоне". И замечьте, опять подарок с неба — не научиться, а уметь! Восемь человек написали — "хочу, чтобы мне дарили цветы". Вот учтите, мальчики, это желание девочек легко исполнимо и будет оценено. Хотя я бы на месте девочек не сочла его главным в жизни.

Опять оживление, реплики.

— Трое хотят впридачу к цветам котенка. Один хочет собаку. Двое — хорошую библиотеку. Двенадцать человек — магнитофон и импорт. Десять человек — машину.

Взрыв хохота.

— Шесть человек мечтают поступить в институт, из чего не следует делать вывод, что мечтают об этом только они. Двенадцать человек пишут в разных вариантах про легкую и веселую жизнь, бытовую устроенность и комфорт. Да, ни одной записки не было, которая удивила бы. Простите меня, ребята, серые у вас желания и бескрылье.

Снова посыпались реплики с мест: "А это еще с какой стороны посмотреть!", "Об этом можно спросить!", "Это все несерьезно!"

И вдруг встает моя Земляничка и говорит:

— Это вы хотите нам подрубить крылья! Вы, наверно, сами прожили серую жизнь и хотите, чтобы мы жили так же.

Меня покорило Марьянино выступление, и я испугался, что женщина-психолог заплачет, потому что она застыла и смотрела на нас широко открытыми глазами. Но, честно говоря, она своими выводами тоже раздражала меня.

— Я считаю, что я честно прожила свою жизнь, — обиженно сказала пожилая.

"А как другие считают?", "Слабое утешение!"

— закричали ребята. И вдруг заговорила молодая. Негромко, но почему-то все тут же примолкли. Может быть, потому что внешне она была такой милой.

— Девочки, наверное, стыдятся написать про любовь. Как же так? Никто не захотел любви? Такой, ЧТОБ НА ВСЮ ЖИЗНЬ, верной, настоящей.

— А вы нашли такую? — громко спросила Марьяна, но теперь по-детски, и никто не стал смеяться.

— Нет, — спокойно сказала молодая.

— А что бы вы написали в анкете?

— Я подумала бы о главном. Первое, наверно, мир, чтобы все и каждый жили спокойно. А еще, и это одинаково важно и для мужчины, и для женщины — интересная работа, счастливая семейная жизнь и здоровье.

— А что бы вы хотели получить в подарок? — спросила Марьяна.

— А вот это уже детали. Будет главное, можно и о подарках подумать.

— А все-таки? — стали настаивать девочки.

И тогда она рассказала историю о подарке.

Жил в городе Севастополе немолодой моряк. Он уже много лет увлекался книгами Паустовского. И вот однажды он решил встретиться с любимым писателем и поехал к нему в маленький го-

родок на Оке — в Тарусу. Но капитана не пустили к Паустовскому, потому что тот был очень болен (было это незадолго до его смерти). Не стал капитан набиваться, только попросил передать записку, где писал, что стал моряком только потому, что существуют такие замечательные книги, как у Паустовского. И подарок послал — старый кусок дерева, изъеденный водой и временем. Это был обломок от кормы фрегата "Паллады". Ушел моряк, а его догоняют, зовут, больной писатель был так взволнован, получив записку и необычный подарок, что потребовал во что бы то ни стало остановить и привести к нему капитана. Паустовский радовался подарку, как ребенок. Почему? Потому что он умел радоваться, умел мечтать, подарки мерял не на полезность и не на стоимость.

Видно, молодая чувствовала настроение класса и поняла, что доверительно-искреннему настроению скоро конец. И надо заканчивать беседу. Уже кто-то обсуждал, был ли тот кусочек дерева от кормы легендарного фрегата "Паллады" или от старого пня, а кто-то говорил, что предпочел бы получить в подарок золотой перстень.

— Это не важно, — сказала женщина, — откуда была деревяшка. Моряк верил, что она от "Паллады", и Паустовский тоже. Уже потом мне сказал один путешественник, скептик вроде вас, что в какой-то бухте у Сахалина лежит затонувшая "Паллада". Нырятьщики отщипывают кусочки на память и — не знаю, правда ли, но как будто бы уже налажена государственная продажа сувениров, — кусочки от фрегата заливают оргстеклом. Но все это ничуть не меняет моего отношения к поступку моряка. Мне жаль, если вы считаете глупостью, что один взрослый человек долго едет к другому, чтобы привезти ему слова благодарности и кусок дерева, а другой радуется подарку, как дитя. Я не хочу сказать, что в этом больше смысла, чем в ваших цветах, кольцах и магнитофонах... Просто лично для меня — больше...

— Тогда в чем же смысл для всех?

— Наверно в том, чтобы понять других. Чтобы уметь уважать других, даже если у них иные желания.

— А почему вы не уважаете наши желания? — закричали из класса.

— Кто вам сказал, что я не уважаю? Когда уважают старость — понятно. Но молодость тоже нужно уважать, потому что она самое лучшее и самое трудное время жизни человека.

— Договорились до ручки, — сказала пожилая, вольтеровская усмешка стремительно растянула губы, она тряхнула головой, закидывая упавшую на лоб прядь пегих волос и быстренько завершила наше сборище при помощи классной.

Может быть, я влюбился в Марьяну. Это под вопросом, хотя есть такая вероятность. Она занимает мое воображение.

Но любовь ли это?

Она необычная девчонка, не пойму я ее. То беззащитна, безответна, то смела, не боится говорить про себя такое, о чем другие помалкивают. А в ответ умеет так осадить — хоть стой, хоть падай.

Теперь мы с Марьяной часто прогуливаем по набережной Динку.

С неба сыплется снег, такой мелкий, легкий и сухой, что его не видно. Только грани снежинок поблескивают. Стоит сверканье в воздухе.

Между мощных стволов тополей бежит Динка, занятая своими заботами и общением со знакомыми собаками. Мы с Марьяной молчим, но я все время думаю: что же она написала в анкете? Знай я это, я бы лучше ее понял. Никто в классе меня особенно не занимает, и поэтому все кажутся понятными. Только Марьяна — загадка. И настроение ее вечно меняющееся, и странный ум...

Я же в анкете написал настолько "правильные" желания, не выходящие за пределы нормы, что по ним составить обо мне какое-нибудь представление просто невозможно. Единственный вывод: либо положительный человек, либо лицемер, пишущий, что от него ждут. Но Марьяна не могла писать по-обычному.

— Какие желания ты написала в анкете? Это не секрет?

— Секрет.

Так я и знал.

— А какой самый лучший подарок ты получила в своей жизни?

— Не знаю. Мне редко дарят подарки.

— Ты бы обрадовалась деревяшке от легендарного фрегата?

— Вряд ли. Мне она ни к чему. Но я понимаю, что для кого-то это много значит.

И тогда я рассказал ей, как однажды зимой ваялся с ангиной. И все мне надоело. Как-то вылез я из постели, чтобы что-то взять со стола, и вдруг увидел на стене большую бабочку изумительной красоты. Толстое шелково-пушистое тело-сигара. Два узких длинных болотно-зеленых крыла, а два нижних — вишневые. Бражник сидел на обойных цветах, как в саду. И я не знаю, что было красивее этого бражника. Видно, он вышел из окукленной гусеницы, которую я осенью посадил в коробочку и забыл.

Бражник жил у меня между окон, туда я клал ему листья капусты и комнатных цветов, ставил подслащенную водичку, но вскоре он уснул и попал в мою коллекцию. Несколько лет прошло, а

я помню тот момент, когда увидел: сидит на стене живое чудо — бабочка.

— Мне бы хотелось тебе подарить что-нибудь вроде этого, — доверительно сказал я. — Чтобы цены этому не было. То есть просто радость, которую нигде не купишь.

— Подари, — отозвалась она. — Подари, пожалуйста.

Нет, не написала она в анкете правду, у меня ведь тоже личное желание несбыточное, которое я не мог записать в анкету: иметь старшего друга, Румянцева.

У него было много друзей, но я бы стал главным, завоевал бы это право. А его друзья постепенно стали бы и моими. Почему мой отец не Румянцев, а его полная противоположность? Впрочем, я на отца не в обиде. Каждому свое. Отцу — отцово, а Румянцеву я назначил роль друга. Даже странно, что в детстве я считал отца самым замечательным человеком: сильным, умным, отважным, — и хотел быть похожим на него. Я не замечал, что он скуповат, что до смешного — это и посторонние замечают — под каблуком у мамы, что, выпив две рюмки, он уже лезет к окружающим целоваться и говорит глупости. Румянцев был щедрым, с женщинами и детьми — добрым, но не терял свое лицо и независимость, а выпив, становился просто веселым, но не пьяным, потому что я ненавижу пьяных. Была у Румянцева еще одна особенность, ему никогда не было скучно с самим собой. Он уходил на охоту, а вечерами сидел у костра, подбрасывая сучья в огонь. Если дрова были сухие, в небо летели, извиваясь, огненные змейки. О чем он думал? Смотрел на огонь. Строчки какие-то на ум приходили и складывались в строфы. Иногда он бывал на охоте не с ружьем, а с фотоаппаратом. В такие походы он не любил брать никого. А меня брал...

— Он умер? — неожиданно спросила Марьяна.

И я, не осознав, что давно думаю вслух, ответил:

— Да, весной прошлого года. Тогда же ушла и пропала его собака, а этим летом я нашел ее на могиле Румянцева и забрал.

— У нее очень понятливая морда, — сказала

Марьяна. — Но главное, что она преданная собака. А кто он был тебе, родственник?

— Дядя.

— Кто он был по профессии?

— Писатель, — почему-то сказал я. Сколько не воображал Румянцева, а профессии его не знал.

— Поэт?

— Понимаешь, это не просто. Вообще-то по профессии он был летчик, а в нерабочее время — писатель.

— А книги его можно почитать?

— Нет. Книгу свою он не закончил, — с неподдельной печалью сказал я. И ужаснулся, как свободно меня несет, как вдохновенно и с удовольствием я вру. А может, и не вру? А может, это моя жизнь, которая реальнее реальной?

Марьяна смотрела на меня во все глаза. Я вообще не помню, что бы она когда-нибудь на меня так смотрела.

Снег перестал идти, а когда пошел вновь, сверканье не повторилось. Летел он редкий, белый, чистый, как маленькие парашютики.

— Я тоже пишу стихи, — сказала Марьяна.

Она читала мне про природу. Просто прекрасные стихи. И вдруг — а я совсем не мастак в поэзии — слышу знакомые строчки: "Черемуха душистая с весною расцвела и ветки золотистые что кудри завилала".

Домой я пришел и, не раздеваясь, прямо к книжным полкам.

— Мама, где здесь стоял Есенин?

— Да вот же он! А почему ты в ботинках по чистому полу? — возмутилась она.

Подержал я в руках томик Есенина и не раскрыл его.

Мы квиты. Зачем уличать Марьяну во лжи, если сам я немилосердно заврался. Правда, я не приписывал себе чужие заслуги, я друга себе придумал. У меня его не было, когда он жил, зато он есть у меня теперь. Кажется, я романтизирую и оправдываю свое вранье. К тому же наружу вырвалось оно случайно. А может, у нее тоже вырвалось неосознанно, она даже не заметила, что чужое читает, или заметила и ужаснулась?

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

КОРМИТЬ ЗВЕРЕЙ ВОСПРЕЩАЕТСЯ

Василий ЩЕПЕТНЕВ

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

От автора

Зло порой откровенно — война, голод. Но чаще оно рассеяно, неявно, и тем опаснее.

Через два года после Чернобыля началось радиационное картографирование Воронежской области — где и сколько осадков выпало. Нашли "пятна", но когда провели качественный анализ радионуклидов, оказалось, что некоторым пятнам не два, а много, много лет. Работу быстренько свернули, кончились средства, а результат был объяснен ошибками метода. Насторожила и некоторая другая информация...

Факт за фактом привели меня к убеждению: лозунг о создании "нового человека для новой жизни" имел не переносный, а самый прямой смысл. Но проверять догадку я мог лишь методом "мысленного эксперимента", результатом которого и явились литературные (надеюсь) произведения, публикуемые в "Уральском следопыте" и других изданиях. Объединяет их следующая идея: существует Организация, цель которой — изменение человеческой природы, создание человека-винтика, существа с заранее заданными свойствами. Порой результаты работы выходят из-под контроля Организации, и ликвидировать их, загонять джинна в бутылку призвана лаборатория необиологических структур, НС, среди своих именуемая Ночной Стражей. Со временем пути Организации и Ночной Стражи разошлись, из соратников они стали врагами. Герои мои порой бесстрашные жертвы зла, порой сражаются с ним в одиночку, а порой — профессионально, по долгу службы. Кто стоит за Организацией? Я даже не уверен, что здесь правомочен вопрос "кто".

Василий Щепетнев

1

— Говорите только о приятном или самом обыденном, о пустяках. Болезни, смерти, пожары пусть остаются за порогом санатория, — врач повел рукой, и свеженакрахмаленный халат цвета городского молока, слегка тесноватый, сделал движение натянутым, нарочитым.

— Хорошо, хорошо, — закивала, соглашаясь, мать. — У нас ничего дурного и не случилось, жук колорадский, правда, расплодился, все лето давили, давили...

— Про жука можно, но не более. Лечебно-охранительный режим. И вот еще: какую-нибудь литературу привезли? Газеты, журналы, книги?

— Нет. А надо было?

— Именно, что не надо. Любой здоровяк от наших новостей в тоску впадает. Мы специальные стенды организовали с вырезками из свежей прессы — про хорошее. И книги у нас

есть, и кино показываем доброе. В основном старое, да...

— Везде бы так, — вздохнула мать. — Включать телевизор страшно, особенно к ночи.

— Мы и не включаем. Что в сумочке у вас? Продукты?

— Я помидоров привезла ему, яичек, у нас куры свои.

— Много?

— Десяток. Да они свежие, третьедневные.

— Колбасы, консервов нет?

— Нет, нет, я знаю, нельзя.

— Хорошо. Хотя напрасно, питание у нас отличное, я бы сказал — гвардейское. Лейб-гвардейское! — толстый палец указал в потолок. — По старым цеховским нормам, это же их был санаторий!

— Спасибо, спасибо, — по привычке поблагодарила мать и искательно, робко глянула в лицо доктору. — Мне бы Бореньку... Поезд... — она сбилась, затеребила ручки сумки, коричневой, в мелких трещинах.

— Сейчас у него прогулка. Вас проводят. И помните — позитивные новости, отличное настроение, оптимизм — главное лекарств.

Полный, массивный санитар — или фельдшер? — разбери поди; наверное, больничное ест, от Бореньки, — вывел ее в парк. Сосны под солнцем пахли светло, ясно, и ветерок с моря чудный. Замечательный санаторий. И дорогой. Она видела объявление в кабинете врача: "Реализуются путевки за наличный и безналичный расчет". На богачей, кому еще под силу столько выложить? Но сыну бесплатно, от профсоюза. Это сколько всего выходит — на три срока, а надо будет, сказали, продлим? Она зашевелила губами, подсчитывая, но санитар удивительно легко для его сложения тронул за плечо, указывая на широкую спину:

— Ваш сын.

Он шел впереди, немного сутулясь, и голова его, стриженная почти наголо, повернулась на ее зов вместе с туловищем. Шею застудил, пожоже, купается в море, а оно холодное.

— Мама! Ты здесь?

— Приехала, приехала, Боренька, — она хотела его обнять, но удержалась, вон какой взрослый, большой, застесняется, и взяла за руку. А все-таки похудел, чуть-чуть, но похудел — здоровой, жилистой худобой. И кожа загорелая, ни угорька, ни прыщика.

Туца прикрыла солнце, и сразу ветер озлился, стало прохладно.

— Идем в беседку, — сын провел ее, подерживая под локоть, и матери сразу стало спокойно, надежно. Стоило ехать, чтобы увидеть — взрослого, здорового, ничуть не больного. Что и осталось — долечат. Ох, уж этот спорт...

Они говорили беспорядочно, сумбурно, перескакивая с одного на другое, мать старалась следовать наказу доктора, но хорошие вести быстро кончились, и тогда она раскрыла сумку:

— От старых кур. Новые, я полсотни взяла,

один подход, правда, не раньше твоего возвращения нестись начнут. Ты ведь побудешь дома до нового семестра?

— Посмотрим. Побуду, наверное, — сын развернул обернутое газетным клочком яйцо, осторожно надбил, снял скорлупку и проглотил, смакуя.

— Свежее.

К концу разговора Борис выпил весь десяток. Мать совсем успокоилась, порядок со здоровьем. Он всегда так, неделю может не есть яиц, две, а потом разом — дюжину. Обязательно свежих.

Она взглянула на часы.

— Ох, Боренька, мне пора назад собираться. Расписание такое, поезд раз в три дня ходит, а на самого разве оставишь хозяйство надолго? — она заметила, как поморщился сын на "самого". Не сошлись они с отчимом.

— Давай, порядок наведем, — сын поднимал с пола бумажки, те, в которые заворачивались яйца. — Когда поезд-то?

— Через час. Пока дойду, запасец нужен, мало ли. Я бы задержалась, да разве сам справится, три дня согласился терпеть, на удивление... — она умолкла, щадя сына. Два медведя, он да отчим, не уживаются. Она почти силой вырвала последний клочок, скомкала, сунула в карман кофты.

— До свидания, Боренька, — не сдерживаясь, обняла, расплакалась.

— Да ладно, ладно, — сын вывел ее из беседки. — Ты пиши. И я напишу. Или приеду.

— Раиса Алексеевна, — позвал санитар. Ишь, запомнил. — У нас машина до станции идет, подбросим.

— Иди, иди, — подтолкнул сын мать.

— За воротами машина, серая "волга", — подсказал санитар.

Она спешно передала сыну кулек помидоров, полузеленых, твердых, созреют, глянула в глаза и пошла быстро-быстро к выходу.

Не простил, так и не простил, что второй раз вышла замуж. С Егором, новым мужем, словом не перемолвится, словно и нет его, Егора.

Не сошлись.

Завернув за кусты, она украдкой, таясь сама себя, вытащила из кармана мятую бумагу, кинула в гущу зелени и заспешила дальше, а ну, как не станет ждать машина, уедет, а она устала, так устала...

II

1

— Белое пятно, поле чудес, — ветер трепал план-карту, и инспектор поспешил убрать ее в портфель. — Как говорят летчики, видимость миллион на миллион, в смысле простора. Коммуникации витаминного завода в стороне, за

теми столбами. Копайте смело и помните об одном: клад есть собственность государства!

Ли на шутку не отозвался. Авраам с умеренно помятой купюры печально улыбнулся, переключивая в руку инспектора по надзору за проведением земляных работ. Пятерка — помимо легальной, через банк, платы, обложенной налогом и разными словами.

— Совсем, как огуречик, зелененьким он был, — веселое настроение овладело инспектором всерьез и надолго. — Давайте, оставлю автограф, — он размашисто подписал невзрачную бумажку, разрешение вырыть канаву.

— Другое время — другие деньги! Понадоблюсь еще — звоните, — инспектор процально махнул рукой и сбежал с пригорка вниз, к алой "короне". Дверца закрылась дорого, негромко. Не со свалки тачка.

Ли обернулся к своим владениям. Неправильным овалом окольцевали часть пустыря фургоны — яркие, разрисованные диковинами всех континентов. Бизоны, ягуары, вараны острова Комодо, и все огромные, красивые.

Служебные вагончики были особенно приметны: художник украсил их динозаврами, уместившимися в юрских ландшафтах лишь благодаря великим итальянцам. Ах, перспектива...

Он поднялся по откидной лесенке к техникам.

— Можно начинать!

— Леонида Сергеевича нет. В гараж поехали.

— Тракторист готов?

— Готов-то готов, даже слишком, — Витек улыбнулся интригующе. — Глядите!

Спозаранку успевший "принять" тракторист-экскаваторщик завалился в угол и мирно, тихонечко посвистывал.

— Поднять нет никакой возможности, — разъяснил Витек. Сам он, "живущий питием", по собственному определению, всегда сохранял "рабочую классовую сноровку" и теперь гордился своим превосходством.

— Ты проводку третьего прожектора отладил?

— Нет, с этим цацкался.

— С ним жена его пусть цацкается, а ты на работе.

— Понял, Александр Александрович, — электрик суетливо подхватил чемоданчик. — Айн момент.

Сделает. Иначе давно вылетел бы. А вот этот...

Ли с сомнением посмотрел на спящего. Кого держат... Одно слово — чумазый. Ладно, директорами не рождаются, выкопает сам, канавка — мелочь, нервы успокоит. Переодеться лишь надо, да посмотреть, какое сено нынче подвезли. Свой глазок — смотрок.

2

Палец, измазанный бурой жижей, завис над листом бумаги. Капля бухла, созревала и наконец оторвалась. Едва успев вытянуться в ко-

ротком полете, она, попав на промокашку, расплылась блеклым пятном-кокардой.

Зоотехник подождал. Нет, вторая капля так и не собралась.

— Три буханки черствого недельного хлеба, литр простокваши, полстакана подсолнечного — затараторила Лена.

— Вполне удовлетворительно, — прервал ее зоотехник, обтирая палец тряпочкой. — Скажи Борису, пусть быстрее отнесет в изолятор медвежонку, и чтобы больше не путал, кабанчика чужой едой не прикармливал.

— Он и не прикармливал. Случайно вышло.

— Повезло, Леночка, твоим протеже мог ведь и слон стать, тогда худо. А кабанчик что, кабанчик зверюшка некрупная, покуда месячный.

3

Затертое, замызанное сидение манило не больше парикмахерского стула. Ли подавил желание плюнуть и ждать протрезвления "специалиста". Всех ждать — век прозябать. На витаминном заводе четвертый месяц ждут, кто им цех после хлопка восстанавливать будет.

Он тронул рычаги. Года три, как не доводилось копать, все было командовал. Полезно переключаться с рукосуйской работы на спиногнутую, не дает воспоминаниям розоветь.

Трактор дернулся и, смирясь, поехал.

Рукосуй, ха!

4

— Директорша у себя? — главный механик остановился у лестницы: плотник перегородил путь, прилаживая отломанную ступеньку.

— Директорша?

— Ну!

— Какая директорша? — плотник серьезно смотрел на механика.

— Валентина Семеновна, — главмех старался не раздражаться. Ушибленный мужичок, что взять с убогого?

— Она главный бухгалтер, Леонид Сергеевич, а директор у нас товарищ Ли Александр Александрович.

— Так у себя она?

— Кто? Валентина Семеновна? Да, она и велела поправить лестницу. А директора нет, директор...

— Ленчик! — женщина раскрыла дверь. — Наконец! Как с машиной?

— Завтра в лучшем виде обещали, — главмех смотрел в сторону, чтобы не задирать голову. Владычица! Если объективно, она директорша и есть. Не потому, что жена директора, даже не потому, что все деньги через нее идут, а — есть в ней барское, всех вокруг за навоз держать. Откуда и взялось...

— Завтра поздно, — директорша спускалась, не замечая плотника, а трудно было не заметить, идти пришлось бочком, у самых перил. И

плотник, обойденный вниманием, не утерпел, встал:

— Готово, Валентина Семеновна!

— Готово? — чуть не споткнулась директорша.

— Починил, — он притопнул, показывая работу.

— Хорошо, ты работай, работай...

— А директор сказал, как кончу, к нему идти.

— Так иди, передай, нужен он, бумаги подписать, — и, не понижая голоса, пожаловалась главмеху:

— Удружил собес, повесил на шею. "Социальная реабилитация, социальная реабилитация!" Дурдом по нем плачет. Как заведет про деревяню рассказывать, где атомную войну пересидел.

Механик пожал плечами:

— Не буйный, работающий, переделывать за ним не приходится. А что тронутый — точно.

5

— Вычистил? — Лавлинский придирчиво осмотрел клетку. Нюрка равнодушно отвернулась, зевнула во всю пасть. — Три с минусом, нет, с двумя минусами, и то по случаю грядущего рождества честного, славного пророка, предтечи и крестителя господня Иоанна. Вдругорядь — шалишь, Борис.

Борис прикрыл ведро крышкой. Резкий едкий запах все равно остался, он был повсюду, и больше всего — в собственных волосах, одежде. А Лавлинскому, похоже, безразлично.

— Папа, папа, почему львица такая маленькая? Ребенок, наверное? — девочка едва выше загороди, привстала на цыпочки, показывая пальцем на Нюрку.

— Неприлично тыкать пальцем, — папа приоткрыл к табличке. — Это вполне взрослое животное, пума.

— Голодная, беденькая, оттого и не выросла, — девочка достала из кармашка платица конфету. — Дядя, передайте, пожалуйста, луме, пусть покушает.

— Пумы конфет не едят, — попытался ответить руку девочки папа.

— Тогда я ее обезьянам дам. Обезьяны ведь все любят сладкое!

— Нет, девочка, — Лавлинский подошел к барьеру. — Нельзя им конфет. Мы зверей кормим хорошо, смотри, какие они красивые, мохнатые. От конфет у них животы разладятся, болеть начнут. Ты ее сама ешь, конфету.

— Я не жадная! — гордо ответила девочка.

— Тогда дай Борису, он растет, ему полезно.

— Он вправду растет? Да он больше вас!

— Кормят добрые посетители зооцирка, вот и вырос. А будет еще выше.

— Как жирафа? — девочка восхищенно смотрела на Бориса. — Ты по-настоящему растешь?

— Немножко, — Борис взял конфету. Полезно поощрять души прекрасные порывы. И конфета, "Мишка клешеногий", косолапый, то

есть, вполне профессиональна, судьбой пред-назначена ученику служителя по работе с животными.

— Пойдем, пора, надо всех животных посмотреть, — папа нахмурился, взял девочку за руку. Конфетки жалко. Обезьяне, небось, не пожалел бы.

— Дипломатия, — Лавлинский мигнул ученику, — и животное спасено, и ты доволен. А вообще, учти, не давать кормить зверей — твоя обязанность номер один. Над каждой клеткой выписана — "кормить зверей воспрещается!".

— Что ж плохого? Пусть ели бы, на кормах экономия.

— В прошлом году мы бурого медведя потеряли. Какой-то подонок битого стекла в бутылку напихал и угостил мишку. Рацион строгий, не всяк кусок впрок.

Они шли вдоль клеток, а зеваки по ту сторону барьерчика смотрели на них по-разному — дети с восхищением и завистью, взрослые — снисходительно. Униформа, распоряжение директора, полевая, армейская, шла и двухметровому Борису, и Лавлинскому, тот пониже, но тоже за сто восемьдесят; казалось, суровый офицер-десантник выгуливает зеленого первогодка. Некоторым образом так и было, старший смотритель по работе с животными наставлял, распекал и школил своего ученика всякий раз, когда выпадала свободная минута. Часа по четыре в день. Или по пять. Как повезет.

6

Дребезжащий жалобно и безнадежно, словно причитающий в магазине пенсионер, трамвай разве что не скакал на стыке рельс.

— Мы едем, едем, едем, — затынул отец, но, не перекричав шум, конфузливо смолк.

Сын отвернулся, уставился в окно. Будто не трамвай, а поезд, маленький такой поезд на двоих. И будто они в тайге по забытому пути едут, как в телевизоре, — он прильнул к стеклу, мутному, в пятнах грязных капель, пытаясь углядеть просеку, ведущую к мертвому озеру, в котором смелый телевизорный генерал купал своих детей.

— Мы красные кавалеристы, и про нас!

Отец не отступится. Раз про кавалеристов начал, еще не скоро грустным станет.

— Пускай пожар кругом!

Громко. Все оглядываются. Наверное, думают, от веселья поет отец. От веселья...

Под ногами звонко застучало, аж в зубах отозвалось, — трамвай начал тормозить.

— И вся-то наша жизнь... — голос пресекся, как всегда на этом месте.

— Нам пора, — растопыренной пятерней отец провел по волосам сына и, угадав момент, встал, когда качнуло вперед, к выходу.

— Остановка по требованию батьки Махно, — он отвел сына в сторону, пережидая, пока остальные — три семейные пары с общей ку-

чей сопливых, неразличимых малявок, прошли вперед.

— Кто такой Махно? — трамвай покотился дальше, оставляя их одних.

— Волосатик. Злобный волосатый мужик.

— А его батька?

— Он сам себе батька, батька Махно, — отец застегнул молнию брюк. — Не хочешь? Там негде будет.

— Не-а.

— Тогда в путь.

Натоптанная дорожка шла по пустырю.

— А почему тут нет домов?

— Разве? А наш? Не видишь?

— Не-а. Шутишь.

— Как же. Именно здесь наш дом, непостроенный только. Как построят — получим квартиру, отдельную, на троих.

Неужели он действительно верит — про новый дом, отдельную квартиру? Придется притворяться, что и сам верю, иначе расстроится.

— На самом верхнем этаже, на лифте кататься.

— Можно и на верхнем.

— В садик далеко ездить.

— Ничего, к тому времени в школу пойдешь.

Или прямо в институт политехнический, что за витаминным заводом.

— Он совсем-совсем в поле?

— Кто?

— Институт технический?

— В поле, но город до него дорастет, дома сплошь, как доминошки, будут. Видишь, трамвай положили, очередь за нашим домом, факт, — они шли рука об руку и болтали обо всем — о новой квартире, им дадут, а соседям — ни в жизнь, о вечном мокром садиловском Женьке, о велосипеде. Мимо по полевой дороге проехал автобус, уткой кренясь на ухабах.

— Быстрее, быстрее, — заспешил отец, и они-таки успели, подошли ко входу раньше приехавших экскурсантов. Деревенские, сразу видно: сходят с автобуса боком, а толстая тетка и совсем задом наперед. Что им ехать, по-ди, лошади у них есть, коровы, свиньи, хоть каждый день до упаду смотри, нет же, приперлись.

Вертушка, скрипнув, провернулась, пуская внутрь.

7

Не пухом, не пухом, земля падала тяжело, мертво. Глина, не песочек.

Мотор рокотал бодро, весело, энергично, превозмогая глиняный слой.

Ли опустил ковш вниз, стараясь учерпнуть побольше, с походом, и тут почувствовал — зацепился. Рыбацкое счастье: закинуть уловистую блесну на чистое, жорное место и непременно отыскать корягу.

Не успел он послать ковш назад, как подземная коряга не выдержала, лопнула, молниевый свет на миг озарил затопленный солнцем пустырь, превратив его в негатив, желтые фур-

гончики стали темно-фиолетовыми, а нарисованные динозавры недоуменно повернули головы, пытаясь понять, что за треск и хлюп кругом, неужто неосторожный собрат провалился в асфальтовую ловушку?

8

Купюры падали листьями клена — то августовского, вяло, поодиночке, то октябрьского, дружно, обвально, сорванные порывом ветра.

Билетерша меняла уставшие ноги, нажимала на педаль турникета, пропуская новых и новых посетителей, все больше семьями, дети шли за полчеловека наравне с солдатами срочной службы. И билеты отменили, бросай деньги и проходи, а должность прежняя — билетерша. Правда, работа может оказаться временной, но пенсия давно выслужена, тут — приварок.

В глазах рябило разноцветье купюр, и она пообещала себе обязательно записаться к хорошему главному врачу, лучше доценту или профессору. Одно — денег жалко. Лекарства дорогие, жуть. И врачи моды взяли — за просмотр плату брать.

Пиявки!

9

Ящик с инструментами хлопал по бедру. Верный пес, Трезорка, соучастник шкод и проказ. Верный — до грозного окрика папани. Тогда Трезорка давал тягу, благо уличный, ничейный, а отвечать приходилось спиной, боками, задом — куда достанет хворостина. Пустяки. Вот вожжи — да! И за что? На переменке налетел Колька-Петух, чернильница с парты подскочила — и об стену. А там стенгазета, как на зло, с портретом. Да, вожжи — крепко.

Плотник шел вдоль служебных вагонов — склад, кухня, коммунальная "берлога" на шесть душ, к воротам, сейчас прикрытым от безбилетников и просто чужих.

Он вышел на пустырь в ту минуту, когда мотор, до того назойливо, мушинно гудевший, вдруг смолк. Издох. Не решаясь оставить ящик, сопрет жулье, плотник поспешил к трактору, обходя свежерассыпанные кучи белесой глины.

— Александр Александрович! — позвал он, выговаривая каждый слог, ни на букву не сокращая имя-отчество директора, не говоря уж о панибратском главмеховском "Сансаныче". — Александр Александрович! — плотник подошел совсем близко. Пахло больницей, "горным солнцем".

Положив голову на руль, директор дремал. Розовый, румяный, дышит ровно, даже жалко будить.

Плотник глянул в канаву. Поддетый зубьями ковша, на нем висел кусок резиновой кишки, толстой, в руку. Порвалось что? Он попробовал снять ее с ковша. Тяжела. Тяжеленька. Под слоем резины — серая свинцовая оплетка, а на разрыве, рваном, неровном, зернились торцы

огненных медных проводов. Точно икра в Елисеевском, он там был в сорок шестом, мать к сестре на два дня выбралась, пусть Москву поглядит перед школой.

Он не удержался, лизнул. Чуток щиплет, как газировка. А другой конец?

Просевшая глина прикрыла дыру кротового хода. Как петух червя, так и трактор кишку ковшом схватил, разрыв где-то в глубине.

— Александр Александрович! — прокричал в ухо директору плотник.

— А... — тот поднял голову, посмотрел на плотника. — Ты, Иваныч, откуда взялся?

— Я? Пришел вот.

— А я что здесь делаю?

— Вздремнули, верно. Выкопали канаву и вздремнули.

— Канаву, говоришь? Да, да, дренажную...

— Еще кишку порвали.

— Кишку?

— Валяется, видите?

— Кабель. Незадача. Инспектор, скотина, клялся, чисто. Миллион на миллион. Ну, это его проблемы, бумага у меня в пиджаке.

Мотор не заводился. Глупо. Зря он взялся.

Ли тряхнул головой. Вяско работает машинка, мыслишки снулые, ужи в утренник. Видел раз на зорьке. Жалко и противно.

— Тебе чего?

— Кончил работу. Валентина Семеновна к вам послала, зовет.

— Некрасов, главмех, вернулся?

— Вернулся.

— Идем, — он осторожно слез с сидения, ноги держали крепко, и плотник едва поспевал за директором. Прыткий он, Александр Александрович.

10

В ужимках мартышек каждый видел родное, близкое — деверя в день полочки, соседа Яшку, народного президента, и не удивительно, что больше всего народу скопилось здесь, у обезьянника.

Старый шимпанзе Чампа не завидовал успеху. Все тлен. Можно, конечно, гоняться за популярностью, но прыгать, корчить рожи, кувыряться, стрекотать — нет, уважьте. Это годится для мелюзги.

Он раздраженно почесал живот, прислушиваясь. Сосет нутро. Поест? Прибереженное яблоко не манило. Он суетливо вскочил, начал слоняться вдоль клетки, движением пытаясь избыть подступающую тоску. Гроза? Шимпанзе задрал голову. Близорукие слезящиеся глаза не увидели ни облачка. Да и мартышки раньше его учуяли бы, а вон как резвятся.

Он зашагал быстрее, разворачиваясь у стены на опущенных руках,хватило бы место — побежал.

В толпах захныкал ребенок, сначала вяло, капризно, а потом разлился неудержно, будто месячный, а не годовалый.

— Смотри, смотри, Рома, какая потешная

обезьянка, — мать подняла на руках, пытаясь успокоить, но тот сучил ногами, выгибался дугой. Плач подхватил другой, третий. Дети постарше продолжали хихикать над мартышками, но троица малышей, заводя один другого, покрыли криком всю площадку. Родители, смирясь, понесли их к выходу. Малы слишком; хотелось как лучше, показать зверюшек, позабыть.

Крик последнего младенца смолк вдалеке. Старый Чампа сел, вцепился руками в прутья клетки и, устав крепиться, завыл — по-стариковски глухо, скорбно, отчаянно.

11

Он шел к вагончику, рядом, гремя инструментами, семеня плотник, мир постепенно обретал привычные краски. Очевидно, порвал какую-нибудь линию, тряхнуло током, но сработал предохранитель, и кабель отключился. А мог бы и не сработать.

Он рывком открыл дверь вагончика, бросив плотнику:

— Жди снаружи.

Тракторист мирно спал, сивушная вонь висела над ним маленьким грозовым облачком.

— Почиваешь? — ласково спросил директор и резко, без замаха — по мордасам, по мордасам! — Портвейн лучше бы брал, первач крепко, не по тебе, молодец, — и еще, внахлест, сильнее и сильнее.

— Ты чего? Ты чего? — вскинутые руки прикрыли лицо. — Я тебя трогаю?

— Тронь!

Тракторист стоял, шатаясь.

— Иди к своей железяке и катись прочь. Усек или повторить?

Тракторист решал — лезть в драку, завалиться спать или выполнять приказание.

— Ну? — шагнул ближе директор.

— Иду.

Удаляясь от вагончика, тракторист смелел, расправлял плечи. Мы б вам дали, кабы нас догнали...

Ли постоял, брезгливо кривя рот, затем подошел к окну, опустил раму. Запах зверинца осторожно заползал в тесную каморку — сначала соломенная прель, затем свежий навоз и, наконец, едкий дух хищников. Запах раскрывался, раскидывался невидимым фейерверком, беззвучным дивертисментом наступившего полудня.

— Кликни электрика и Бориса, — высунув голову в окно, распорядился Ли.

12

Зажимы-крокодильчики сновали по распущенному концу кабеля, привередливо пробуя на кус провод за проводом.

— Пес его знает, — Витек пощелкал переключателем авометра. — Аппаратура нужна, осциллограф.

— Наверное, высоковольтный кабель. — Бо-

рис ковырял лопатой, выкапывая новый стрезок.

— Не думаю. Сомнительно — насчет высоковольтного. Тут дюжина проводов, если не больше, у каждого сечение миллиметров сто, квадратных, а изоляция между проводами — пшик. Скорее, связь.

— Почему же никто не трясет нас, не заявляется? Порвали, а дела никому нет.

— Заявятся. Потому Сансаных и спешит разведать. Удумал он здорово, если кабель ничей или хозяева припозднятся, неплохую деньгу наварить можно. Медь и свинец — товарец доходный, валютный.

Борис счистил каучук. На свинцовой рубашке выдавлено отчетливо — треугольник с цифрой семь внутри, а рядом — "1927 г."

— Я и говорю, сейчас таких не делают, — Витек вернулся к авометру. Стрелка едва дрожала у самого нуля. — Блуждающие токи, меньше микроампера, пустяк.

— Думаешь, много его, кабеля?

— Кто знает? От Москвы до самых до окраин. Старая линия, довоенная, может, давно забытая. Копай, а мне пора, другая служба есть. Лиха, директорша, на телефон жалуется. Жужжит, говорит. Я не слышу, главмех не слышит, а у нее — жужжит. Пчелка в ухо залетела. Но хлебушек отработать надо, пройдусь вдоль линии, вдруг что-где-когда и найду. — Витек сложил прибор.

Борис упрямо ковырялся в земле. Валюта — это здорово. Вот она, рядом, в земле, рыть надо — на штык глубже. На два. На три.

Час спустя он выбрался из шурфа. Кабель, изогнувшись петлей, уходил отвесно в землю. Лопатой не взять, техника нужна. Директор позаботится, если захочет.

Есть время в город смотаться, в библиотеку. Обещал.

И все-таки, кого и с кем он связывал, кабель из центра Земли?

13

Зооцирковское мороженое, мягкое и подтаявшее, норовило сбежать из стаканчика, и, как не спеши, белый ручей пробежал по ладони на предплечье и оборвался водопадом. Мороженопадом.

— Сладкое, — языком пройдя по следу, Ванек сократил ущерб.

Попугай за сеткой закричал, зачастил неразборчиво. Завидует. Фигушки ему.

— Облизнись, — отец загрузил. Домой пора, пожалуй.

— Моментальная фотография! Ваш ребенок на корабле пустыни, Синдбаде-мореходе! Зачем ждать, если есть моментальная фотография! — выкрикивал фотограф у площадки с верблюдом.

— Почему моментальная? — дорожка на руке все-таки осталась. Но ни капли мороженого.

— Щелк, и сразу готово, — отец отвернулся от стенда с красивыми, цветными карточками.

— Давай щелкнемся. Маме покажем.
— В другой раз.
— В другой? А когда?
— Когда-нибудь. Завод снова откроют, зарплату дадут и придем, — отец запустил руки в карманы, сгорбил. Все, теперь до ночи вздохнуть будет.

Они двинули к выходу, прощаясь у каждой клетки.

— Видишь, Ванек, какой грустный мишка? Прямо плачет.

Медведь и в самом деле моляще смотрел на них, стоя у решетки на задних лапах.

— Есть хочет?

— Еда — не все даже для зверя, Ванек. Я его понимаю, — он стер слезу и потом, когда они ехали назад, все всхлипывал, мял сыну руку и молчал. Ничего, мамка супу принесет, бла-го-тво-ри-тель-но-го, поедим, повеселеет.

— Приехали, папа, нам пересаживаться.

Отец раскис, не хотел вставать с изрезанного клеенчатого сидения, трамвай завернул на кольцо, в отстой, а Ванек тянул и тянул отца за руку, упиравшись ногами в пол, зная, что никто не придет, не поможет, а отец не поддавался и только повторял и повторял:

— А я, Ванек, ведь там остался. В клетке.

14

Телекамера смотрела глазом вокзального слепого: видит, не видит, поди, проверь.

Главмех Некрасов нажал кнопку звонка.

"Легалон", малое предприятие с большими толстыми дверьми. Особнячок неплохой, но обшарпанный. На косметику не тратятся, зато решетки на окнах приличные.

Он позвонил еще раз.

— Кого надо? — жестяной дребезжащий голос не ласков, не люб.

— По делу. Из зооцирка, — ответил Некрасов в переговорник и провел по бедрам влажными ладонями. Дождику бы прохладного, дождику!

Дверь действительно оказалась толстой, массивной. А за ней и вторая, решетчатая. Круто.

— К кому? — хмурый парень на пороге, чавкая жвачкой, осмотрел Некрасова. Тугие джинсы, майка. Налегке.

— Начальник ваш нужен.

— А ты ему?

— Я звонил, договаривался.

— Жди, — дверь прикрылась.

Главмех прошелся по двору. Соток шесть. Гараж на три бокса, пара вдребезги разбитых клумб. Забор неплохой, сплошной и высокий.

Он подошел было к чугунной скамейке, но опять показался парень:

— Заходи.

Изнутри особняк был под стать фасаду, недурной, но запущенный. Много закрытых дверей без табличек, за одной невнятные голоса, за остальными — тишина; много окурков на подоконниках, и не было ни цветов в горшках,

ни бормотания радио, ни треска пишмашинок. Мужская фирма "Легалон. Юридические услуги и консультации".

— Наверх, — буркнул провожатый.

Второй этаж просторнее, вольготней.

Парень постучал в желтую двустворчатую дверь, пропустил вперед Некрасова.

Комната небольшая, вполонину — стол с деловой электроникой. Пыль в глаза.

Из второй двери, маленькой, неприметной, появился хозяин.

— Каким ветром в наши края? — кивком вошедший отпустил Некрасовского провожатого, сел в кресло, на стальной ножке, в офисе все должно быть прекрасно, но пока — одно кресло.

Главмех оглянулся. И захоти сесть — не на что. Разве на собственный. Все мое ношу с собой.

— Ваша организация контролирует зооцирк.

— Контролирует? — хозяин поднял брови, широкие, брежневские. Какой мужик был, говорят!

— Дело не в словах. Я просто хочу сообщить, что доходы в зооцирке скоро возрастут. Крупно.

— Входную плату повысите? — углы рта опустились презрительно. — И это — ваше дело?

— Я сказал — крупно, — в висках застучало, ладони стали мокрее прежнего.

— Кру-у-пно, — попробовал слово на вкус хозяин. — Каким чудом?

— Сегодня пришла бумага. Соглашение с немецкой фирмой. Та берется практически даром лечить в своей клинике зооцирковских зверей.

— Ну и что?

— Лет пятнадцать назад лондонский зоопарк предлагал за пару уссурийских тигров сорок тысяч фунтов стерлингов. Сделка не состоялась, звери на учете поштучно, в красную книгу едва не поименно записаны. Сейчас их цена просто запредельна.

— Так, — хозяин оживился.

— С другими животными схоже, тоже не грошовые. Туркменский гепард, ирбис, да мало ли кто, стоят — ого, уникальный вид в цене. Наш зооцирк посылает зверя "на лечение", а там его подменяют, уссурийца на бенгальца, на таможне не разберутся. В крайнем случае скажут, подохла ваша тигра, медицина оказалась бессильной. А посылать туда зверей, как вы понимаете, будут не даром.

— Так, — повторил хозяин. Затакал, глухарь. — И все это организовала ваша лавочка?

— В Москве проверить труднее, каждый зверь на контроле, глаз много. Нужен перевалочный пункт. А мы — зооцирк передвижной, ревизорам лишь бы по головам сошлось, специалисты жрать да пить на халяву. В перспективе мы здесь собираемся осесть — на год, два, как дела пойдут.

— Интересно, а зачем вы мне это рассказываете?

— Начистоту — потому, что я сбоку. Ли с Лихой сами хотят хапнуть все, ну, крохи зоотехнику перепадут, может быть, Лавлинскому — есть у нас такие. Остальным — от винта. Я приглядывался, прислушивался, оттого и в курсе.

— Сам не гам, и другому не дам?

— Почему — не дам? Я к вам пришел.

— На долю считаешься?

— Дадите — хорошо, я отработаю, буду держать в курсе, кого куда и за сколько. Нет — не надо. Раньше в райком жаловались, ну, а теперь...

Хозяин расхохотался:

— Здорово! Так мы вместо райкома, получается! — и, успокоясь: — А ты вредный.

— Вредный, — согласился Некрасов.

— За вредность молоко полагается и пенсия ранняя. Ладно, мы помозгуем.

Парень из-за спины буркнул:

— Пошли, — и когда успел вернуться.

У выхода добавил:

— В другой раз говори — к президенту пришел.

Дверь захлопнулась.

Главмех покинул двор, сел в машину.

Опасливо живут, строго. Такая нынче малина уродилась.

15

Школярская, в три книги, стопка, перевязанная гнилым шпагатом — добыча вечернего набега на город. И то шпагат свой, зооцирковский.

Миновав "берлогу", Борис остановился у чешского вагончика. Свет в окне, едва заметный сейчас, выдавал: хозяева дома — дома.

— Уймись, непоседа! — голосок за дверью выговаривал строго, но справедливо, шуршание и возня прекратились. Он постучал.

— Ты, Бориска? А у нас Мурка бунтует, — Лена стояла у большой картонной коробки. — Родить сумела, а кормить не хочет, удрать не ровит.

— Воспитываешь?

— Хоть на цепь сажай.

— Я учебники принес, что просила.

— Спасибо, Бориска, настоящий друг. На стул положи. Видишь, Мурка, мне в институт поступать, а ты отвлекаешь.

Из коробки показалась круглая голова.

— Опять, — Лена вздохнула, махнула рукой.

— Ну тебя. В силу вступает естественный отбор, а я умываю руки, пью чай и сажусь за книжки. Хочешь чаю, Бориска?

— Посмотри. То ли взял?

Кошка выбралась из коробки и теперь вынюхивала что-то из щели в полу.

— Узел не развязывается.

Борис пальцем порвал шпагат.

— Чижонек, Тропинин, Вилли. А Матюшин, биология?

— Не было в библиотеке. Завтра, возможно...

Стук, дробный, деревянный, рассыпался по вагону.

Кошка прыгала высоко, изворачивалась в воздухе и громко падала на пол. Гладкая, невзрачная, сейчас она спустилась, стала другой. Сильной, большой. На миг она замерла, выгнув спину дугой, и — прыгнула опять.

— Валерианку не проливали? — Борис отшатнулся от лапы с выпущенными когтями.

— Не вздумай трогать, расцарапает. — Лена показала руку с желтыми иодными полосками. — Послеродовой психоз, вот что это.

— Сдурела просто твоя Мурка. Эй, Мурка, тихо! — но кошка продолжала скакать перед коробом. — Я думал, кошки всегда падают на четыре ноги.

Мурка рухнула на бок, подобрала задние лапы к брюху, перекатилась на другой, вскочила и зашипела коротко, резко, из приоткрытой пасти с выглядывающего языка слюна тонкой нитью спустилась на пол.

— Послушай, а если она бешеная?

— Во-первых, Мурка привита. Во-вторых...

Вагончик качнулся. Лавлинский стоял на пороге.

— Какой гость! Что же ты, доня, самовар не ставишь?

— Я на минуту, Анатолий Валерьевич. Учебники занес из библиотеки.

— Зачем, Лена, человека утруждаешь? Я завтра буду в городе, да и сама могла бы...

Кошка впрыгнула обратно в ящик.

— Я пойду. До свидания.

— Жаль, жаль. Раз спешишь, иди. А ты, Лена, учи, экзамены на хвосте.

Сумерки созрели, и окна вагончиков теперь — светили: Перекошенные квадраты лежали вокруг, прорехи тьмы на земле, но вот Витек врубил прожектор и опять стало зорко, просто, казенный свет окрасил все одинаковой бледной казенной краской.

Скучно.

16

Пока старый ламповый "Рекорд" разогревался, зоотехник Долгих соорудил бутерброд. Одним пивом сыт не будешь. Крохотный холодильник не успел проморозить кусок, и колбаса резалась легко, мягко. Толстый, в палец, кружок, розовой, свежей, сегодняшней. И хлеба.

Долгих сидел перед телевизором, открыл бутылку пива, ни теплого, ни холодного, как он любил. По экрану поскакали лошадки, ну, что, новости сегодня или так, новостишки?

Отхлебнув пива, он потянулся за бутербродами. Эй, эй, что за шутки? На тарелке лежала надкушенная горбушка и — ничего. Да и горбушку — когда успел надкусить?

Он пошарил языком за щеками. Вроде ел, а, вроде, и не ел. Вот какая колбаса, не поймаешь, поди, разберись.

Телесимпатяшка с третьей попытки одолела "престижитационную экономику". То ли

раньше — год решающий, год определяющий. Красота.

Он встал с расшатанного стула, давно пора заменить, да привык, и денег нет; вернулся к холодильнику. Еще кружочек, колесико русской послереволюционной истории. А хлеба вообще не надо.

Дикторша умоляла не собирать грибы, страдала цифрами умерших. Да уж...

Косые полосы заполнили экран, старомодный, углы округлены. Зоотехник отыскал ручку "частота строк", покрутил. Полосы стали уже, но злее, за ними совсем ничего не разглядеть. Телевизор старый, а помехи раз от раза новые. Крути взад, перечница!

Наконец, картинка прояснилась. Ты еще крепкий старик, "Рекорд-64"!

— И о погоде: на европейской территории России...

Долгих озадаченно смотрел на левую руку. Ну, это, брат, совсем... того...

Он понюхал пальцы, тщательно проинспектировал рот, поковырял ногтем указательного пальца в зубах. Съел, съел, убеждал застрявший в кариозном дупле кусочек мяса. Бравые футболисты плели паутину хитроумной атаки по всему экрану, а он все недоверчиво смотрел то на пустую руку, то на тарелку с надкушенным хлебом.

17

Копия была скверной. Расплывшиеся фигуры роботов сражались в телевизоре, Злодей и Перековавшийся.

— Бред, — Ли отодвинул стул.

— Скоро конец, — Валентина Семеновна попыталась удержать мужа.

— Нет, смотри сама, — директор вышел из кают-компании, неделинного на отсеки вагончика, где раньше проводились политзанятия и ленинские часы, а теперь вечерами гоняли видак, коллективную собственность.

Дверь за Ли захлопнулась, дребезжа растянутой пружиной, и мухи, дотоле мирно сидевшие на низком потолке, заметались по салону, забывая и без того малоразборчивый голос переводчика.

— Жаль, Сансаных ушел, — вздохнул Витек.

— Что так? — Борису тоже надоел фильм. В пятый раз крутят. А Лихе нравится.

— При нем мухи не летают. С утра замечаю, как войдет куда, ни одна насекомая не шелохнет. Уважают.

— Тихо, галерка, — шикнул главмех.

Фильм подошел к концу, уже кипели котлы чугунные, готовясь принять зарвавшегося Злодея, и Витек замолчал. Хотите мух слушать — слушайте.

18

Вагончик-"берлога" скрипел ночью — всегда. На ветер, дождь, ведро он отзывался одинаково, сиротливым скулежом брошенного не-

дельного щенка. Днем он примолкал, бодрясь и надеясь, но ночью опять накатывали потеряность и одиночество.

Борису мешал не скрип, что скрип после общаги, колыбельная, а вонь. Воньща. Ничего, стерпит, не фон-барон, кровей здоровых, народных.

Он сидел на узкой койке крохотного купе, за тонкой переборкой ворочался Витек, хорошо, не храпит, а снаружи нет-нет, а и взрыкнет какая-нибудь зверюга.

Голова — аспириновая: ясная, но скучная. Навеселился вволю. В синем углу ринга кандидат в мастера спорта Борис Маликов, спортобщество "Буревестник", провел восемнадцать боев, победил в восемнадцати. Зато в девятнадцатом проиграл уж проиграл, нокаутом, с хрустом поломанного носа, сутки на аппаратном дыхании, месяц на больничной койке, весьма академический отпуск, гуляй, студент, веселись дальше. Общагу только освободи и веселись. Потому как коммерциализация, на временную жилплощадь охотников и с денежками хватает.

После больницы с головой стали твориться чудные дела. Словно занимал ее кто-то на время без спросу, а возвращал — и находил он себя в самых неожиданных местах; в кино, библиотеке, а то и за городом, в лесу, с авоськой, полной ломких больших сыроежек пополам с мухоморами. Последствия черепно-мозговой травмы, пти маль по врачебному, прописали врачи таблеток, успевай выворачивать карманы. Работа подвернулась, небогатая, но с жильем, фанерным купе в вагоне передвижного зооцирка. Красота.

Жалеть себя — утомительно и не полезно. Сна все равно нет. Пойти, поискать?

Он открыл дверь. Ночь сизая, светлая, черна лишь земля в тени вагончиков.

Ноги лизнул холодок. Словно удав прополз в вагончик. Борис поежился, настолько ясно представилось. К счастью, у нас удавы не ползают. Сердце стучит, колотит. Чаю меньше надо на ночь пить.

У забора шум, треск. Он подошел. Кошка пыталась влезть, когтя гладкие доски. Не вышло.

— Мурка, куда это ты?

Кошка прошла вдоль забора, примеряя новое место.

— Кис-кис-кис!

Глаза сверкнули слюдяно, а котенок, которого она несла в зубах, пискнул негодуя. Подбежав к воротам, Мурка нырнула под них.

— Мурка, — Борис звал ее, открыв калитку, но в лопухах городской окраины мог бы спрячьтаться и лев, рык которого разлетался далеко по пустырю, до стен многоэтажек в полуверсте. Но зачем льву прятаться?

Он поискал дальше. Нет, убежала. Куда, от кого?

Нога наступила на ком земли. А, Лихие рвы.

Накопал директор утром. Деловой. Думает, станет суше в зверинце. Неплохо бы.

Он прошел вдоль дренажной канавы. Все равно не спится. Имей гармонь — заиграл бы. Кабы умел впридачу. А это что?

На оборванном конце кабеля надулся фиолетовый огонек и, оторвавшись, медленно растворился в земле.

Краник не до конца прикрутили. Утечка электричества. Еще тряхнет.

Не отводя глаз от кабеля, он попятился. Минута, другая, и новый огонек затлел на металлических сотах.

Цветет электрический папоротник.

Его время.

Назад, назад, в свою берлогу. Сны заждались, поди. Где там Борис, чего еще ждет?

Едва он встал на ступеньку, как с крыш вагончиков, ферм прожекторов, крон деревьев всполошенно поднялись вороны — сотнями, стаей, дружно вспарывая крыльями воздух южной ночи. Смятенные абрисы то и дело затмевали полную, тяжелую луну. Невидимо покругив в небе, стая потянулась к городу, грай замолкал вдали над доминошками многоэтажек. Новую кормушку ищут? Дуры. Днем искать надо, когда светло. И где найдут, помойка — тайга нищих, скорее сами супчик облагородят. Наваристые-с, ваше превосходительство, даром пернатые-с.

Узкий, на ширину плеч, коридорчик; тамбур для бережения тепла зимой, летом же — выработка навыков ориентации в темноте. Свет, падающий из окошка — для введения в заблуждение шпионов и диверсантов, выдает тень за порожек, а порожек за тень. Больно даже обутому, а босому? Пошел черт по бочкам, как маменька говаривает.

Включив лампочку, он взял книжонку. Неделю, как читает, а дальше семнадцатой страницы не ушел. Почитаем, состоятельные кроты.

Шаги за стеной мягкие, крадущиеся. Кот бродит вокруг хозяйской сметаны, разлитой по мелким блюдечкам общепитовского фаянса.

Борис перелистнул страницу. Ничего не понять. Имена, клички по восемь на абзац. Телефонная книга, а не детектив. Вечер с телефонной книгой, что может быть прекраснее? Поздний вечер. Ночь. Июльская ночь.

Лампочка в вывороченном из гнезда патроне, груша-дичок детской загадки, засветила до рези в глазах.

Шаги приблизились и стихли. Дышит кто-то жадно, шумно, словно придурок под окнами женского общежития. Или все ветер да скрип вагона?

Борис привстал, откинул занавеску. Разве что увидишь?

Он приблизил лицо к стеклу, скорее коричневого, чем черного из-за отражавшейся в нем каморки.

Право, сквозь взбулгаченую лужу антиподов разглядеть легче.

Во мраке, сливаясь с ним до неразличимо-

сти, не виднелась а, скорее, угадывалась образина, заросшая коротким сивым волосом по самым глазам.

Пустое. Чушь поросычья. Спать надо вовремя ложиться тем, кто на голову слаб.

Он погасил свет, постоял.

Никого там нет, конечно. За окном, то есть.

Борис полез в изголовье койки, отыскивая наушники плеера, натянул их на голову, нажал клавишу. Слабенькие батарейки едва тянули, отчего голос Высоцкого сползал на вязкое, тягучее завывание. Еще чуть-чуть, и голос смолк. Концерт окончен, сели батарейки. Издохли.

Футляр кассеты упал на пол. Борис зажег спичку, наклонился, а когда выпрямился, в окне светились рядышком два вишневых огонька.

Спичка, догорев, обожгла пальцы, и только тогда Борис метнулся к окну, рывком опустил раму и наполовину вывалился наружу.

Никого. Никогошеньки нет. Шалят нервишки у Шифмана Мишки.

Женская, неподатливая койка уже игольного ушка, и пройти по ней в сон можно лишь ползком, вжимаясь животом и цепляясь руками за края, иначе сорвешься и упадешь в пропасть бессоницы.

Рука сама отыскала лист таблеток, выдавила одну, вторую, третью. Ладно, с завтрашнего дня по полтаблеточки долой. Либо по четвертушке, легче.

19

Сердце трепыхалось крысьюком, сдуру угодившем в силко, нерасчетливо, бестолково, впустую тратя скудные силенки.

Плотник поднял голову с лежака, прислушался. Ни суеты, ни привычной ругани побудки. Помстилось. И не заснуть ведь!

Храпы, всхлипывания, сонное причитание — бульбушки жидкой похлебки. Вскипела, вскипела. Черпаком в миску — плюх! только брызги успевай корочкой подчищать, пока стынет.

Шершавая неструганная доска перегородки тихонько скрипнула, когда он привалился к ней спиной. Теплая, сухая — не промозглый камень погребца. Зато на камне копилась влага густых смрадных испарений, крохотные капли, которые он с бабкой в очередь искали по стенам погребца. За несчетные дни он вызубрил каждую трещину, каждый уголок кладки, у него было заветное местечко, куда бабка и не могла добраться, он вылизывал камень досуха, досуха, потому что рот, язык тлели, будь деревянные, занялись бы от нестерпимого жара жажды. Бабка в конце концов не выдержала, выползла наверх, под небо, приоткрыв на миг крышку, и сразу воздух стал дымным, пепельным, поначалу даже приятным и вкусным. Бабки он больше не видел и злился на нее, потому что камни сразу стали суше, с одного какой пар, горе...

Плотник застонал. Все в прошлом, далеко. Сейчас он свободный, вольный человек, подлечили, поучили, пособие дают — живи! Что

люди не верят, дурачком считают, так не со зла, по глупости. Его глупости, советовали же придержать язык. Нет, город не по нем. И остальные деревенские то же думают, письма пишут. Надо опять собраться колхозом, власти не откажут. Если по-хорошему, жизнь можно такую устроить...

Плотник лежал, улыбался, мечтая о колхозной жизни — до самого утра.

20

— Учти, для хищника ты не враг, а источник еды. Кто будет ссориться со своей едой? И если зверь накормлен, а кормишь его ты, он тебя терпит. Кормить вовремя и по рациону — твоя индивидуальная техника безопасности, — Лавлинский стоял с Борисом около кошачьего ряда. — Но тут есть звери цирковые, побывавшие в работе. Эти — другое дело. Зверь глуп, но хитер. Он бывает злым, но не бывает добрым. Он может ненавидеть человека, но не может любить. Он должен бояться тебя, бояться настолько, чтобы притворяться добрым, смиренным и ласковым. Поэтому всегда будь начеку. Никогда не замахивайся впустую. Решил бить — бей, больно и сильно, зверь должен знать, что такое человек.

— Уж и бить...

— Зря не бей. Но спуску давать не моги. Учти, после тебя с ними тоже будут люди работать, и зверь должен знать, что ему дозволено, а что — никогда. Но хищника опасаться инстинктивно, это помогает. А вот рогатые да копытные — от них больше всего наш брат страдает. Особенно тут, в зверинце. Запахи для козла или антилопы в зверинце страшные, врагов у них в природе тьма, вот и ты для них враг. А лягнуть та же зебра может — ух! — он поморщился, рука невольно прикрыла живот. — В общем, на одного служителя, задранного хищником, приходится десять, убитых травоядными.

Если Лавлинский и шутил, Борис все равно поверил.

Хруст гравия заставил вздрогнуть. Никак кто-то в пьяном кураже лезет к клетке дернуть тигра за хвост. Соблазнительно. Лежит зверюга плюшевая, дремлет у самого края клетки.

Но нет, это директор.

— Александр Александрович, он кормлен, кормлен, — зачастил Борис, но Ли, не слушал, сунул сквозь прутья кус мяса — парного, кровь капает.

Ирбис задрожал, как котенок после купания, целиком, от усов до хвоста. Вода в алюминиевом тазике на полу клетки покрылась рябью. Прыжок — и барс с размаху ударился о решетку.

Борис дернулся.

— Пойми вас...

Еще пара прыжков — и словно воздух выпустили из резиновой игрушки: ирбис лег, уронил голову на лапы, нетронутое мясо валялось

в стороне, а по дну клетки растекалась лужа из перевернутого таза.

Ли, так ничего и не сказав, развернулся и, придерживаясь ограды, побрел в сторону служебного двора.

Борис оглянулся на Лавлинского. Тот двумя пальцами мял выбритый до атласной гладки подбородок, впервые не выказывая желаний поучать и наставлять ученика.

21

Больной не крепился, отнюдь, стоило боли вернуться, и он орал — громко, натужно, лицо багровело, наливаясь венозной кровью, и звук мотора с трудом пробивался сквозь дикий ор. Минута, другая, боль отступала, краснота лица менялась на бледность, и мелкие капельки пота конденсировались на висках и лбу.

Фельдшер Антон Смирнов следил за часами. Приступы повторялись каждые четверть часа. Успеют сесть до следующего, нет? Он загадал. Успеют — распишется.

Он оглядел салон самолета, старого Ан-два. Сегодня летят налегке, один больной. Обычно санавиация была оказией, с которой в город отправляли и просто нуждавшихся в переводе больных, и командировочных, не набиралось в одном районе — подсаживались, подбирали в другом, порой как огурцы в банке, ступить некуда. Но не сегодня.

Антон заглянул к летчикам.

— Скоро?

— Погоди маленько.

И командир, и второй пилот — знакомцы, не первый год вместе летают.

— Три борта перед нами в очередь на посадку. "Скорая" в порту наготове, ждет, как сядем, сразу хватать больного — и с сиреной в операционную.

Фельдшер вернулся в салон. Солнце светило слева, толстые лучи-блясины из иллюминаторов поползли, заскользили по проходу — самолет разворачивался.

— Сейчас сядем, — ободрил Антон больного и выглянул в иллюминатор. Метров девятьсот до земли, видны машины, трамвай, зверинец, верблюд игрушечный, а рядом со зверинцем расплылось пятно. Трава ли цвет поменяла, мешок цемента ветром раздуло, завод чем-то легонечко плюнул на радость населению, чтобы помнили, а — видно: зелень сталью отливает, почти правильньй круг. Щелкнуть фотоаппаратом и в журнал послать, посещение Земли пришельцами. Везде побывали, из Воронежа и не улетают, а здесь нет их, НЛО. Несправедливо.

Стон больного, предвестник колики, отвлек фельдшера.

Оставаться холостым. Судьба.

Антон поспешил к кричащему, и последующие минуты полностью вытеснили из головы трамвай, зверинец и непонятный круг на земле. Мало ли сверху странного видно, всего и не упомянешь. Вот кишечная непроходимость —

другое дело. Три года назад на операции клубок аскарид извлекли, случай...

22

Кабинет, вернее, кабинетишко, каморка, никогда и не бывший просторным, сейчас стал особенно, нестерпимо тесным.

Ли распустил узел галстука, а потом развязал совсем, снимая, расстегнул пару пуговиц рубахи. Вовремя — за окном мелькнуло знакомое лицо. Пальцы судорожно скрючились, сминая бумажный лист.

— Свободен? — дверь распахнулась широко, со стуком, и вошедший атлет, шароварный мальчик, уверенно сел напротив Ли. — Как делишки, порядок?

— Вашими молитвами, — процедил директор. Ящик стола заело, надо пазы мылом протереть. — Держите — он вытащил коричневый, плотной бумаги конверт.

Курьер лениво потянулся за ним, подержал, прикидывая вес, не раскрывая.

— Мало.

— Как договаривались, — Ли сцепил руки, хрустнул суставами.

— То — за охрану. А сейчас мы страхуем вас от падежа.

— От чего? — руки не слушались, и он опустил их под стол.

— Боимся, заболеть могут ваши звери. Лечение, чай, дорого обойдется, за границу, поуди, отправлять придется, а там, за границей, люди ушлые. Амурский тигр — не чета бенгальскому, возьмут, да подменят.

— Лечение дорогое, — подтвердил Ли. Ему стали безразличны деньги — и эти, и другие, и все деньги мира. — Мало, значит, мало, — спокойно, скульптурной рукой он забрал конверт. — Будем считать, что ваши услуги мне не по средствам.

— Не понял, — курьер навис над столом, упираясь кулаками в когда-то полированную поверхность.

— Поймешь, — Ли ухватил его за ворот куртки — кожаной, прочной, притянул.

— Я... Я ничего... Я ведь только передаю... — забормотал атлет, не решаясь отпрянуть, высвободиться. Глаза сами ушли вниз, избегая взгляда Ли. Только так и спастись.

Сколько это длилось? Минуту? Секунду?

Ли оттолкнул его. Наконец.

— Исчезни.

Атлет, пятясь, искал выход, чувствуя, как расплзается по бедрам сырое тепло.

Живой.

23

Хотелось встать, потянуться, заварить чайку, душистого, цветочного, но Валентина Семеновна Ли сдержалась. Делать премию — не дрова колоты, перерыв не в облегчение, можно выпасть из ритма четких чисел. Мелочевка, разумеется, детишкам на молочишко, на пирож-

ки, но коллектив это ценит, а суммы, черные на сером, едва вмещаются в окошечко калькулятора. Раньше-то совсем уж ерундой приходилось заниматься, билеты каруселью пускать, по второму-третьему разу ради копеечного навару, наварчика для самоварчика, счет хватало, трех-четырех прутиков, косяшку влево, косяшку вправо, щелк да щелк, платице получилось, сумочка, месяц в Сочи, это уже потом, когда замуж вышла и главной стала среди трех девчонок-бухгалтерш, сидели все рядышком, за этим же столом — в Кишиневе, Туле, Воронеже, куда заносила разгульная жизнь кочующего зверинца. Пора и осесть, остепениться, не девочка больше. Одна осталась из трех, а забот — вдесятеро прибавилось. Ну, дом строит, "восьмерка" в гараже матери ждет-дожидается, а радости меньше, чем от босоножек новых прежде.

Когда (она суеверно постучала по столу), если большие деньги придут, правильные, чтобы на одни проценты жить можно, станет ли теплее? Нужно помощницу брать, куском поделиться, самым малым. Ртов на куски много, никуда от этого не деться, не бывает — в одиночку все слопать, иногда разве, а все время — шалишь, Ли, дурашка, топорщится, не понимает дела. Фокус не в том, чтобы в одиночку, главное — чтобы при дележе торта на твоём куске розочка оказалась, лучше — две. И чтобы куски шли один за одним, часто и много. И локотками под дых, под дых не забывать, на всех корыто не рассчитано, само собой.

24

Хрястать — есть. Хрять — бежать...

Президент отложил "Словарь воровского языка", коротко рассмеялся, представляя, как где-нибудь на нарах пахан долбит "лизинг", "бартер", "фьючерс". Ни к чему это все.

По коридору протопал Комод. Скучно бедолаге, остальные в разгоне, на инкассации. Сегодня нужно решать, что со зверинцем, брать или прикупить еще один магазин? Думать быстрее, пока не расплзлась информация, отбирать всегда труднее. Шпана шпаной и останется, всю жизнь урывать хочет, на той же инкассации. А это — так, эпизод. Накопление капитала. Не вычитать след, а множить, жизнь не спринт от скока до нар, а марафон, куда как легче бежать его отягченным собственностью, движимой и недвижимой.

Зазвенел далекий звонок. Президент глянул на экран монитора. У двери топтался Мирон, инкассатор. Ну, что принес кукушонок в клюве отцу-президенту, чем откормит?

Комод заводил инкассатора в кабинет, а на дисплее уже мерцали данные по зверинцу, дебет-кредит, нетто-брутто.

— Итак? — президент достал сигару — толстую, короткую, золоченой гильотинкой отсек кончик, ритуал, имидж, и только затем посмотрел на Мирона. — Итак?

— Отказались, — глазенки инкассатора бе-

гали что у мальчика, проигравшего в пристенок хлебные деньги.

— Отказались? — обрезанная сигара вернулась в ящик.

— Нет, говорит, и все тут.

— Нет? — президент прищурился. Другой имидж (про себя он произносил "имиж". Общественная работа с первого курса, сколько времени отняла — от учебы, книг, смешно вспоминать, наукой думал заняться, "Американская поэзия девятнадцатого века", гуманистический драный. А общественная работа дала много, теперь как пригодилось!). — Нет?

— Это он сказал, он, — зачистил Мирон, — директор с китайской фамилией который.

— Моим парням "нет" не говорят, Мироша, — голос ласковый, медовый. Новое поколение выбирает "сладекс". — Так уж получилось, что не говорят. Поработали парни, заслужили уважение. А тебе вдруг сказали. Нехорошо. Или ты уже не мой парень?

— Я, как вы велели, объявил, вырос, мол, налог, а он ни в какую.

— Плохо объявил, значит. Неубедительно. Подрываешь репутацию фирмы. Не ты ее создавал, не тебе и рушить, Мироша.

— Я... Я его...

— Уж постарайся, милый.

— Он не в себе был, директор. На колесах или ширнул чего. Бешеный.

— Плохо, Мироша. Выходит, боишься мужика. Ладно, найдем работу по силам. У них девочка работает, видел? — президент ткнул пальцем в экран.

— Видел.

— Скучно ей, наверное. Поедешь... ну, с Серым, усадишь в машину, покатаешь, развлечешь. Незабываемое впечатление создашь, ясно? А потом отпустишь.

— Когда? Когда выполнять?

— Сейчас. Ступай, — и, Комоду: — Скажи Серому, чтобы поставил свежий номер на машину. Обязан работать один Мирон, Серый — по желанию. Не калечить. Всем, кто вернется — не расходиться. Деньги примешь сам, потом отчитываешься.

Президент прошелся по кабинету. Уборщицу пора нанимать или наряды давать. Иначе зашивеем, в тараканник превратимся, сортир.

Он носком туфли откинул окурочек под шкаф.

Итак: Ли отказался платить налог. Собственно, этого и добивались, но не так же быстро, ждали, два-три скачка перетерпит, пока не поймет — беспредел. Следовательно, либо он, Ли, считает себя крутым, что пустяк, обломает, либо, хуже, левобережная контора пытается прибрать зооцирк себе. Драчка, кровь — дело не прибыльное, опять же на отмазку средства пойдут, а капитал тратить жалко. С другой стороны, если перебить конкурента серьезно, в перспективе все быстро окупится. Рассчитаем, спланируем, капитализм, как и социализм — это учет. Учет и контроль.

Зоотехник на цыпочках шел вдоль вольера, а рога следили за ним с невозмутимостью зенитной установки. Враг не пройдет, и все тут.

— Опомнись, июль нынче, не декабрь, — перестав прятаться, зоотехник принялся увещивать бородатого козла. Дважды пробовал войти в вольер, а этот старый дурак оба раза пытался проткнуть его своими дурацкими рогами. — Дождешься, вспорю брюхо, узнаем, чего стоят твои хваленые безоары, на сколько потянут. Восточная медицина, брат, в моде, берись! — но козел лишь потряхивал презрительно бородой. Нет, не гон у него преждевременный, просто извелась скотинка, психует. Бромом его, бромчиком, никаких пара-метареланиумов. Попьет бром и расчумует, день канту — год жизни, истинно говорю вам.

Тяжелое утро. То барс в истерике, то гепард, рысь вот выкобенивается, жрать не хочет, красный волк ошалел, а теперь и козел закозлится. В отпуск пора, в отпуск. И зверью, оно ведь тоже — работает, не зря хряпу переводит.

Вон в пятьдесят третьем лев подох, три представления в день давал, на кого свалили? На него, Семена Семеновича Долгих. Преступная халатность, не уберечь народное имущество, до амнистии два месяца СИЗО, плюс язва желудка, мерси боку. Язва-то зажила... А ни в цирк больше не брали, ни в зоопарк приличный, пришлось со зверинцами мотаться. Будет. Своей волей объявляется санитарный день с обеда. Полудень.

— Семен Семенович! — билетерша окликнула негромко, а он вздрогнул. Нервы. Впрямь в отпуск нужно. — С вас на подарок Валентине Семеновне, у нее день рождения сегодня.

— А юбилей зооцирка?

— Не сомневайтесь, совместим два праздника, сумеем.

— Сколько же ей, директорше? — пальцы неохотно достали деньги из кожаного кошелька.

— Тридцать.

— Тридцать?

— С хвостиком.

— Сорочьим?

— Павлиным, Семен Семенович. Разве у женщин возраст главное? — и билетерша поспешила за новой жертвой. Правильно делает, зооцирк пускает корни, вырастает, а она местная, возьмут на постоянную службу за примерное поведение.

Он вернул кошелек в глубокий брючный карман. Не спасло, что глубокий, неделя без пива впереди. Зато можно за счет профсоюза нахрюкаться, сегодня двадцать лет зооцирку. Ежели в одном месте убыток, в другом прибыль образуется. Природа мудра.

Абзацы распадались на строчки, те — на слова, каждое вроде понятное, а вместе, одно за одним — нет.

За ночь оглупела. Но слабость, робость, сомнения — исчезли со сном, напротив, бодрость переполняла тело, волосы утром искрились под зубьями гребня как никогда, каждая мышца просила движения, воли.

— На консультацию, Леноч, не опоздаешь? — отец заглянул в дверь. — И, кстати, кошку не видела?

Консультация? Зачем? А, пройтись, развеяться.

— Поешь, я чай вскипятил, бутерброды приготовил.

Бутерброды? Чай?

Лена подошла к столу крохотной кухоньки. Густо намазанный джем свисал с ломтей белого хлеба.

— Не хочется, — тошнота подступила и ушла.

— Волнуешься, а для экзаменов силы нужны, а в чем сила? В еде! — Лавлинский еще что-то говорил, но Лена, закинув на плечо сумку на длинном ремне — тетрадь, учебник, — вышла.

— Кошку, кошку не видела? — переспросил вдогонку Лавлинский, и, не дождавшись ответа, склонился над коробом. Куда подевалась? Одного котенка утащила, четверых оставила. Молодежь!

Земля — несла. Пружиня под ногами, она толкала вперед, вверх, к чему автобус, трамвай, обманная, фальшивая скорость железа.

Она перескочила через канаву, сокращая путь, перескочила легко, комья глины, растрескавшиеся под солнцем и не коснулись подошв битых кроссовок. А без них совсем здорово. Почему нет?

— Девушка, вам в город? Подвезу!

"Москвич", пыльный, невзрачный, а стекла зеркальные, как у лимузина. Дешевка, ублюдочный шик.

Она шла дальше, досадуя, что не успела снять обувь.

— Садись, садись, ты молодая, время не ценишь! — водитель притормозил рядом. Тесная, вонючая конура на колесах.

Задняя дверца распахнулась, сильные пальцы сжали ее руку.

— Дураки... — она с силой оттолкнулась, прыгнула в салон машины, которая тут же тронулась, набирая ход.

27

Стекла, непрозрачные снаружи, и изнутри были не ахти.

Мирон вертел головой, ерзая по сидению, припадая то к левому, то к правому окошку.

— Не дергайся, придет, — Серый, водила, обернулся, ухмыляясь. — Станет трудно — крикни, завсегда готов корешу пособить!

Веселый, приклатненным прикидывается. Не нюхал параша, не кукарекал. До поры.

— Готовься, она идет! — Серый вернулся к баранке.

Давай, Мироша, не подведи. Невезучих не

любят, хватит утреннего облома, а в чем его вина?

Мирон поежился. Зря про утро вспомнил, руки-ноги и то обвисли. Он закусил губу, ярясь. Посчитаемся за утрешнее, сполна оплатишь, — и, распахнув дверцу, ухватил девчонку за руку, затащил в салон. Легко, слишком легко.

Мирон опрокинулся на спину, девчонка навалилась на него, тяжелая, нога неудобно уперлась в сидение, машину трясло на выбоинах, непруха, так ее, он попытался перевернуться, но дикая боль в шее заставила вскрикнуть, кусается, зараза, он ударил кулаком в бок, другой, третий раз, но зубы разомкнулись лишь затем, чтобы ухватить новый кусок, ухватить и рвать, он молотил ее жестоко, спасая жизнь, но лопнуло что-то, и сбоку, прямо на спинку сидения ударила струя, алая, тугая, брызги, отлетая от дерматина, падали на лицо, на секунду он увидел глаза — желтые, с вертикальными щелями зрачков, как утром у директора, из последних сил он поджал ноги, уперся в живот девушки и вытолкнул ее наружу, хорошо, дверцу захлопнуть не успел, ладонью он пытался зажать рану, зажать крепко-крепко, пусть трудно дышать, ничего, перетерпит, зато ни капли крови больше не ускользнет, но почему все меркнет, неужели кровь поднялась до окон?..

28

Она лизнула ссадину, успокаивая боль. Волосы, тонкие пушковые волосы руки полегли, сникли.

Ушли.

Лена огляделась. Платье драное, в пятнах. Правда, расцветка такова, что издали не разобрат. Но придется сменить, вернуться.

Вернуться... Она нахмурилась. Слово не нравилось, отдавало нуждой, несвободой. С каждым шагом сила иссякала, покидала ее, проступала боль, ныли ушибы.

Незамеченная, она вернулась в вагончик, сняла платье, запихала его в бельевую коробку.

Ничего, это преходяще, последнее отступление. Она станет сильной, быстрой, взрывной — навсегда. Чуть-чуть подождать надо.

Совсем чуть-чуть.

29

— Ты мужчина! Мужчина! — Валентина Семеновна размахивала конвертом плотной коричневой бумаги. Чего больше в голосе — утверждения, обвинения? — и сама не знала.

Александр Александрович рассматривал жену внимательно, бесстрастно. Так цыпленок глядит на ползучую козявочку, увиденную впервые за короткую цыплячью жизнь, глядит, поворачивает голову то одним, то другим глазом, недоуменно прислушиваясь к чему-то внутри себя, а потом тюк! и нет козявочки.

— Почему ты не сказал, что надо подумать, собрать деньги по крайней мере? — она сбавила тон. Слегка. Потом наверстает.

— Бесполезно.

— Что бесполезно?

— Они не хотят крох. Они хотят все. Крохи — нам.

После каждой фразы директор замолкал на несколько секунд, жалея слова, скупясь.

— С чего ты взял?

— Знаю.

— Мудрец! — Валентина Семеновна швырнула конверт на стол, клапан раскрылся, и купюры разлетелись, новенькая крепленая колода шулерских карт. — Что с твоих знаний!

Она постаралась успокоиться. Сделка висит на цепи, каждое звено которой — "Да", "Да" управления, "Да" ревизоров, "Да" комитета охраны животных, и перед каждым "Да" стояло "Дай". Одно "Нет", и цепь лопнет, оставив в итоге жирный ноль. Поэтому надо срочно найти другое звено, дублирующее, крепящее.

Она пододвинула к себе телефон. Работает, и на том спасибо, могли бы уже и порвать, "воздушка".

— Вас Валентина Семеновна беспокоит, из зооцирка... Я по поводу сегодняшнего... Муженек не с той ноги, видно, встал, хе-хе, с ним это иногда бывает... Надо обсудить, разве можно рубить с плеча? Уж я его проберу... Завтра? Вы позвоните? Обязательно, буду ждать... — она положила трубку, порылась в сумочке, доставая визитные карточки, поискала нужную.

Опять крутить телефонный диск, опять говорить просяще, приторно:

— Да, да... Лучше поздно, чем никогда... Не сошлись характерами, они и муж мой... Разумеется, обо всем можно договориться... На хорошее дело не жаль... — на этот раз она положила трубку бережно, нежно, будто — мина. Как и минер, деловой человек ошибается один раз. Иногда два. И дело лопнуло, начинай сызнова.

— Я зондировала левобережцев, конкурентов "Легалона". Будем покупать защиту у них, если условия "Легалона" неприемлемы.

— Они неприемлемы, — отозвался муж.

— Прошу тебя, сам ничего не делай. Ничего!

Ли промолчал, только нижнее веко справа задергалось, забило в такт сердцу.

Чувствительный!

Валентина Семеновна громко щелкнула замочком сумочки, еще громче хлопнула дверью, но досада не проходила.

Она не верила в возможность договориться с "Легалоном". Дурачье, думают, на них управы не найдется, на беспредел пошли. Хлопот прибавится, головной боли, но свет не без жадных людей, отбиться можно. Другое хуже — хотя Ли и смолчал, она не верила, что последнее слово осталось за ней. Не так он смолчал.

Не так.

Три параллельных аппарата на одной линии — у Ли, у Лихи и у него, — доводили порой до зубного скрежета. Но не сегодня.

Главмех смотрел на телефон в раздумье. Повторять ошибку директорши, вести разговор отсюда, где сними трубку — подслушаешь, покорнейше благодарю. Придется отлучиться в город. Кстати, и дело есть. Или завтра позвонить? Нет, завтра появятся завтрашние дела, а это — сегодняшнее.

— А куда мне было его деть? Выбросить? — Серый оправдывался, но — с дерзинкой, не дави, мол, не дави, не спужаешь, сам-то докажи, каков в деле.

— Прямиком сюда, значит? — президент сдержался. Карнеги прав, гнев должен быть конструктивным. Придет времечко, ужо...

— Ну да! Затащил он ее, значит, мое дело — рулить, уносить колеса, а он как захрипит, из салона девчонку вытолкнул и лежит, булькает. Пока я отъехал, остановился, вся кровь из него и вытекла. Я думаю, сплавлять "москвича" надо, помыть, почистить и сплавлять. Приборы есть, капельку вычислят, засекут, опасно...

Президент представил виденную в гараже машину и Мирона, скрюченного, с перегрызенным горлом, перегрызенным всерьез, точно и аккуратно, с разорванными артериями, зияющими пустыми просветами. Никакой Склифосовский не спасет, гробовщик нужен. Но не заслужил Мирон гробовщика.

А девчонка — огонь, жгучий, ацетиленовый, жаль гасить. А придется. Не из-за Мирона, что Мирон, дрянь, вечная шестерка, хуже — убыток. Организация не должна, не может позволить себе оставлять безнаказанной даже и эту никчемную смерть. Иначе раздавят моментально. Уже, наверное, шушок пополз — зооцирк отказался от страховки, вон и Мирона, как мышонка, чикнули. Завтра стоящие ребята сами уйдут к тем же левобережцам, а настоящих уличных лотошники по проспекту гонять станут в пинки, пока не затопчут. Нельзя, нельзя ни кусочка от себя терять, ни крошечки, это как пожар лесной, с пустяка начинается, с окурка, и вместо строевого леса — гарь. Раз уж занялось, сохраниться, спастись можно лишь особыми мерами.

Встречным палом.

Зазвонил телефон, он поднял трубку, оборвав Серого на полуслове. Зооцирк. Мириться хотят. Опоздали, голубки. Сейчас не о деньгах забота. Об организации.

— Хорошо, — пообещал он. Пусть надеются, полезно. Позвал Комода:

— Машину почистить на совесть и отогнать Арсену, он давно тачку просил. Мирону похорон с музыкой не будет. Закопать в дальних садах, — он специально вдавался даже не во

второ- а в третьестепенные детали, куда тело уложить — в пластиковый черный мешок, на чем увезти, где вырыть яму, какое дерево посадить сверху, — оттягивая момент принятия настоящего решения.

Комод с шофером ушли.

В кресле не сиделось, разошедший паркет под ногами трещал давленными кедровыми орешками. Надо переходить в другую лигу, нужен новый класс, экстра-прима, в особняке — ремонт по высшему разряду, шведскую мебель, набрать новых людей, умных, с упором на чистые, легальные дела, без убыточной опасной уголовщины. Но для этого, вот парадокс, надо пройти через большую акцию, раз и навсегда отбить охоту становиться поперек, отбить вместе с почками — любому. Так что и неплохо, что зооцирк взбрыкнул, заартачился. Он не причина акции, повод.

Опять зазвенел телефон, на этот раз стукач зооцирковский. Торопится стать незаменимым. Молодец, молодец. К левобережцам, значит, хотят, под их руку. Чему быть, тому и придется быть.

Он позвал Комода и, когда тот расслабленно, с ленцой вошел в кабинет, стегнул двумя словами:

— Акция. Сегодня.

32

Вымытость — состояние души и тела, состояние быстропроходящее, но счастливое. Волосы пушистые, шелковистые, пахнут засахаренными лимонами из банки в углу буфета, за пустыми, пыльными даже наощупь трехлитровками, выставленными в первый ряд ради маскировки. Съедены давно те лимончики, пусто на полках, шарь, не шарь...

Борис лениво слонялся по безлюдному зооцирку. Белый медведь мотал башкой, переминаясь с лапы на лапу, попугай, сиречь красная ворона, что при народе как кино тринадцатого года, орал дурака на неделю вперед, питон недвижно лежал под бронированным террариумным стеклом, а что не лежать, чучело и есть чучело, самое удивительное, что зеваки нетнет, а и заметят: "Шевельнулся! Шевельнулся!"

Санитарный вечер. По случаю праздника, юбилея. Чистим, прихорашиваемся, отдыхаем, насколько возможно. Жвачным дадено жвачное, хищникам — хищное.

Зоотехник колдовал у клетки ирбиса. Совал сквозь прутья решетки то один, то другой кусок мяса на длинной палке, но зверь забился в угол и наживку не брал.

Борис повернул назад. Суэта неисчерпаема: подай, принеси, убери, а он — вымытый.

Имеет право.

33

Самовар на стенках короба смотрелся шикарно: блестящий, серебристый, порождение

внеземной цивилизации. Тула, конец второго тысячелетия, завод "Штамп", клепанный в порядке конверсии из обрезков каких-то ракет очень средней дальности. Воткнешь штепсель в розетку, а он как засвистит: "Протяжка одна! Протяжка два! Поехали!"

Главмех, обеими руками держа перед собой коробку, бедром прихлопнул дверцу машины. Подарок деньрожденный нашей дорогой и любимой Лихе. Не буди Лиху, пока она тиха. Небось, хрустала ждет, баба — она и в директоршах баба. Приучена с детства — ценнее хрустала вещи нет, хрусталь да ковры, да книги еще, корешок к корешку, спрессованные до распирания шкафа полированной румынской стеники "Беатриче".

Некрасов взошел на порожек отсека зоотехника, тому подносить подарок от верноподанного коллектива. Старейшина, рядом с ним и Лиха — дева юная.

— Тук-тук-тук! — сказал он громко. Спит, спит старейшина, силу копит, любит вздремнуть часок, с трех до четырех, зоотехнический час, вату в уши и на боковую. Зато потом до позднего вечера опять живчик. Сегодня особо старается, мечтает объесть неразумных корейцев. Они такие же корейцы, как зоотехник — мама Римская. И такие же неразумные.

Главмех пробирался по узкому проходу, самовар, хоть и невелик, но мешал. Дряхленький вагончик, доведись опять переезжать, развалится, мы все развалимся с таким автопарком безо всякой Беловежской пуши, ресурс трижды выработан, держится его, главмеха, кровью, потом и слезами. Ну, нервами. А нынче — побоку.

Он не удержался, поскользнулся, сел звучно, смачно, коробка ударилась о стену и рухнула, жалобно звякнула крышка самовара.

Жаль, не хрусталь, эх, жаль!

Главмех осмотрелся. Да, порезвился зоотехник, обездолил бедных больных обезьянок, старец-стервец; не водилось такое за ним, да вот — завелось.

Он поднял коробку, поставил на неубранный стол. Нехай!

Глядя под ноги, повторение — мать дураков, он покинул купе. Это станция какая? А с платформы говорят: это город Ленинград. Тю-тю, Ленинград, едешь — не доедешь...

На выходе зоотехник едва не налетел на Некрасова.

— Семен Семенович, я позволил себе оставить подарочек нашей уважаемой Валентине Семеновне у вас. Я купил, вам всучать. То есть вручать.

— Вручу, — согласился Долгих.

— Как зверята?

— Утром чудили, но сейчас успокаиваются. К перемене погоды, завтра грозу ждите могучую.

— Радио слушали?

— Зачем радио, у меня барометров живых — полон зооцирк.

Забавляется старик. На ползарплаты бананов откушал, что не веселиться...

Пока главмех загонял машину под навес, Долгих оставался на пороге, не торопясь внутрь. Сегодня койка не манила, запах старой пластмассы надоед до тошноты. Гадюшник.

Он открыл купе и замер.

— Это кто же?.. Зачем?.. Ах, шкоды, шкоды...

Пол, стол, койка были усеяны золотой банановой кожурой.

Спелые были.

Брезгливо, двумя пальцами он поднял ошметок с пола и, вздыхая, побрел за помойным ведром.

34

Ручка открывалки напоминала другую, тоже черную и гладкую.

Аппарат обычно хранился в шкафу за бельем, обернутый серой холстиной несколько раз. Тяжелый, налитой, и нести его приходилось осторожно, словно по ледяной дорожке, мелкими шажками и ступая на всю подошву.

Крышка поднималась, щелкала негромко, и фарфоровый болванчик, потесненный с привычного места, кивал одобрительно, узкие губы расплзались догадливой усмешкой. Мимо, к объекту, прошел человек, и надо было срочно сообщить туда. Что за объект, и где это туда, она не знала, да и не хотела знать, спокойнее, служба нетяжкая, живи себе и живи, привечай путников, расспрашивай и сообщай, водички дай испить, чего проще, как награда. А природа, а воздух! Не Джекказган...

Золоченые штырьки входили в гнезда "земля", "антенна", стрелка замирала в зеленом секторе шкалы, оставалось закрыть глаза, слушая музыку крысиного писка, рука сама порхала над ключом передатчика, куда летят радиоволны, кто их принимает, — неважно, для нее это было общение с Ним, слияние в крещендо морзянки, и когда в ответ долетали скудные сигналы подтверждения, она откидывалась на стуле в изнеможении, опустошенная, бесильная, но — счастливая.

Ушло.

Все ушло.

Все ушло напрасно.

Банка скользнула из-под руки и, вращаясь на выпуклых стеклянных боках, перекатилась к краю стола, откуда и пала, продолжая крутиться с упорством молодой физкультурницы.

Билетерша ахнула, но Лена, до последнего мига замороженно смотрившая игру солнца на стекле, мягко шагнула, наклонилась и перехватила банку у самого пола.

— Востра! — билетерша приняла банку и теперь уже без мечтательства, без пустых воспоминаний открыла ее, узкой десертной ложкой вычерпала майонез, обильно заливая им овощное крошево. Салат, да... Салат видный...

Она оглядела стол. Попируем. Вдвоем с Леночкой управились, третья женщина, готовщи-

ца кормов, неделю на больничном. Правда, есть еще Валентина Семеновна, директорша. Да ей стряпать не с руки.

35

Чемодан, мягкий, гладкий, худел на глазах. Ненадеванная рубаша, костюм, туфли, обернутые тончайшей бумагой, носки, все дареное, береглось до случая. Им всем тогда подобрали одежду, на каждый день и, вот как эту — на праздник.

Плотник сидел у раскрытого и поставленного на койку чемодана, разложенная одежда в крохотном купе казалась ошибкой, случайной находкой.

Он пощупал материю костюма, чмокнул губами. Хороша она или плоха, трудно понять. Раз только видел, как мать оценивала отрез себе брала, — мяла, подносила к лицу, нюхала, так же двигала губами в раздумьи, пока, перебрав несколько штук, решила, отвернулась, доставая из-за пазухи узелок с увязанными деньгами. Запах магазина помнился, навсегда остался запахом довольства, красоты. У него тоже была денежка, с шахтером, тетка дала на мороженое, но он так и не потратил ее, сберег, как сберегла отрез и мать, не пошив ни платья, ни юбки, не забыв в спешке выселения уложить его в дозволенный сундучок, и потом, в новом колхозе иногда доставала, но уже не мяла, а легонько гладила, едва касаясь грубыми пальцами доярки, оживая от этого прикосновения, веря, что образуется когда-нибудь жизнь, она и вправду легчала, жизнь, выходной обещали ввести, детей вообще от работы освободить, кабы не тот взрыв, что пожег и деревни, и поля, и тех, кто был в полях...

Плотник развернул сложенную рубашу, пуговицы с трудом входили в тугие нетронутые петли, верхняя пуговица так и не сошлась, оставляя ворот открытым. Пусть.

Он осторожно влез в брюки. Раздобрел, раздобрел: выдавали по мерке, с запасом даже, а тут... Он подтянул живот, опасно вдохнул. Ничего, не надолго.

Без стука вошел Витек, электрик.

— Готов? Стиляга стилигой. А я побрился, — он провел рукой у подбородка. — Видишь, и по сей день диктую моду. Обрати внимание, сколько завтра безбородых придет в зверинец. Потому как прослышат: Витек побрился. Значит — пора! Новая мода. Витек всегда впереди. За что, думаешь, меня поперли со второго курса, за стишки, за пьянку? Нет, завидовал ректор моей популярности, у самого ноги — тумбы, пахипод, ввек в хорошие дудочки не пролезть, мылься, не мылься, вот и выместил досаду на бедном студенте. А я и рад. Был бы сейчас учительшкой, педсоветы да генеральные торжественные линейки, дружина, равнение на знамя, знамя внести, трум-туру-трум, — он отдал салют и, качнувшись, успел сесть на табурет. — Выпил я лишку, выпил, перебрал маленько, но праздник ведь, верно? Ты давай,

собирайся быстрее, торжественный банкет через четверть часа, опоздание приравнивается к чтению Пастернака и оскорблению царственных особ, — он тараторил неумолчно, а руки мертво лежали на коленях, лишь изредка подрагивая, и сам Витек, наверное, не чувствовал, как они отзываются на лугу слов.

36

Тельник — он не любил сюсюкающего до уничижительности "тельняшка", — выстиранный нежным, щадящим шампунем, прохладой и свежестью охватил тело. Тот еще самый тельник, готовый впитать дым, пот, много пота. Давно пора менять, но жалко, память, вот и стирает сам, руками, чтобы не разползся от ветхости.

Поверх чистого белья — костюмчик стройотрядовца. Практично и удобно, и даже красный прямоугольник над правым кармашком. Снайперов нет, не страшно. Значка не хватает, гвардейского. Нет уж, никаких значков. Плохая примета. Запоминающаяся. И без того видик что надо, берет не достает. Ничего, придут времена и беретам.

Он мельком глянулся в зеркало. Комод, Комод. Сам напросился на прозвище, представился, нанимаясь: "Командир отряда, можно сокращенно — комот". Звонкая согласная, глухая согласная, кому какая разница, лишь бы согласная. А ему лишь бы отряд. Пусть три человека всего, с ним три человека, но — отряд. Закаленный огнем и кровью. Почему бы то, что делали задарма, не делать и за деньги? Хорошие, большие деньги?

Он одернул костюмчик, скорее по привычке, не форма все ж, вышел к ребятам. Андрюха и Владлен. Из одного котелка хлебали, если было что хлебать.

— Войско, вольно! — скомандовал он. — Орлы, парни хоть куда. Хоть туда, и хоть сюда.

Все негромко посмеялись немудреной, но традиционной, оттуда еще шутке.

"Уазик" стоял наготове. Прочная машина, верная.

— Андрюша — за водилу, — скомандовал он. Президент предлагал своего, Серого, для стажировки, но нет, ему, Комоду, Серый не нужен. Может, и полезна где плесень, херес без нее не выходит, или сыр вонючий, Рокфор, но в акции плесени не место.

Андрюша вел машину аккуратно, законопослушно выстаивая у светофоров до зеленого, мимо торопились "вольво" да "Форды", глухие "жигулята" старались не отставать. Дурачье. Главное ехать не быстро, главное ехать в правильную сторону.

Пара лопат погромыхивали на заднем сидении. Это — для любопытных. Едут люди, картошку попробовали раннюю, после работы собрались, мотанули на пять соток, копнули пару кустиков, посидели у костерка на сухую и возвращаются назад.

Сидели не тесно, напротив, но Борис отодвинул немного свой стул, отодвинул намеренно с шумом. Никто не обеспокоился. Что он компашке, что ему компашка?

Особенная неловкость сегодня. Коллективное торжество. Сроду не любил Борис этого, от школьных "огоньков" до студенческих "гудений". Там хоть отговориться можно было — "режим", объяснение принималось, знали, с боксом у него на уровне, хотя главное было вовсе не бокс, а — не понимал он этого: пить, галдеть, пускать пьяные сопли. Тем более здесь. Чужой среди чужих. Чужих, чужих, не сомневайся.

Он отыскал взглядом Лену, хохотавшую над шуточками Витьки.

Борис потянулся за стаканом. Полный, до краев, Витек удружил в надежде, что Борис пить не будет, стратегический резерв подготовки.

Ошибся Витек.

Глоток за глотком проталкивал он в себя водку. А что? Слабо, думали? Были и мы рысаками залетными!

Сразу стали вкусными и килька в томате, и темная, прошлогодняя картошка, и колбаса, давеча отдававшая невесть кем.

Ух!

Водка не забирала, только кино, которое крутилось по видео, рассыпалось на бессмысленные, никчемные эпизоды.

Долгих в третий раз рассказывал историю своих часов. Часы хорошие, "Мозер", одного золота на полную челюсть, но в третий раз?

— Июнь, а в Прибалтике июнь прохладный. Население к нам тоже не шибко тепло относилось. Средне — поначалу. Так вот, пошли мы купаться на речку. Простились немного, поплавали, а вернулись в часть — нет часов! Мне их перед строем вручали, я потом расскажу, за что. Рассказывал? Ну, все равно расскажу, но после. Туда, сюда, карманы вывернул — нету. Обидно. Вернулся без надежды, для очистки совести. На речке нашел кустик, где раздевались, ишу — ничего. Все, думаю, гавкнулись мои часики. А тут рядом латыш подходит, старый. То есть, он тогда мне старым казался, в войну для меня все после тридцати старыми были, в этом я Чехова превзошел, у него в одной пьесе ремарка имеется: "входит старик сорока лет". Латыш и спрашивает, что, мол, ищите, молодой человек. Отвечаю, часы посеял. Он: какие? "Мозер", говорю, наградные. Он из кармана их достал и протягивает: берите и берегите, награды редко выпадают. Я, само собой, отблагодарить его хотел, буржуазия, как раз и деньги были, но он этак гордо ответил: "Честность, молодой человек, в вознаграждении не нуждается". И не взял ничего, покачал головой и ушел.

Борис поднялся, пробираясь к выходу. Со всем незамеченный, никем.

Лена по-прежнему пересмеивалась с Витьком.

У нас не будет ничего, даже царских долгов.

Фраза звучала в голове торжественно и гулко, пока он брел по двору, забираясь в берлогу, устраивался на койке.

Никем. Досадно.

Борис машинально нацепил наушники плеера, нажал клавишу. Странно, играет, сели же батарейки. И музыка — не было у него такой кассеты, Вивальди, "Времена года", "Зима".

Он сорвал наушники, но музыка становилась громче, ясней, он зажимал уши ладонями, скрипки визжали форте, фортиссимо! Внезапно его вывало, стало легче, но он никак не решался отнять от головы руки.

38

"Уазик" съехал с шоссе на грунтовку. Андрияша врубил оба моста. Хорошо водит, из отряда — лучший. Комод слегка расслабился. Все эти "восьмерки", "девятки", "две девятки" — барахло, на пихонов. "Нива" — куда ни шло, ему не девочек катать, для хозяйства. Дом строит. Мог бы и купить, средства есть и будут, но строит. Сам. Себе дом, не дяде. К осени кончит. К ноябрю. Край — седьмого. Осталось отделка. С материалами — без проблем.

Комод посмотрел на часы. Плюс семь минут. Запас пригодился — объехать траншею, оборвать телефонный провод, у служебного входа в зооцирк они стали по графику.

— Маскарад, — скомандовал Комод. Владлен сзади передал альпинистские шапочки-шлемы (мелькнуло — неплохо бы на недельку в Домбай отрядом за счет фирмы. После акции стоит подумать), на руки — резиновые перчатки, кольчужные, антиспидовские. Бережный сам с себя бережет.

Не дожидаясь приказа, Владлен достал из-под сидения мешок. Три "калаша", старые, семь шестьдесят два, история, почти как четыре двенадцать. Сгодятся.

— Штыки примкнуть!

Они постояли у машины, вслушиваясь, вбирая в себя звуки летней ночи. В далеких многоэтажках светящиеся окна складывались в странную аббревиатуру: "КЗВ", буквы, правда, не чертежные, с щербинами и лишними завитушками.

— Тронули.

Здесь, в темноте, они не таились. От кого? Калитка заперта. Оборонились хозяева...

Выбрав место, куда не падал прожекторный свет, они приготовились.

— Три, четыре! — и они во дворе. Заверещала поодаль птица, рыкнул зверь. Зооцирк.

Как на кроке? Ясно. Вагончик побольше, из раскрытых ярких окон — шум.

Короткими перебежками подтянулись к вагончику, сначала Андрияша, потом Владлен, он — замыкающий.

Из окна — кабинетный баритон: "Хазбулат удалой, бедна сакля твоя..." и, подхваченная

пьяными, со слезинкой, голосами, песня поползла дальше. Веселится и ликует весь народ.

Комод проверил, правильно ли расположились ребята, им пахать, нацепил дымчатые очки, с ночи в самый раз, и, с автоматом у живота, толкнул дверь. Ноль!

— Разборка! Всех не тронем, только жадных! — гаркнул он, перекричав и песню, и верещавшую в углу видеодвойку. "Французский связной", определилось зачем-то.

Рожи красные, размякшие. На столе салаты, застывшее жаркое, колбаса и водка, местная сивушка, сивка-бурка.

— Всех не тронем, — повторил он. — По справедливости. Заработал — получи, — не зря читали курс психологии, человеку нужен самый крохотный повод остаться пассивным, с краю, в стороне. Кого угодно, но не его.

— Ты, который в очках, — Комод показал на зоотехника, — развлеки публику, включи погромче звук. — А ты, — он наставил автомат на директора, — на выход. Поговорить надо.

Нехорошая тишина, недобрая. Комод быстро огляделся. Спокойно, все путем, просто перебрали люди, не доходит.

Осоловелость, пьяная багровость сползли с лиц, сдутые холодным воздухом, ворвавшимся в дверь, но под ними проступили не растерянность, не страх.

— Поберегись! — Комод хотел обойтись без стрельбы. Выводить по одному, а там уж ребята штыками, в конвейер. Дело знают.

Упал опрокинутый стул, но зоотехник бежал не к телевизору, а на него, Комода. Или к двери? Пропустить? Но тут же резко прыгнул директор, вылетев высоко над столом, выбросив руки вперед, и палец дернулся сам, останавливая прыжок.

Стрелять так стрелять. Зоотехник следом покатился по полу, а ребята ударили сзади, гибко мыслят, сообразили. Три ствола, тридцать выстрелов в секунду, что тут сделаешь, но почти сразу перешли на короткие очереди, пули ложились точно, экономно, ни одна не задела видеодвойку на возвышении, где по экрану мелькали кадры сумасшедшей погони, и правильно, что не задела, видеодвойка теперича наша. Все теперь наше. Аккуратно, аккуратно. Двадцать секунд.

Прощаясь, он прошел над разметанными телами, жалую контрольный выстрел в голову. А, механик, стукачок. Тебе парочку, хорошему человеку не жалко.

Едкий дым, смешанный с морской свежестью крови. Он дышал, и ноздри, раздуваясь, втягивали запах победы. Славно.

Минута ровно.

— Все назад!

Остался кто вне застолья — его счастье.

39

Он очнулся за миг, как его вывало вновь. Несвежая водочка, как шутил отец.

Борис не стал и включать лампочку. Ранорано утром придется прибраться. Как за поносным поросенком. Или сейчас, чего лежать в блевотине?

Стрельба в два, в три ствола, автоматическая, очередями, особенно громкая во тьме, подкосила, будто стреляли по нему. Пил, пил ведь таблетки, как чувствовал — жди припадка. Новые галлюцинации?

Борис попробовал испытанный способ — заткнул уши. Звук стал глуше, слабее. Непонятно.

Подождав немного, он поднялся. Опять тихо. Надо бы посмотреть. Явиться на посмешище — полупьяный заблеванный юродивый, которому мерещатся потусторонние голоса.

Он ощупал рубаху, брюки. Удачно вырвало, чисто, на пол, не на себя.

Пороховой дух растекался из салон-вагона по двору густо, почти видимо. Поначалу пришло облегчение: не чудилось, стреляли в самом деле.

Стреляли?

Он перебежал двор, впрыгнул в вагон, наперед зная, чувствуя, что нет там живых, но склонялся к каждому телу, к каждому лицу, против воли заглядывал в стекленеющие глаза. ...Ничего, даже царских долгов...

40

У машины остановились, споро отомкнули оказавшиеся не у дела штыки, обернули оружие тряпками и в мешок, под сидение, в тайник. Шапчонки да перчаточки — в другой мешочек.

Комод уселся рядом с Андрюшей.

— Трогай!

У забора шевельнулось что-то, темное на темном. Показалось. Или кто-то храбрый из незваных на пир. Пусть живет, не гоняться же за одним. Достаточно поработали. Достаточно.

Рессоры поскрипывали, пыль пробилась в кабину. Не пыль предгорий, та другая. Суше, злей, эта — жирная, мазкая.

Андрюша включил ближний свет. Луна-то за облаками, темно. Ночь. Время летнее, московское. Время расчётное.

Андрюша насвистывал любимую "Темную ночь", а Владлен жадно курил "Беломор". Где он их достает, папиросины эти?

— К прапору, капитан?

— Точно.

Немного беспокоило, что прапорщик жил близко от зооцирка, километра полтора, с той стороны многоэтажек, где уцелевшие кварталы частных домов держали круговую оборону против промышленного строительства.

И выехав на асфальт, двигались не спеша. Продлить удовольствие, радостную истому выполненного труда.

За полста шагов от штабеля кирпича "Уазик" остановился. Строится прапор, позволяютходы.

— Ждите, — сказал ребятам и с мешком, пе-

реданным Владленом, пошел. Переулок пустой и безлюдный в поздний час. В центре города пока гульба, а тут пара фонарей мигали, не решаясь разгореться в полную силу.

У ворот Комод осветил фонарем, выискивая звонок. Три коротких, длинный, короткий. Встречай, любимая, солдата.

От дома до ворот путь не близкий. Метров пять. Нет, дом в городе — для клоунов. В селе — простор, участок сорок соток, пчелы меда нанесут...

— Кто?

— Свои, свои...

Тот узнал, приоткрыл ход в воротах.

— Ну, как?

— Пришел, значит, порядок.

С мешком он переступил порог.

— Идем в дом, я один, — прапорщик начал рассказывать, как отправлял к теще жену с сыном, а теща внука балует, а у того аллергия, диатез на шоколад...

Комод осмотрел двор. Теснотища. Чихнешь — соседям утираться придется.

— Сюда, сюда, — провел на кухню прапорщик. На окнах занавески, но прапор задернул и шторы, легкие, да непрозрачные. Город.

— Проверь, — Комод опустил мешок на пол.

41

Он бежал по черной, залитой битумом дороге, идущей сквозь серое ничто в никуда, ноги липли к мягкому, податливому покрытию, и бег слышался как беспрестанное ненасытное чавканье; не оглядываясь, он знал, что сзади по обеим сторонам вырастает решетка, превращая дорогу в тоннель на арену, и вот-вот по тоннелю густят хищников, уже слышен их раздраженный нетерпливый рык; чем дальше, тем мягче становился асфальт, и вот он не в силах оторвать ноги от клейкой тягучей массы; ребра решетки поравнялись с ним и ушли вперед, частые, один к одному прутья, почти сплошная стена, а просвет впереди исчезал, как закатное солнце; рык приближался, чьи-то лапы шлепали по дороге, и тут он увидел в щелях решетки лицо, незнакомое, неразличимое из-за узости щелей, но с умными любопытными глазами, остановите, остановите их и выпустите меня, закричал он, кого тебя, ответил голос, меня, человека, он высвободил ногу из схваченной намертво асфальтом кроссовки, человека? здесь нет человека, удивился голос, лицо отпрянуло, удаляясь, а за спиной накатывало тяжелое смрадное дыхание, но оно уже не было чужим, и страх оставил его...

42

Пока прапорщик осматривал автоматы, свежая номера, лязгая затворами, Комод сидел на табуретке, рассматривая рисунок кафельной плитки. Неплохо, фасонисто. Кухонька удалась. Стильная мебелишка, мойка — что бассейн,

Он не удержался на шаге, побежал, держась фонарей, подальше от подъездов и ворот, через силу нырнул в нужную арку, прислушался. Ни топота, ни рычания мотора. Чисто.

Проходным двором он вышел на соседнюю улицу. Вот он, особняк, крыша.

И когда в переговорнике раздался голос президента, Комод поверил, что, может быть, все еще обойдется.

43

Ночью казалось, что в особняк возвращаются старые хозяева. Не те, что отсиживали часы и ягодицы на казенных стульях филиала НИИ защиты растений, а настоящие. Купец первой гильдии Сомов со всеми чадами и домочадцами. Самочинно берет купчина свечу в серьезном канделябре, не хуже кистеня, и обходит дом, комната за комнатой, проверяя, закрыты ли ставни? задвинут ли засовы? спят ли дети? Держа свечу чуть выше плеча у кровати сына, накинёт одеяло на выпростанную ногу, перекрестит; задев ногой оброненную книжку, поднимет и положит ее на место со вздохом, грамота-то хороша, да в толк ли идет, грамота-то, еще ведь всякие науки в гимназиях учат, по-французски лопотать лягушатник отдельно приходит, опять убытки, а к пользе ли? — не зная, что пройдет время и сын, стариком уже, кормиться будет наукой, раскланиваясь перед отдыхающими на водах: "мосье, жене манж па сис жур... Гебен зи мир битте этвас копек ауф дем штюк брод..."; к дочери купец не заходил, только прислушивался долго-долго, мала пока, пигалица, а загремит на фортепьянах — ну! и шел мимо фортепьяно, которое на его шаги отзывалось едва слышной вибрацией басовой струны, а, может, мышка хвостиком задела, и оно падает, золотое яичко, долго падает в восторге полета, безбедное детство, образование, блестящая женитьба, переход во дворянство, эх, денег передать по наследству можно, сколько есть, а хватку? клыки? не дано их человеку наследовать, и не помогут ни строгость, ни пример, ни учение, а что? что? — и, обойдя каждый закуток, останавливается в сомнении купчина у шкапика, наливает из графина рюмку желудочной, рисует неприметную черточку, пьют, шельмы, опрокидывает рюмку, крикает и идет совсем уже к себе, на широкую и пустую после кончины благоверной, царствие ей небесное, кровать, где и спит вполслуха, различая сквозь сон кашель сторожа, курит, стервец, лай собаки, по скуке, дуга, брешет, не на вора, но в кошмаре вдруг увидит — нет, не потерю дома, то не кошмар, всяко бывает, можно прожить, можно и нажиться, а — то, что и могилы не будет, на костях через век пращурь построят цирк, балаган, увидит, вскинется, заорет дико и закрестится часто-часто, каждым крестом забывая кошмар, пока не забудет совсем, и слава Богу, слава Богу...

Сегодня шорохи были другими — близкие,

тревожные, они призывали не размышлять, а действовать.

Президент сидел перед экраном "Аргуса", сторожевой системы, охранника отослал, лишний свидетель всегда лишний, — и старался удержаться, не смотреть на часы. Рано, рано еще. Комод — человек надежный, сделает точно и в срок. Нигде кроме, как в "Легалоне", раз "Моссельпром" приказал долго жить.

Он поддался искушению (а как не глянуть, в углу каждого экрана бегут цифирки времени), двадцать три пятьдесят. Кроме времени, ничего на экране не движется. Телефоны молчат. Он дошел до туалета, когда прозвенел входной звонок. Пришлось вернуться на пост. Комод у ворот. Комодина — гордость Родины, рекордист — медалист, — он сосредоточился, пытаясь не рассмеяться, говоря по интеркому. Легкая истерия, реакция на ожидание. Все прошло нормально, все прошло нормально, — кнопкой он открыл электрический замок калитки и пошел вниз — дверь особняка запиралась на засов, простой, ручной, невзламываемый. По пути завернул в туалет. Спокойнее, спокойнее. Согнал улыбку, помыл руки, тщательно вытер, затем спустился по лестнице. У двери для порядка спросил — кто, и уже собрался отодвинуть засов, как остановился, замер. По интеркому не было слышно ничего. А обязан отзываться, хоть ты Комод, хоть кто.

— Комод! — требовательно позвал он.

Тишина.

Зря он молчит.

Президент включил яркий фонарь над входом, поглядел в глазок — призматический, пулеупорный. Никого. Оживил дополнительный монитор "Аргуса", чтобы не возвращаться наверх. Секунды, пока проявлялось изображение, стоили всего вечера.

Длинное, в диагональ экрана тело с нелепо вывернутой головой.

— Комод?

Теперь он расслышал: далекий скрип открытой калитки на ветру, сам ветер, пробивающийся через легкий треск интеркома и слабый журчащий звук.

Торопливо выключив экран, словно кто-то мог пробраться сквозь него, президент побежал наверх, нога скользнула по ступеньке, и он, больно ударившись коленкой, вскрикнул, по-заячьи отчаянно и безнадежно, но тут же поднялся и, держась за перила, продолжал путь. Дверь надежная, решетки крепкие, надо было и второй этаж обрешетить. Хромая, он вбежал в комнату охранника и из ящика стола вытащил пистолет — свой, положенный раньше. Хорошая штука — пристрелянный пистолет.

Он убрал скобу предохранителя, загнал патрон в ствол. А дальше? Пытаться удержать ситуацию, вернуть контроль, созвав своих? Кого?

Он раздумывал, сзади зашелестело, зашумело, президент обернулся и увидел качнувшуюся к нему штору, тугую, упругую. Все обойму,

пуля за пулей, снизу вверх, пока не оголился ствол, тогда он вставил запасную, опять дослал патрон и лишь затем отодвинул штору.

Никого.

Просто ветер полуночный залетел в его окно.

Жарко, душно, сам ведь окна и раскрыл, умник.

И когда качнулась штора второго окна, он промедлил, задержался с выстрелом, а когда штора отлетела, сметенная движением, стало поздно.

Ветер... Больше... Ничего...

1

— Первая за день, веришь? — лейтенант достал из жесткой глянцевой коробочки сигарету, эффектно, вершковым пламенем, прикурил от зажигалки.

— Бросаешь, Владиславич? — собеседник курил сигареты попроще, пролетарские.

— Нет. Больше не пытаюсь, просто времени нет, ни секунды, честное слово. А в помещении — ни-ни, москвич не переносит, партнер.

— Астматик, что ли?

Они сидели в закоулке, между зданием райотдела милиции и гаражом, у коротко обрезанной железной бочки с песком, над скамейкой табличка — "Место для курения".

— Поди, москвичи ходят, да посвистывают, а вам разгрести? Кому вершки, кому корешки?

— Да, свистят и свистят, по пятнадцать часов в сутки, — лейтенант затыкнулся, как начинающий школьник, закашлялся.

— Пятнадцать часов — много.

— Много...

— Чего вообще москвичи налетели? У них и своих дел выше телебашни, каждый день по телевизору такое говорят... Похлеще наших.

— Не объясняют. Вернее, объясняют, но для тумана, мол, дело неординарное, пора дать бой преступности и все такое. Я же думаю, все с экспертизы началось.

— Какой экспертизы?

— Фирму "Легалон" знаешь?

— Ну!

— С нее и пошло. Там Шуникова убили, который себя президентом любил величать. Убили круто, но и Шуников успел ранить кого-то, следы крови нашли. Другой, не Шуниковский, ту искать не пришлось. Стали проверять на группу, резус, а лаборатория наша руками и всем прочим разводит. Не могут определить и точка. Реактивы, говорят, старые, пятое, десятое. Случай серьезный, послали кровь в Москву, а на другой день бригада и свалилась на нас. Объединили Шуниковское дело с бойней в зооцирке, там и по московским понятиям

крови немало. Нас всех — на побегушки. Прыгаем, прыгаем...

— А москвичи что?

— Москва есть Москва. Делают умное лицо. Даже спецов из своего зоопарка вызвали, часть животных прямо в Москву увезли. Вагоны организовывать, сопровождение — все на нас. А вагоны-то! Не каждый человек с такими удобствами едет, как зверюги эти. Пустырь за зооцирком велели оцепить, колючку развесить, роторный экскаватор пригнали, машинист — как в Чернобыле, спецодежда — скафандр! При чем тут дело? Темнят.

— Глубоко копают, — хохотнул собеседник.

— Куда глубже. На мне и так гора дел, последнее — два трупа на Солнечной.

— Это где машина сгорела?

— Оно самое. Побоку все, паши на важняков.

— Ошейник одним, а медали другим, — протянул собеседник.

— Владиславич! — позвали из окна райотдела.

— Все. Пошел. Умные люди в ГАИ работают, а я мир переделать хотел, — лейтенант бросил сигарету в бочку, промахнулся, наклонился, подобрал и уже тщательно уложил в песок.

— Быстрее, Владиславич! Виктор Платонович звонит! — торопили из окна.

— Перезвонит, — пробормотал лейтенант, но так тихо, что даже собеседник, дворник Северного райотдела милиции ничего не расслышал, — и побежал, стараясь не цеплять носками лучших туфель серый асфальт.

1

Резиновые бинты, которыми человек фиксировался к каталке, подавались неожиданно легко, казалось — немного, и они не выдержат, извивающееся тело окажется на свободе.

— Лопнут! — двое в белых халатах сидели перед экраном монитора, изредка переглядываясь и вновь возвращаясь к изображению.

— Убавь звук, — попросил первый. Вой, высокий, режущий, упал до терпимого предела.

— В барокамеру, — скомандовал в микрофон первый, и пара санитаров подвезли спеленутого к стальному цилиндрическому саркофагу со стеклянным верхом, сняла с каталки носилки и заложила внутрь.

— Ноль три атмосферы? — спросил второй.

— Для начала.

Они прошли в зал. Человек в барокамере лежал спокойней спящей красавицы. Он и в самом деле спал, убаюканный разреженным воздухом. Кислородное голодание.

— Посмотрим? — второй потянул рычаг, и манипулятором внутри барокамеры надел на голову спящего шлем, надел сразу. Практика.

— Альфа-ритм, но сей зубец мне не нравится.

— Зубец, зубец, — проворчал первый. — Кто клялся, что срыва не будет? Нечего на зубец валить, еще скажи, гроза собирается, тип погоды вспомни.

— Мы слушали разговор. Обычный, стандартный. Ничего не предвещало подобной реакции.

— Плохо слушали. Или по-прежнему работаем наугад, методом тыка. — Первый отвернулся от барокамеры, скомандовал:

— Перевести на смесь номер два — сорок процентов кислорода, шестьдесят — закиси азота. Держать восемь часов, — и, не дожидаясь ответа, кивнул второму: — Пора пить чай. Ночь впереди.

Они вернулись в ординаторскую.

— Всегда можно применить старый добрый электрошок, — второй открыл яркую коробочку.

— Давай, давай, инсулиновые комы предложи. Видно, действительно старого пса новым трюкам не выучить.

— Ты к чему это?

— К тому. Злобных кретинов наделали достаточно, сейчас заказ иной. И либо мы его выполняем, либо идем в подсобные рабочие — если позволят. Или под твой любимый электрошок.

Засвистел чайник, и, пока второй заваривал "Липтон", первый включил магнитофон и опять стал прослушивать запись:

— ...от старых кур. Новые, я пятьдесят цыплят взяла, один подох, правда, нестишься не раньше твоего возвращения начнут. Ты ведь побудешь дома...

2

Она проснулась внезапно, вдруг — от тишины. Поезд стоял, из-за плотной занавеси не пробивалось и намек света. Остальные в купе спят. А в ушах отдавалось запоздалое эхо — гудка, сирены, свистка, что там у этих поездов? Она нащупала деньги, поудобнее укрылась тонким одеялом. Капли дождя молотили по крыше, крупные, частые. Не ко времени, что б ему в мае лить, в июне? Хотя дома, наверное сухо. Далеко. Если ветер северо-западный, привезет непогоду с собой. Пора картошку копать, сорт поздний, богатый. Сам копать не начнет, куда одному. Ничего, коли трезвый, ус-

пеют в два дня, в три, по урожаю. Только бы дождь остался здесь, не увязался...

Вагон дернулся, подавая назад, а затем, втягиваясь, впрягаясь, покатил, набирая ход, обещающая стуком колес: "веду домой", "веду домой"...

3

Теряя форму, бумажный шарик плыл по грязной воде эфемерного дождевого ручья. Вымытый из-под куста, он попал в ровный, вдоль дорожки, ток воды, и теперь, цепляясь за бордюр, вяло кружился с грацией ученого слона. Под струями дождя он постепенно расшелушивался, распадался на отдельные обрывки, один из которых игрой воды и ветра вынесло на край потока, и он лежал распластанный, белея в утренних сумерках; дождь выполоскал бумагу от земли и явственно проступили буквы, строчки, одно объявление сохранилось почти целиком:

МОСКОВСКИЙ ПЕРЕДВИЖНОЙ ЗООЦИРК ПРИГЛАШАЕТ НА ПОСТОЯННУЮ РАБОТУ:

- главного администратора
- главного бухгалтера
- главного механика по автотранспорту
- заведующего животными
- зоотехника
- агента по снабжению
- ветеринарного врача
- техника-электрика
- плотника-столяра
- газосварщика
- служителей по работе с животными (можно учеников)
- водителей автомобилей с категорией "Е".

Обращаться в дирекцию
Московского зооцирка, который расположен...

По краям были и другие объявления, оборванные на полуслове, заляпанные яичным желтком. Дождь наддал, пытаюсь смыть и желток, но водный поток, ширясь, вновь подхватил бумажку, донес до решетки канализационного стока и пропихнул вниз, в щель самого главного почтового ящика.

”Аэлита”—94

20 мая в Екатеринбурге в ДК автомобилистов состоялось вручение “Аэлиты” — ежегодной премии-приза за лучшее произведение отечественной фантастики.

В зале, заполненном в основном екатеринбуржцами, наличествовало все-таки и некоторое количество иногородних любителей фантастики — немногим более шестидесяти гостей из 31 населенного пункта. Были представлены Россия, Казахстан, Украина, а также совершенно экзотические для нас сегодня Тирасполь, Кишинев, Баку. Цифры, разумеется, скромны: в прежние годы на “Аэлику” съезжались сотни фэнов. Что ж, как заметил один из наших авторов, при сегодняшней дороговизне билетов и гостиниц каждый из гостей — это поистине энтузиаст в квадрате...

Лауреатом “Аэлиты”—94 стал хорошо знакомый читателям “Уральского следопыта” писатель из Новосибирска Геннадий Мартович Прашкевич. Премия присуждена ему за повесть “Спор с Дьяволом” и цикл “Записки промышленного шпиона” в целом.

Приз “Старт”, вот уже в шестой раз вручаемый нами — по итогам голосования КЛФ страны — за лучшую первую книгу, присужден 25-летнему студенту-москвичу Андрею Щербак за “Сказки о странной любви”.

На вечере в ДК автомобилистов омский КЛФ “Алькор” огласил лауреатов “Великого Кольца” 1992 года; здесь же были подведены и итоги довольно необычного конкурса, объявленного литературным агенством “Кубин” и издательством “Ладъ”, — на лучшее произведение, написанное в духе американского писателя Г.Ф.Лавкрафта, одного из основоположников фантастики ужасов. В конкурсе, скрывшись под девизами, приняли участие не только екатеринбуржцы, но и авторы из Воронежа, Иваново, Инты, Н.Тагила, С.-Петербурга, Уфы, Хабаровска, Харькова и других мест; победителями же стали молодые супруги из Казани. Необычна и премия, ожидающая их: по договоренности с американским издательством их рассказ будет переведен на английский язык и напечатан в США. (А на русском языке вы сможете прочитать его в следующем номере “Уральского следопыта”).

В течение двух с половиной дней “Аэлиты”—94 работали секции: фантастиковедение, фэн-пресса, библиография НФ, ролевых игр; общались между собою издатели и распространители фантастики; как в былые годы, под

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

Андрей ЩЕРБАК

Снимки В. КОБЛОВА

55

руководством С.И.Казанцева плодотворно прошел семинар молодых авторов. Состоялись карнавал, концерт авторской фантастической песни, выступление представителей местного Театра Оружия.

...В 13-й раз вручена премия, учрежденная в 1981 году редакцией “Уральского следопыта”. Многие годы мы неизменно добавляли при этом: ...и Союзом писателей РСФСР. Более того, в соответствии с ранжиром “Уральский следопыт” всегда значился вторым в этой упряжке.

Однако вот уже два года проблема “Аэлиты” (и премии, и сопутствующих призов, и традиционного фестиваля фантастики) — вроде бы частное дело редакции журнала, что — при отсутствии спонсоров — естественным образом усложнило эту проблему. Еще не выкарабкавшись толком из пропасти, едва не поглотившей прошлым летом и наш журнал, мы, к примеру, и в этом году вынуждены были воздержаться от присуждения второго нашего приза — имени И.А.Ефремова, вручавшегося в 1987—1992 гг. за вклад в развитие отечественной фантастики. Не оттого, разумеется, что нет достойных кандидатов. Нет в достатке другого — денежных средств...

В реальности перспектив дальнейшего существования журнала мы ныне все-таки убеждены. Убедились, к сожалению, и в бесплезности обращений за помощью к властям предержащим. И вот к какому решению мы пришли, обговаривая итоги последней “Аэлиты”.

Дорогие наши друзья, фэны бывшие и сегодняшние, особенно же — те, кому пофартило в бизнесе! Как известно, спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Чтобы “Аэлита”—94 и впрямь не оказалась последней — помогите нам создать фонд “Аэлиты”! Этот фонд нужен не нам — не редакции и даже не журналу; он нужен для оплаты призов, для организации и проведения очередного фестиваля. Ведь, согласитесь, с его исчезновением неизбежно исчезнет что-то в нашем, как принято теперь говорить, духовном пространстве, разве не так?

А мы на своих страницах, разумеется же, перечислим всех, кто внесет лепту в этот фонд.

Расчетный счет фонда “Аэлита” 700161403/467373 в ЕФ АКБ “Финист-банка” в ЦРКЦ Екатеринбурга, МФО 253006.

Книжные новинки

Раздраковивает Вас. Кириллов

Один дракон — книга, не лишённая привлекательности, но только для слабоумных, либо дрянная, но хорошо изданная книга.

Два дракона — книга, которая без труда прочитывается от корки до корки, но после вызывает ощущение впустую потраченного времени.

Три дракона — книга хорошая, но по вине издателя, переводчика, редактора, корректора не заслуживающая более высокой оценки.

Четыре дракона — хорошая книга, которую стоит прочитать, но, по тем или иным причинам, не следует торопиться с приобретением ее для своей библиотеки.

Пять драконов — отличная книга, которую можно читать и перечитывать.

Шесть драконов — шедевр, способный сыграть роль настольной книги, которую можно не только читать и перечитывать, но и завещать своим детям.

Жаба — откровенная халтура, не вызывающая ничего, кроме отвращения и уверенности в том, что такую книгу вообще не следовало издавать.

Джекки Пурнель. *Наемник.*
С.-Петербург, Оверлайт-САН,
1993. — 512 с.

Имя автора на корешке и обложке в первую очередь и привлекло меня и повлияло на решение приобрести эту книгу.

Однако с прискорбием предупреждаю: книга с секретом. Недобросовестные (чтобы не сказать "бессовестные") издатели "добили" роман Пурнеля, занимающий около 200 страниц, "Последним континентом" Э. Купера и "Слэном" Ван Вогта. Таким образом и получился увесистый том, на самом деле являющийся сборником, а не авторской книгой. Узнать об этом сразу довольно мудрено, ибо в книге отсутствует даже страничка с содержанием и авторы "контрабандных" произведений упомянуты лишь в выходных данных.

Ничего не имею против Купера с Ван Вогтом как таковых, но, учитывая, что "Последний

континент" и "Слэн" уже неоднократно выдвигали свет в других изданиях, считаю их исподтишка навязанной нагрузкой и буду говорить только о "Наемнике".

Пурнель и на сей раз не обманул моих ожиданий. Начинаю даже всерьез подумывать, не прочитать ли "Одиннадцатые звездные войны", к которым он приложил руку. "Наемник" — крепко сколоченный "мужской" роман, заставляющий вспомнить Ремарка и Хэмингуэя. Помимо описания блестящих военных операций, в нем есть и отличный трезвый взгляд на войну и политику, вполне приемлемый для понимания современной ситуации. Больше того, некоторые эпизоды до боли напоминают об октябрьских событиях в Москве 1993 года.

Вообще этот роман представляет ярчайшие примеры критических обстоятельств, когда спасительным становится только применение силы, и, соответственно, прекрасные образцы умелого ее применения. И напротив — ситуации, дающие возможность и диктующие необходимость избежать насилия, и, соответственно, образцы оптимальных действий боевого командира в таком случае.

Так что я бы рекомендовал "Наемника" для чтения и изучения в военных училищах и академиях. Было бы просто замечательно, если бы реальные офицеры воспитывались на примере полковника Фалькенберга, персонажа фантастического, но достойного уважения и подражания.

Четыре дракона, но только Пурнелю, а отнюдь не мошенникам, издавшим его на сей раз.

Лион Спрэг де Камп. *Рука Зеи.*
— СПб: Северо-Запад, 1993.
— 384 с.

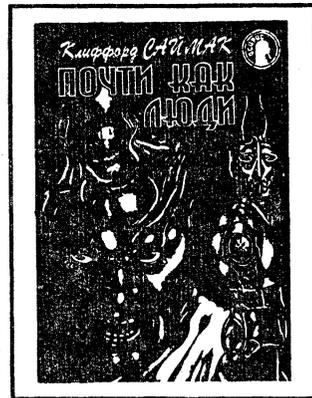
Спрэг де Камп вновь использует расхожую схему, отгранную в его же "Дипломмированном чародее": "цивилизованный человек в условиях дремучего общества". Правда, на этот раз мы имеем дело с чистойшей "science fiction". Действие романа разворачивается на далекой причудливой планете с пиратами, дикарями, матриархатом, основанным на природном зелье, подавляющем мужскую волю, и т. п.

Лихо придуманные приключения, любовная история с неожиданным финалом, тайна рождения и прочие традиционные приемы наряду с традиционными характерами персонажей со-

ставляют "материю" романа, местами затянутого и скучноватого. Однако мягкий юмор, простодушие и доброта, эти неустаревающие достоинства, внушают симпатию и пробуждают теплые чувства.

Автор в очередной раз продемонстрировал свое умение развлекать читателя без особых притязаний. И при этом не скатился до откровенной глупости и пустоты. Спасибо и на том, но хватит ему, пожалуй, и трех драконов.

Клиффорд Саймак. *Почти как люди.*
— М.: Осирис, 1933. Вып.
22. — 495 с.

Великолепный по составу сборник, кроме заглавного романа включающий в себя "Город" и "Заповедник гоблинов".

Как-то даже неловко говорить что-либо об этих вещах, давно уже признанных частью "Золотого фонда" американской и мировой фантастики.

В детстве я зачитывался "Заповедником гоблинов" и по сей день не избавился от обаяния этой изумительной истории. Но сегодня из этих трех романов отдал бы предпочтение "Городу".

Думается, это лучшая книга Саймака. Нигде он больше не достигает такой глубины и мудрости, такой свежести и легкости. Кроме того, в "Городе" собраны чуть ли не все до единой его лучшие идеи, на которых он построил далеко не один этот роман. "Город" — настоящий шедевр, вершина его творчества, выше которой ему так и не удалось подняться. Самоповторы и схематизм, увы, свойственны этому чудесному писателю, к чести его, пожалуй, ни разу не опускавшемуся до откровенной халтуры.

Без Саймака не может обойтись, собирая библиотеку, ни один любитель фантастики. Но поневоле задумывается, стоит ли останавливать выбор на этом томе серии "Осирис": уж больно омерзительным оформлением он страдает. Дух Саймака — чистый, благородный, исполненный доброты и сострадания — полностью противоречит изображению на обложке столь вопиющих гадостей, хотя бы и раскрашенных всеми цветами акриловой радуги.

Пять, а не шесть драконов — только в силу последнего неприятного обстоятельства, целиком лежащего на совести издателей, не умеющих безосмысленно выбирать художника для оформления хорошей книги.

На всех фотографиях Гавриил Михайлович Панов улыбается. И всегда разной была его улыбка: с добродушной лукавинкой и незлобливой хитрецей, с озорными искорками и веселыми светлыми лучиками в глазах. И только на одном маленьком фото взгляд отца Гавриила тяжел, пристален и жесток — таким для какой-то казенной надобности заснял его по поручению тюремной администрации г. Копейска лагерный фотограф. Там, в небольшом городке Челябинской области, отбывал наказание пожилой священник, осужденный в 1949 году на 10 лет по печально знаменитой 58-й статье.

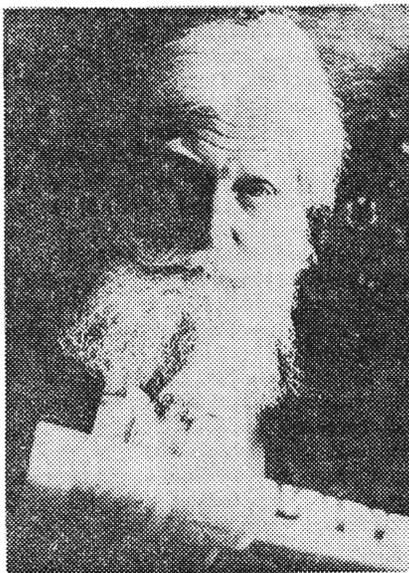
Голодный, униженный, с руками, изъеденными известью (приходилось таскать тяжеленные носилки с раствором), пытался он мыслями отрешиться от ненавистной лагерной жизни. Часто это не удавалось, И ночью, когда, наконец, оставался наедине с собой, долго стояли перед глазами мерзости еще одного бесцельно ушедшего дня. А сколько их было — недель и месяцев, однообразных, тягостных, наполненных непомерно тупой работой и непрерывным надругательством над самым светлым и добрым, что, казалось, свято должно бы храниться в душе человека!

Совсем нельзя сказать, что чуждался он прежде "греховной" мирской жизни. Не сухим аскетом, а живым человеком был Гавриил Михайлович. Знал толк в крестьянской работе, а для прихожан был не только священником, но и безотказным добрым соседом: одним резал и вставлял в окна стекла, другим мастерил металлические бидоны и ведерки для телят. А еще ладил чудно звучащие балалайки, играл на гитаре и пел — как душевно и проникновенно! — не только псалмы, но и романс "Пара гнедых", песни на стихи Кольцова, задорные народные... Грех — это ведь когда не протянешь руки страждущему.

Мысли о сострадании к ближнему и согревали отца Гавриила, помогали преодолевать физические боли и коротать бессонные лагерные ночи. А еще любил он вспоминать... свою службу в Красной Армии. Туда молодой церковный настоятель был мобилизован в Томске большевистскими властями. И прослужил, как верный присяге солдат, три года "за правое дело". Нет, винтовку в руки он, естественно, не брал. В покушении на другую жизнь и судьбу видел преступление и перед Богом, и перед собственной совестью. Но понимая, что в лихую годину важнее не проповеди о милосердии, а благие дела, стал армейским санитаром — работал в тифозном лазарете, затем в роте стрелкового полка.

...Вот в такие лагерные ночи-воспо-

Александр СЕМЕНИН Крестный путь отца Гавриила

Г. М. Панов

минания он словно бы обновлялся. Износившиеся на работе и, казалось бы, уже бессильные сопротивляться злой судьбе, жертвы 58-й после бесед с чудаковатым, еще не старым "попом" оттаивали сердцем и набирались веры. Находил он душевные силы и родным писать ободряющие письма. "А это моим симпатиям", — адресовал он им вложенные в конверты рисованные открытки.

Часто в те годы ездила в Копейск его дочь Вера Гавриловна. Но свиданий по сути не было: сдашь в окошко привезенное — на этом все и кончится. Ни поговорить, ни побыть хотя бы минутку рядом с осужденным не разрешалось. Несколько раз все-таки видела отца мельком — открытое спокойное лицо, приветливая улыбка. Не давал он душе озлобиться.

— Необыкновенно деликатным и отзывчивым человеком остался отец в моей памяти, — вспоминает сегодня Вера Гавриловна. — Никогда ни к чему нас не принуждал. А о религиозном фанатизме и речи быть не могло! Детство мое прошло в 30-е годы. В ту пору одна за другой закрывались или разрушались церкви, и, что греха таить, атмосфера борьбы с "религиозным дурманом" сказалась и

на мне. Не стала я верующим человеком. Немало натерпелась насмешек и обид от учителей и одноклассниц. Как крещенная, я носила крестик, и наша пионервожатая при встречах со мной всегда срывала его. Или еще один случай из школьной жизни. В те годы особого разнообразия товаров в магазинах не было, а самых лучших учеников отмечали небольшими, но весьма ценными по тем временам подарками. И, поверите, столько лет прошло, но до сих пор жива в душе детская обида: ученикам, имевшим худшую успеваемость, подарили чулки, а меня обошли. Теперь-то я понимаю, а причиной той вопиющей несправедливости было мое подкачавшее "классовое происхождение".

А как-то раз прочитала я на вечере лермонтовское стихотворение "Спи, младенец мой прекрасный". Есть там слова о молитве. Сейчас это вызывает улыбку, но тогда мне было не до смеха: школьное руководство увидело в моем выступлении... попытку религиозной пропаганды! Папе предложили явиться в школу, где между ним и директором произошел долгий неприятный разговор.

Тогда, к счастью, все обошлось. Но тучи над страной сгустились — наступил страшный 37-й год. Кто бы мог подумать, что через несколько месяцев после принятия "самой гуманной в мире Конституции" в самой "передовой и свободной стране мира" начнутся неслыханно жестокие массовые репрессии!

Пришло горе и в нашу семью. Арестовали моего 76-летнего(!) деда. Бывшего священника, давно отошедшего от дел, человека исключительно доброго и безобидного. Ужасно было узнать о последнем испытании, выпавшем на долю Михаила Стефановича: пытались выбить угодные им показания, следователи до полусмерти забили беззащитного старика. Через три месяца он умер в тюремной больнице в Челябинске. Не была и прежде жизнь нашей семьи безмятежной и бесхлопотной, а тут — словно землю из-под ног выбили. Особенно тяжело переживал случившееся отец. Много потребовалось времени, чтобы свыкнуться с мыслью о реальности постигшего семью горя...

Но жизнь брала свое. Вера закончила школу и засобиравшись в Свердловск поступать в техникум советской торговли — решила стать бухгалтером. Отец никогда не настаивал, чтобы шла она по его стопам, никогда не заставлял ходить в церковь, соблюдать религиозные обряды, посты и праздники. Но тут попытался склонить дочь к своему давнему, выношенному желанию: хотел видеть Веру врачом, целительницей душевных и те-

лесных недугов человека. Увы, решительной и непреклонной оказалась дочь. Пришлось огорченному отцу согласиться. И, как показало время, Вера Гавриловна выбрала дело, к которому действительно лежала ее душа.

Яркими картинками, словно все это было вчера, вспоминает Вера Гавриловна и годы далекого детства.

1930 год. Вере 8 лет. Уже два года как нет мамы. Отец Гавриил вместе с дочерью живет в селе Точильный Ключ, Режевского района, Свердловской области, он — настоятель местной церкви. Пановы снимают квартиру у Анастасии Савичны, вдовы средних лет. У хозяйки — корова, телка, куры и участок земли перед домом, где она выращивает картофель и овощи. Сама обихаживает скотину, жнет хлеба и лишь для пахоты нанимает соседей — словом, трудятся от зари до зари, не разгибаясь. Добилась некоторого достатка, хотя о накоплениях и богатстве не могло быть и речи.

Как родная мама стала Анастасия Савична для Веры — и по головке погладит, и накормит, и одежку ее нехитрую залатает или поправит. Будь отец Гавриил мирским человеком, давно обвенчался бы с этой доброй женщиной. Но священник, как известно, второй раз жениться не может. Так и жили дружной семьей, формально не породненные, но душевно близкие друг другу люди. Казалось бы, жить и радоваться: растить хлеб, крепить хозяйство, со сладкой сердечной отрадой прожить дни, проживать в любви и согласии...

Но короткой оказалась эта деревенская идиллия. Покатила по стране волна коллективизации — всех лодырей и карьеристов, лоботрясов и подонков вынесло на поверхность. Они-то и изводили крестьянство, грабилижитое, кровью и потом заработанное. "Раскулачили" и Анастасию Савичну которая, как белка в колесе, крутилась по хозяйству с утра до вечера, чтобы жить не нищенкой. Вера Гавриловна с содроганием вспоминает, как уводили скот со двора хозяйки-«эксплуататорши». И как долго безуздно рыдала у своего дома несчастная женщина.

Это был второй удар, который постиг Пановых в Точильном Ключе. Чуть раньше власти закрыли церковь, и Гавриилу Михайловичу, чтобы добыть пропитание, вновь пришлось вспомнить труд жестящика и стекольщика. Худо-бедно, но концы с концами все-таки сводили. Но все чаще слышались злобные угрозы в адрес "проклятого попа".

И вот зимней ночью, задворками, опасаясь случайных свидетелей, выбрались Пановы из Точильного Ключа. Уходила с ними и Анастасия Савична, которой

грозила высылка в лагеря. Долго потом горевала Вера: забыли в спешке небольшую сумку, в которую сложила она свои любимые книжки — стихи Жуковского, школьные учебники, сказки!..

Отцу Гавриилу повезло: до села Кипринского, куда переехали Пановы, еще не докатилась антирелигиозная кампания. Полтора года прожили они на новом месте, постепенно привыкли, освоились. Но все плотнее сжимался круг. Решением сельсовета в конце 1931 года и здесь закрыли церковь. Опять перед Гавриилом Михайловичем встал выбор: либо осесть на постоянном месте, править нехитрое мирское дело, либо, как прежде, звать людей к добру и милосердию, оставаясь в духовном звании. И предпочтение, как всегда, было отдано второму пути. А что до житейских неудобств, то разве могут служить они препятствием в осуществлении того высокого предназначения, которое определил для себя отец Гавриил!?

Перебрались в село Решевское, где он служил настоятелем местного прихода. Еще надеялся, что уляжется бесполовая кутерьма смутного времени, и людьми не будут руководить злобные помыслы и насилье. Увы, все больше людских судеб захватывала ненасытная пагубная круговерть — переезды Пановых из села в село стали ежегодными. Замелькали названия оставляемых ими пристанищ: села Мурзинское, Большой Исток, Покровское, Алапаевск... Закрывались за отцом Гавриилом двери храмов, чтобы превратиться вскоре в колхозный склад или в хранилище метел. Прощальным стоном отзывались сброшенные с церкви колокола. Лежали беспомощно на снегу или пыльной дороге, оскверненные, поруганные.

Девятнадцать приходов пришлось сменить ему. И почти все переезды были вынужденными. Сельский священник-«передвижник» не раз обращался в судебные органы, считая, что «административно-произвольное, без каких-либо причин и оснований, закрытие сельских храмов противоречит и свободе совести, и свободе религиозных отправлений».

Глухое молчание или оскорбительные насмешки доставались ему вместо ответа. Но первая волна массовых репрессий миновала отца Гавриила. Ведь каждую его апелляцию к властным органам можно было использовать для вынесения смертного приговора! Эта участь, к счастью, его миновала, но от ареста и заключения в лагерь избавиться не удалось. Взяли его в 1949 году в Троицке, предъявив стандартное обвинение в антиконституционных высказываниях, а также в хранении запрещенной литературы. К личному де-

лу присовокупили, конечно, и копии обращений в судебные органы.

Нет, не был он наивным человеком. Прекрасно понимал, к чему могут привести его апелляции в суд. Но не мог отец Гавриил, оставаясь в духовном звании и будучи честным человеком, поступать иначе. Остался верным своей судьбе и до конца прошел предначертанный ему тернистый земной путь. Не лукавил, не ловчил, а находил высокую цель в духовном призвании. Вот почему желание творить в мире добро не уменьшалось в нем при каждом очередном изгнании, под градом угроз и унижений и даже при близкой и реальной опасности для самой жизни. Богослужения отца Гавриила были прочувствованы, искренни, не сказывались на них его личные мытарства, житейские проблемы и беды. Порой он собственными руками пытался восстанавливать заброшенную или обветшавшую церковь: что-то строил, ремонтировал, красил. Хотя прекрасно понимал, что участь божьего храма через короткое время будет плачевной.

Что же двигало им — религиозный фанатизм? Вряд ли. Уж очень не вязался облик этого мягкого, открытого человека с образом фанатика.

Судьба под старость смилостивилась над отцом Гавриилом. После освобождения по амнистии из лагеря он еще долго, целых 23 года, прожил на этой многострадальной земле, даря людям утешение и надежду. В 50-е годы поутих антирелигиозный рэж, и последние годы службы Гавриила Михайловича Панова пройдут в относительном покое. В 1960 году, в возрасте 68 лет он отошел от священнической деятельности, но часто замещал заболевших или ушедших в отпуск священников, проводил особо торжественные и праздничные службы...

Немного найдется в России священников, которые смогли бы выстоять в течение этих страшных 50 лет; одни были «раскулачены», других подкосили репрессии, третьи, видя всеобщее надругательство над церковными святынями, непоправимо отчаялись и забылись в нехитром мирском деле. Он же, отец Гавриил, преодолел все свои жизненные преграды. Помогла убежденность в праведности выбранного жизненного пути, в извечной справедливости и самоценности идеи добра и милосердия. Именно она служила отцу Гавриилу критерием истины, и подвинула его до конца честно пройти свой Крестный путь.

Михаил СМЫШЛЯЕВ

В них обретает сердце пищу...

Довелось мне однажды встретить человека — умного, начитанного, много повидавшего на веку. Поработал он и колхозным бригадиром, и шофером, и лесником, побывал в свое время секретарем парторганизации. Был человеком по-русски мечтательным, чудаковатым, легким в общении, с которым можно отдохнуть душой.

Евгений Александрович Гладких патриот своей деревушки Чушиной — самой дальней в Верхотурском районе. Патриот своей семьи, в которой торжествуют мир и лад. Помнит и чтит отца своего, погибшего на фронте в 42-м, от которого он через 25 лет получил запоздавшее письмо... Патриот страны, в которой родился, жил и живет.

Мы встречались вечерами в его двухэтажном доме — он вывез его из Чушиной, не желая жить в ином. Дом наполнен духом домашнего согласия, тепла, гостеприимства, какое теперь редко встретишь. Мы подолгу беседовали, и я постепенно стал понимать, почему у Евгения все хорошо получалось в жизни. Почему был он первым в работе, в армии, на клубных вечеринках. Почему у него лад в семье. Почему он никогда не боялся начальства. Почему так любит Есенина и столько помнит из него наизусть.

Наверно, эти силы дала ему малая родина. Когда мы сидели вдвоем вечерами, была заснеженная Чушина от нас за десятки километров, за лесами и бездорожьем, но одновременно была и тут, рядом с нами. Мы листали школьные тетрадки, исписанные Евгением Александровичем, и узнавали, сколько было раньше в Чушиной жителей, как их звали по имени-отчеству, что это был за народ, какие царили в Чушиной обычаи, какие покосы ее окружали, луга, охотничьи угодья.

Оказывается, в чушинских лесах живет Венерин Башмачок — цветок очень редкий, занесенный в Красную Книгу. Растет вяз, который вообще в наших краях невидаль.

Есть здесь старые фотографии с надписями на тыльной стороне: "Дорога в деревню Чушину. Сколько раз была она пройдена и проехана мною: пешком, в санях, в телеге днем и ночью! Первый раз я прошел по ней зимой встречать маму в Карабаево, когда мне было семь лет. На этой дороге пугал меня филин... И много на ней было всего". "Это церковь, но фасад ее в дни моего детства был другой. Нет теперь ни черемух, ни берез,

ни лип. Да и нас, прежних, нет. А как мы любили украшать летом березки! Какие были игры! Одна "Метелица" чего стоила. Ушли "Корбушка" и "Светит месяц" в предание..."

Записал в эти тетрадки Евгений Александрович все, что знал о своей деревне, видимо, полагая, что не должна она исчезнуть из людской памяти. И он — хранитель потухшего очага. Обязательно должен быть такой человек у каждой деревни. Хорошо, если он есть.

Нынешнюю политику Евгений Александрович не принимает. Какая, считает, может быть безработица, если в стране столько дела? Зачем день и ночь показывать низкопробные фильмы, если есть множество прекрасных? Что будет, если все заводы и фабрики останутся, как они останавливаются один за другим сейчас?

Не все, считает он, напрасно было в нашей недавней истории. Жила, например, община. Ведь еще в начале века была у крестьян кооперация: сообща покупали молотилки, сеялки, ремонтировали дороги. Потом дружно работали в колхозе, исправно сдавали государству все, что полагалось, и себе оставляли. Колхоз в Чушиной был богатый, и Евгений Александрович остался его сторонником. Именно колхоза, а не совхоза. Ну кто сейчас даст бесплатно хотя бы ложку меда? А тогда во время медосбора со всей деревни собирались ребятишки лакомиться. Не надо стало при колхозах всем бабам рано вставать и печь хлебы — одна испечет на всю деревню. Не надо и малых детей тащить с собой на покосы — появился в деревне детский сад. Работали не за одни трудовни-палочки, получали самые настоящие деньги. Кого и чего только не выращивали: телят, овец, свиней, картошку, огурцы... Даже арбузы были в Чушиной.

А установился порядок такой, что милиционеру в деревне делать было нечего. Разве кто пойдет за кедровыми шишками раньше Ильина дня? Или уток стрелять весной, рыбу ловить, когда она идет на нерест? Разве забирал кто-то свой дом на замок, уходя, скажем, на покос?

Спасала община людей и в годы жестоких массовых репрессий. Об этом рассказывала мне спецпоселенка Дарья Васильевна Овчинникова, высланная из Чушиной в тридцатые годы вместе с семьей своего отца "кулака". Нашлись среди репрессированных и свои фельдшера, и учителя, и воспитатели в детский сад. На работу в лес выходили всем миром, строились сообща. По одному бы не выстояли.

Не может русский человек жить в одиночку, на отшибе.

Погубила село, считает он, политика неперспективных деревень, когда было велено из Москвы таким деревенькам, как Чушина, прекратить существование. Когда заставляли ликвидировать в общественном хозяйстве

овец, свиней, пчел; личных коров заставляли сдавать в совхозы, урезали огороды, безудержно расхваливали городскую жизнь. Возиться с землей, навозом, держать личное подсобное хозяйство стало занятием непочетным.

Помнит Евгений, как придя с армии, встретил в Верхотурье бывшего председателя упрядленного чушинского колхоза. Его по райкомовской разрядке перевели мастером на завод коньков. А он мужик деревенский, никакой ни коньковый мастер. "Эх, Женька, Женька!" — только и сказал на прощанье. Пошел и заплакал.

...Чушина встречала нас белым безмолвием. Удивительно чист воздух, на небе ни облачка. Идем по пустой деревне на кладбище — хоть там встретиться с жителями Чушиной. Отсюда был родом военный летчик, полковник Александр Болотов, прилетевший в Чушину после победы прямо на самолете... Из этой же деревни вышел колчаковский офицер Семен Болотов, участвовавший в комиссии по расследованию убийства царской семьи, сам расстрелянный и унесший в могилу тайны... Жил здесь родившийся семнадцатым ребенком в семье летописец Иннокентий Овчинников, тоже хранитель памяти, написавший книгу о Чушиной, которая так и не была издана... Были ходоки к Капнину в Кремль... Были дед с бабкой, скопившие до революции несколько тысяч золотом, положившие их в банк, но потерявшие, поскольку рабоче-крестьянская власть банки национализировала... Был мальчишка, в отчаянии покончивший с жизнью, потому что его не взяли служить в Советскую Армию... Были три Матрены-активистки, позарившиеся на кринку молока в чужом богатом доме...

Неужели все, что произошло с нами, и должно было произойти? Мы слишком мучили себя, хотели скорее приплыть в светлое будущее. Так сильно хотели, что за несколько десятилетий сожгли весь запас топлива на корабле.

...В Чушиной сейчас живет один житель — Сергей Болотов. Говорит, внучатый племянник того самого колчаковского офицера. Бывший совхозный электрик. Он одинок. Охотится, рыбачит. Целыми днями пропадает в лесах, а потому немножко косноязычен и добр.

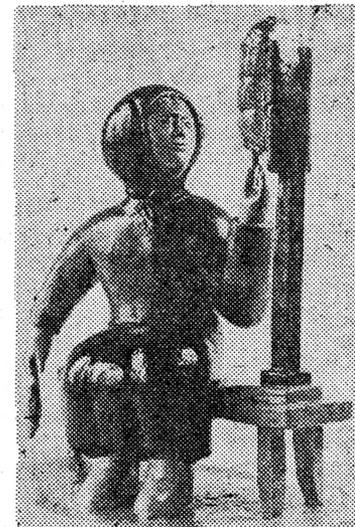
Я был счастлив, что отмыл кусочек истории. Не мог ответить на вечные российские вопросы "Кто виноват?" и "Что делать?". Но понял, что надо беречь, хранить то, что осталось от нашей истории, как бережет Евгений Александрович память о деревушке, в которой, как в зеркале, отразилась судьба России.

Евгений ШУМИЛОВ

Самобытная пластика

До деревни Васькино пришлось мне добираться от станции Сюрск, где пешком, где на попутных по старому Сибирскому тракту. И какие же здесь оказались привольные, живописные места! Бесконечные поля, дремучие леса, огромные, сложенные бурями березы, видевшие еще декабристов... Казалось, сама природа способствует здесь пробуждению романтического, художественного воображения...

И вот показалась деревня с незатейливым названием Васькино. В одной из тихих улочек самый обычный дом. Но рядом — не совсем обычный уютный садик, с поспевшей смородиной, пышными цветами, аккуратными рядами ульев, прудиком с

"Пряха"

Михаил Васильевич Абашев

плещущимися карпами... А посреди всего этого белеют лепные и резные фигуры. Они сделаны Михаилом Васильевичем Абашевым — сельским поэтом и народным художником, пчеловодом и садоводом, плотником и шорником, словом, мастером на все руки.

Само творчество Абашева, по сути дела, — настоящая сенсация. Скульптура считалась абсолютно не характерной для народного искусства Удмуртии. А тут вдруг коллекция удивительных по раз-

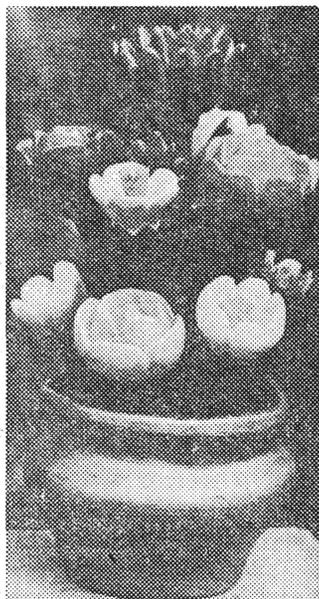
"Рябинушка"

"Жница"

Пепельница
"Орел"

Копилка
"Букет"

"Аленушка"

нообразию, грубовато-наивных, но выразительных скульптур!..

В роду у Михаила Васильевича никто к искусствам причастен не был, ему самому в музее не довелось попасть, грамоты успел набраться всего за четыре класса. Воевал да крестьянствовал... Откуда же взялась эта необыкновенная художественная чуткость, это страстное желание воспеть окружающий мир в пластических образах? Надо полагать, именно оттуда и взялась, оттого что воевал да крестьянствовал... Простому солдату и инвалиду войны по-человечески надоела боль и горечь — надо было душе вылиться; а второе объяснение — в безмерном, прямо-таки фанатичном труде крестьянина.

Вернувшись с войны, Абашев упрямо выращивал свой сад — с цветами вместо понятной и привычной всем картошки. В 60-е годы стал изготавливать для сада самодельные вазы из бетона. В начале 70-х перешел от ваз к большим фигурам. И, наконец, последние годы посвятил камерной резьбе по дереву, в чем-то повторяющей и развивающей садовую каменную скульптуру.

Картины жизни старой деревни, как живые, встают перед глазами, когда видишь его серию скульптур под названием "Крестьянский труд": "Пряха", "Жница", "Сеятель", "Косарь", "Мужик с лаптем". В облике гордо выпрямившегося, сильного сеятеля Абашев изобразил своего соседа Захара; в "Мужике с лаптем" — своего деда, с которым парнишкой три года кормился, плетя лапти для продажи на базаре.

Лирический, песенный мотив нашел зримое воплощение в замечательной композиции "Рябинушка" с грустящей девушкой, прижавшейся к дереву.

В другой композиции — "Девушка и цветы" —

наивно-торжественная героиня как бы застыла перед провинциальным фотографом. С юмором сделаны "Охотники на привале", чинно усевшиеся с негустыми трофеями под голое деревце, с иронией — "Отпускница." Каждая фигурка окрашена особым чувством. Добрые русские сказки тоже нашли свое отражение в творчестве М. В. Абашева; еще в одной из первых работ, при отделке резного шкафа, он изобразил пушкинское Лукоморье, сделал для внуков сказочные фигурки Ивана-Царевича, Гвидона, Аленушки...

Все деревянные работы скульптора вырезаны из цельных кусков липы; даже в чисто техническом отношении они представляют необыкновенное яв-

ление — порой просто не понимаешь, каким образом резчик ухитрился "выбирать" дерево в каком-нибудь извилистом сучковидном закоулке многофигурной композиции...

Все скульптуры густо покрашены гуашью и покрыты лаком. Такой путь вполне допустим и имеет свои исторические корни. Напомним хотя бы ту же знаменитую пермскую деревянную скульптуру, немислимую без цвета. Живы корни традиций! Кстати,

"Гвидон и лебедь"

"Девушка и цветы"

"Всадница"

много общего между абашевскими фигурками и изделиями других наших соседей — вятских мастеров расписной глиняной игрушки.

Да, удивительно плодovита земля наша на талантливых мастеров, настоящих народных самородков.

Фото А. Помосова

Чьи доспехи тяжелее?

5 апреля 1242 года на льду Чудского озера новгородское ополчение под командованием молодого князя Александра Невского наголову разгромило войско Ливонского ордена и надолго отбило охоту и тевтонских захватчиков к нападению на Новгород и Псков.

Ледовое побоище — заметная веха в истории вообще и в истории военного искусства в частности. Эта битва послужила также благодатной темой для создания многочисленных художественных произведений в прозе и стихах, сопровождаемых часто великолепными иллюстрациями. Стоит, например, прочесть поэму К. Симонова "Ледовое побоище" (впервые опубликована в 1938 году), и ход сражения может предстать перед нашим воображением как наяву. Фильм "Александр Невский" — классика отечественного кинематографа — пользуется неизменным успехом уже у нескольких поколений зрителей. Многие наши сограждане готовы считать себя почти очевидцами боя на Чудском озере и искренне уверены, что знают, как происходило сражение.

Но многие специалисты-историки такой уверенности не имеют. Ничуть не сомневаясь в конечном результате битвы, они продолжают и по сей день спорить о точном месте побоища, о численности и составе противоборствующих сторон, о некоторых особенностях боя, о потерях... Не остался в стороне и вопрос о вооружении ливонцев и новгородцев. Вопрос, кстати, интереснейший.

Во многих художественных и популярных произведениях особое внимание уделяется большей тяжести доспехов рыцарей-крестоносцев по сравнению с вооружением русских дружинников. Часть авторов стараются подчеркнуть, что рыцари успешно сражались только в конном строю. Выбитые из седла, они не могли даже самостоятельно подняться на ноги и не представляли уже никакой опасности для противника. Если бы так было на самом деле, то рыцари как военная сила не дорого бы стоили. В действительности рыцарь, потерявший коня, во многом сохранял свою боеспособность, хотя и заметно уступал всаднику.

Прежде всего, наверное, следует рассеять представление о рыцаре XIII века как о конном воине, с ног до головы закованном в сплошную стальную броню. Такого рода доспехи появились лишь к XV веку; впрочем, и они не мешали уверенно действовать в пешем строю.

Как же были вооружены рыцари во времена Ледового побоища? Многие, пожалуй, очень удивятся, когда узнают, что и новгородцы и ливонцы были вооружены почти одинаково. И у тех, и у других главной ударной силой войска являлась тяжеловооруженная конница. Пехота ("пешцы") хотя и превышала всадников численно во много раз, однако на поле боя чаще всего (но не всегда) служила лишь вспомогательным родом войск и не более того. Кстати, вооружение пешего новгородского ополчения тоже не слишком отличалось от вооруже-

ния чюдинов ("чюди"), составлявших немалую часть орденской пехоты. "Чюдью" новгородцы и псковичи называли предков нынешних финнов, эстонцев и латышей — отсюда и название Чудского озера. Покоренные крестоносцами ливы дали название стране и самому ордену — Ливония, Ливонский орден. В то время Ливонский орден считался частью Тевтонского.

Полных комплектов вооружения XIII века до наших дней сохранилось очень мало — как в отечественных музеях, так и в западноевропейских. Металл тогда стоил довольно дорого, и даже сильно поврежденные доспехи шли в ремонт или в переделку. Один и тот же комплект вооружения мог служить в течение нескольких десятилетий и даже больше, передаваться от отца к сыну, переходить в качестве товара или трофея из одной страны в другую... Хорошее оружие ценилось высоко, и только весьма состоятельные люди могли позволить себе иметь полный набор оборонительного и наступательного оружия для себя и своего коня. В одной из популярных статей мне как-то попало утверждение, что на Руси, дескать, не в пример другим странам, полное воинское снаряжение можно было найти даже в самой бедной крестьянской избе, — но пусть это останется на совести автора. Конечно, никакой единой "формы" не было и быть не могло. Каждый снаряжался в бой с учетом своих возможностей и вкусов.

Что же входило в этот самый "полный набор"?

Большинство конных и часть пеших воинов — будь то рыцари, будь то дружинники — носили кольчугу. Сравнительно легкая и удобная, почти не стесняющая движений, она могла покрывать все тело от головы ("бармица", "хауберк") до пальцев рук и ног — кольчужные перчатки и чулки не были большой редкостью. Некоторые считают кольчугу исконно славянским изобретением, хотя известна она со времен античности. Однако при всех своих достоинствах кольчуга имела существенный недостаток: надежно оберегала она только от слабых скользящих ударов. Совсем не защищала кольчуга от ударов палицей, булавой или шестопером, ее прорубали мечи и секиры, пробивали копья, и в некоторых случаях — кинжалы и даже стрелы.

Поэтому поверх кольчуг надевали различные пластинчатые или чешуйчатые доспехи, металлические пластины которых часто крепились на кожаную основу. Такие доспехи и сверху могли покрываться кожей или материей — чтобы скрыть наиболее уязвимые места. Руки и ноги защищались соответственно поручнями и поножами, поверх бармицы — обязательно шлем с личиной (забралом), закрывавшей не менее половины лица. Форма шлемов была различной. Русские дружинники предпочитали куполообразные, у ливонцев пояти наверняка встречались яйцеобразные и горшковидные — ограничивающие обзор, зато закрывавшие почти всю голову. (На

советском ордене Александра Невского, учрежденном в 1942 году, почему-то изображен шлем XVI—XVII вв.) Верхнюю часто тела дополнительно могли защищать ошейники, нагрудники и наплечники. Завершал защитную часть вооружения деревянный щит с металлическими накладками. Боевых коней предохраняли войлочные или кольчужные попоны. Конские морды часто покрывались железными масками.

Наступательным оружием служили длинные копья, прямые тяжелые обоюдоострые мечи, обычно с закругленными концами — такими можно было только рубить; в ходу были топоры, палицы, чеканы (клевцы), кистени, кинжалы... Между прочим, большинство мечей X—XIII веков, хранящиеся в наших музеях, — западноевропейского или скандинавского происхождения. Хотя многие правители Запада строгайше запрещали вывоз оружия на Восток, часто под страхом смерти, но такие запреты мало помогали. Не исключено, что на льду Чудского озера некоторые противники бились друг с другом мечами, вышедшими из одной оружейной мастерской.

Наружные поверхности шлемов и щитов, рукояти мечей и кинжалов часто покрывались богатыми украшениями и указывали на высокое общественное положение их владельцев. Правда, хорошо знакомые нам по фильмам и иллюстрациям рога и прочие детали на шлемах отсутствовали. Полный набор вооружения обычно весил более двух десятков килограммов. Много? Как сказать... Правильно подогнанные доспехи почти не ограничивали свободу действий. Профессиональные воины, какими являлись и дружинники и рыцари, учились владеть оружием с детства (говоря современным языком — тренировались всю жизнь) и во время боя часами сражались с противником, не испытывая особой усталости.

Тяжеловооруженная конница способна была атаковать лишь рысью, но удар ее был столь страшен, что выдержать его могла или такая же конница, или хорошо вооруженная, обученная держать строй пехота. Такая пехота появилась только в XIV—XV веках. При этом построение клином ("кабаном", "свиньей") не было тактическим приемом одних лишь рыцарей — русские дружинники применяли его не менее успешно.

Вооружение пехоты было попроче. Те же кольчуги и панцири (реже то и другое вместе), шлемы, более крупные щиты... Более мощные, чем у всадников, копья или рогатины, такие же мечи, ножи и кинжалы, секиры на длинных рукоятях — чтобы можно было рубить двумя руками. И пехота, и легкая конница имели на вооружении луки и стрелы, но хорошие стрелки были редкостью, и стрелы поражали, в основном, менее защищенную пехоту. Для того, чтобы поразить всадника и его коня, годился не всякий лук.

Если на пути тяжелой конницы оказывались крупные массы хороших стрелков, вооруженных мощными луками, (такими, например, были татаро-монгольские всадники или английские пехотинцы времен Столетней войны), то ее атака могла захлебнуться, не достигнув цели. Ответная атака тяжеловооруженных воинов, сохранивших своих коней, довершала разгром. Впрочем, и новгородские, и ливонские стрелки решающего влияния на ход битвы не оказали. Вопреки широко распространен-

ному заблуждению, самострелы (арбалеты) были известны на Руси ничуть не меньше, чем на Западе, но сколько самострелов использовалось во время Ледового побоища — можно только гадать.

Однако при всей своей схожести на льду Чудского озера победу торжествовало все-таки русское оружие!

...А как же доспехи, упав в которых, рыцари не могли подняться? Неужели всего только — плод воображения?

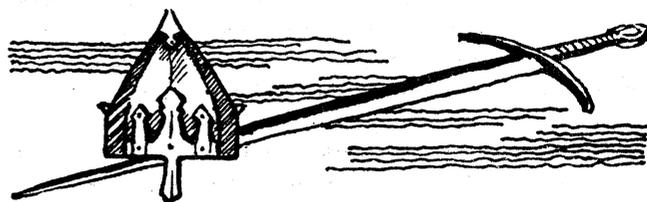
Почему же..? Были такие, были. В боях, конечно, такие чересчур тяжелые доспехи не применялись, а вот на турнирах — сколько угодно. Правда, не в XIII веке, а гораздо позже. В те времена по турнирным правилам достаточно было выбить противника из седла, чтобы стать победителем. Поэтому турнирные латы весили в два раза больше боевых, одевать и снимать их можно было только с посторонней помощью, садиться на коня и спешиваться — тоже. Украшались такие доспехи богаче боевых — вплоть до страусовых перьев на шлемах. Не удивительно, что в памяти современников яркое турнирное вооружение отнесяло на второй план более скромное внешне боевое. Да и зрителей на турнирах присутствовало гораздо больше — какие зрители при сражении?! Потому и в музеях турнирных доспехов сохранилось больше, чем боевых. А на Руси турниры в моду так и не вошли. Не знали здесь и чрезмерного турнирного оружия. Таким образом и начало складываться мнение о более тяжелом западноевропейском вооружении, которое несколько столетий спустя превратилось для многих в непреложную истину.

Ушли в прошлое рыцари и турниры... Их оружие сохранилось только в музеях...

Только в музеях?.. Как бы не так!

Почти все армии мира сохранили на вооружении шлемы (каска). Современные бронезилеты — всего лишь изменившие вид панцири. Щиты — преимущественно пластмассовые — и сейчас состоят на вооружении полиции (милиции) и спецвойск. Резиновые дубинки ведут свое происхождение от деревянных дубин, которые люди взяли в руки еще в незапамятные времена. Материалы сегодняшние, а назначение прежнее. Кстати, пика (копье) прошла всю первую мировую войну и дотянула (в польской армии, например) до начала второй мировой (в Красной Армии пика сняты с вооружения к 1939 году). Мало кто знает, что стрелы в нашей стране последний раз применялись в боевых действиях во время гражданской войны — их сбрасывали пучками с самолетов или, вернее, с аэропланов на конницу и пехоту.

Дубинки, щиты, шлемы, панцири — они же бронезилеты... Появившись за много веков до нашей эры, они и сегодня исправно выполняют свою роль. И едва ли кто возьмется предсказать, когда все они окончательно исчезнут из нашей жизни.

НЕ УЛОВИМЫ ЙЕТИ ИЛИ НЕСУЩЕСТВУЮЩИЙ?

Легенда о снежном человеке пришла к нам с Гималаев и Тибета, по-видимому, вместе с книгой Ч. Стонора "Шерпы и снежный человек". Это обстоятельный рассказ ученого об английской экспедиции, которая занималась поисками снежного человека в стране шерпов. Увы, результатами поиска оказались лишь фотоснимки сомнительных следов и фальшивые скальпы в буддийских монастырях. Так же безуспешно окончилась индийская экспедиция по поискам снежного человека в штате Сикким. В 60-х годах в самых малодоступных княжествах Тибета — Заскаре, Мустанге, Бутане — побывал французский этнограф М. Пессель. Путешествовал он в одиночку с проводником из местных жителей, но в его книгах нет упоминания о феномене "снежного человека". М. Пессель мог бы слышать хотя бы рассказы, так как он знал тибетский язык и обходился без переводчиков. Это странно — на "родине йети" не рассказывают о нем местные жители.

Впервые известия о "следах" йети на снегу в Гималаях привез в Европу руководитель первой Эверестской экспедиции Ч. К. Говард-Бери в 1921 году. Он увидел человекоподобные следы на склонах горы Лхакпала, расположенной к северо-востоку от Эвереста (Джомолунгма). Краткие сведения о дальнейших встречах со следами йети можно найти в книге Г. О. Диренфурта "К третьему полюсу", едва ли известной широкому читателю.

У нас в стране сообщения о "снежных людях" появляются с 60-х годов, после переводов книг Диренфурта и Стонора. Районы распространения йети определяются вначале на Тянь-Шане и Памире; затем ареал расширяется и захватывает Кавказ, позже Восточную Сибирь, север Дальнего Востока и, наконец, в 1987 "появляется" снежный человек в Западной Сибири. Там его вроде бы наблюдает Майя Быкова и дает ему имя собственное — "меченый", так как по наблюдениям у него волосы на одной из рук по локоть белые. Вот об этих районах и поговорим.

Прежде всего, следует уяснить некоторые элементарные понятия по биологии крупных животных.

Крупное животное не может существовать единственной особью: в природе должно быть по

крайней мере две особи. И то, согласно исследованиям биологов, две особи не дают гарантии выживания вида — для всех видов существует понятие критической численности популяции: если численность вида падает ниже критической, то вид вымирает, как бы мы его не сохраняли. Для каждого вида величина эта различна, она колеблется от 4—5 особей до нескольких сотен. Например, после запрета на охоту дикого странствующего голубя Америки, голубей в природе оставалось еще несколько тысяч, но они все равно вымерли. Для синего кита численность популяции в тысячу особей уже не гарантирует сохранение вида. С точки зрения генетики, чтобы не произошло вырождение вида в результате близкородственного скрещивания, численность популяции в любом случае не должна быть меньше 16 особей.

Снежный человек, как и любое другое животное, должен размножаться, чтобы сохраняться во времени. Следовательно, раз от разу людям должны бы попадаться молодые особи или хотя бы их следы. Детеныши должны встречаться даже чаще, чем взрослые: они менее осторожны и более любопытны. Но все информаторы дружно утверждают, что встречались только со взрослыми и никогда — с детенышами. Нельзя же предположить, что йети размножается делением!

Кроме того, следует предположить, что, если сейчас снежный человек стал чрезвычайно редким, то раньше, надо думать, его популяции были более многочисленными, и встречи с ним должны были быть чаще. Первые русские, проникшие в Сибирь, должны были встретиться с ним обязательно.

Деятельность славянских, не только русских, первопроходцев в Сибири была более чем оригинальна. В большинстве случаев они действовали на свой страх и риск, практически не надеясь на помощь государства. И только в случае успеха они получали благодарности правительства, а часто и этого не получали, как, например, Е. Хабаров. Русские первопроходцы были кровно заинтересованы в том, чтобы поймать или добыть шкуру удивительного необычного зверя, дабы удивить царя-батюшку. Удивить царя — значило заслужить великие царские милости. Наши пращурь-перво-

проходцы были великими доками в собирании сведений о любых чудесах далеких "землиц".

Что же сообщали они о Сибири, прежде всего, о Западной Сибири, куда проникали за пушниной еще новгородцы?

Самая старая, дошедшая до нашего времени летопись, касающаяся Западной Сибири, сочинена безвестным автором примерно в конце XV века.: "О человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных". Впрочем, некоторые авторы приписывают сочинение сей летописи холмогорцу Тавтыгину, который впоследствии был убит в одной из стычек в "златокипящей" Мангазее. Но кто бы ее ни сочинил, нам важно другое. Что там сообщается "о человецех незнаемых"...? Автор пишет: "сии ж людие не велики возрастом, плосковидны, носы малы, но резвы вельми и стрельцы скоры и горазды. А ездят на оленех и на собаках; а платие носят соболие и оление, а товар их соболи." Не трудно узнать в этом описании ненцев. В летописи нет и намека на рослого, покрытого шерстью человека. Походы славян за пушниной не ограничивались северными окраинами Западной Сибири. По рекам, по зимникам добирались купцы до самых глубинок земли западносибирской. Познания холмогорца Тавтыгина простирались на юг, до верховьев Оби, до самого Алтая.

Знал летописец и народы, обитавшие к востоку. О них в летописи есть такое сообщение: "В той же стране, за теми людьми, над морем, есть иная Самоедь: по пуп люди мохнаты до долу, а от пупа вверх — как прочии человецы. А яд их рыбы и мясо; а торг их соболи, да песцы, да пыжи, да оленье кожи." Опять ничего похожего на снежного человека — "как прочии человецы"... А то, что люди "по пуп мохнаты", означает лишь, что носили они, не снимая, меховые штаны.

Знали русские первопроходцы и об обычаях народов Западной Сибири. Есть в летописи одно интересное сообщение, которое может привлечь внимание историков медицины. Летописец пишет: "Да есть у них таковы люди лекари; у которого человека внутри нездорово, и они брюхо режут да нутрь вымают". Не напоминает ли это операцию аппендицита, которую еще в те времена могли делать шаманы ханты и манси? Племена охотников были прекрасно знакомы с анатомией животных, да и человека тоже. Более поздние сообщения указывают и на то, что среди аборигенов Западной Сибири было широко распространено людоедство, так что был материал для изучения анатомии человека.

Нет упоминаний о каких-либо диких людях у Г. Ф. Миллера в его замечательном труде "История Сибири". Г. Ф. Миллер упоминает о "золотой бабе" из древней сибирской легенды. Несомнен-

но, что и сведения о каких-то диких волосатых людях привлекли бы его внимание.

В XIX веке Западная Сибирь вдоль и поперек была исхожена исследователями. Возьмем хотя бы труд К. Д. Носилова "У вогулов". На оленях он прошел Западную Сибирь с востока на запад и перевалил через Урал в одиночку, только с проводниками из аборигенов-охотников. У костров слышал много рассказов, в том числе и о "золотой бабе", но о диких людях не слышал. В трудах охотоведов и путешественников 20-х и 30-х годов тоже нет упоминаний о снежном человеке.

И, вдруг, одна за другой следуют публикации М. Быковой о встрече с реликтовым гоминоидом именно в Западной Сибири; даже по телевидению показывают фотографии "меченого"... Это в то время, когда Западная Сибирь попала в руки нефтяников, когда ее прорезали трассы нефте- и газопроводов, железных и автомобильных дорог, а над ней постоянно стрекочут вертолеты?..

Средней Сибири и Забайкалью с летописями меньше повезло: то ли их не было, то ли они не сохранились. Но и здесь можно найти многочисленные документы, которые описывают быт инородцев и всех зверей, обитавших в тайге.

Этнограф М. Кривошапкин в XIX веке тщательно изучал енисейских остяков или кетов, как их сейчас называют. Но не упоминает он о диких людях, нет их и в фольклоре самих кетов. В 1982 году и я побывал в "столице" кетов Суломае на берегу Подкаменной Тунгуски. Я тогда принимал участие в экспедиции по проектированию Центрально-Сибирского заповедника. Встречался с русскими рыбаками, беседовал с кетами — не было ни рассказов, ни упоминания о снежном человеке.

Огромный архивный материал был изучен В. Н. Шерстобитовым при написании книги "Илимская пашня", которая вышла в Иркутске в 1949 году. Упоминаются в документах все звери, даже восточно-сибирский бобр, который давно исчез; но нет животных необычных, нет диких людей. В 1900 году в "Известиях Восточно-Сибирского отделения Русского Географического общества" появляется статья Я. В. Стефановича "Река Чуя". Там говорится, что некоторые шаманы могли на сутки оживлять мертвых; уж, конечно, Стефанович описал бы предания или легенды о диком человеке.

Не упоминается йети и в донесениях служилых людей и казаков. Со всеми племенами Сибири они торговали, до всех добирались. Всех приводили в покорность белому царю-батюшке, всех объясачивали. Услышь они о каком-то народе диком, но не объясаченном — обязательно добрались бы до него и доподлинно узнали: что за народ, и что с него можно взять.

В 1785—93 годах по Северо-Востоку Сибири путешествует флота капитан Сарычев. Подробно он описывает природу края и быт тамошнего населения — все, что угодно, но не диких людей. В 1820—24 годах в том же районе совершает путешествие Ф. Врангель, но и у него не находим мы хотя бы туманных сведений о йети. Описывая быт северян, он сообщает: "Печальна картина севера! Немногие, не истребленные еще голодом жители рассеялись по тундре, отыскивая себе пропитание. В Маловетренном мы нашли несколько юкагиров, едва похожих на людей. Они принадлежали к богатому некогда семейству Коркина, который в прошлом году так гостеприимно угощал нас. И ныне, несмотря на совершенную нищету свою, он предложил нам все, что мог — немного рыбы. Боясь оскорбить старика, мы должны были отведать его пищи. Несчастные жители принимали пищу только однажды в 48 часов! Некогда здоровый сильный народ теперь едва таскался и был более похож на мертвецов, нежели на людей."

Я недаром привел эту цитату. Если так могли голодать люди, имевшие оружие и умевшие обращаться с огнем, стоящие довольно высоко по своему хозяйственному развитию, то снежному "дикарю" вымереть немудрено, если допустить, что он там жил. Впрочем, М. Быкова в личном письме убеждала меня в том, что снежный человек впадает в анабиотическое состояние, и это помогает ему выжить. Но где его берлоги? Почему никто никогда не находил их? А уж сибиряки — большие доки по поискам медвежьих берлог... Не прошли бы они, будьте уверены, нору, где прячется двухметровый гигант.

А. Миддендорф, путешествовавший по всей Сибири, вплоть до Камчатки, в 1842—1845 годах, даже мельком не упоминает о каких-либо людях, не похожих на обычных. С. Крашенинников, описывая Камчатку, только как легенду передает поверье коряков, что вроде бы в горах живут маленькие человечки — камули. "Маленькие" — но не гиганты...

Не лишне подчеркнуть, что путешествия в те времена отличались от современных своей обстоятельностью. Медленно, на лошадках, на оленях, собаках, с проводниками — обычно местными, опытными следопытами-охотниками — двигались путешественники. Вместе с проводниками спали, вместе ели, слушали бесконечные рассказы при кострах на ночевках. Сейчас есть карты, вертолеты, самолеты, автомашины, катера. Путешественник — пассажир. Если в прошлом веке в костровых разговорах не упоминался йети, то откуда он взялся через сто лет?!

По Северо-Восточной Сибири остается добавить два факта.

В 1639 году енисейский казак Посник Иванов

"сказывал": "Юкагирская земля людна и индигирская река рыбна. И в Индигирь реку многие реки впали, а по тем рекам живут многия люди, а соболя и зверя всякого много по всем тем рекам и земляцам." Будь хоть что-то, хоть какой-то намек на диких людей-гигантов, казак обязательно упомянул бы об этом в своем "сказе".

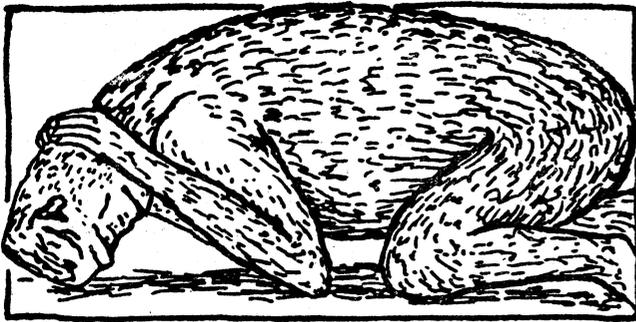
В 1914 году в Москве выходит интереснейшая книга В. М. Зензинова "Старинные люди у Холодного океана". Книга рассказывает о быте русских поселенцев в устье Индигирки, пришедших сюда еще во времена Ивана Грозного. У них были легенды о "сендушных чукчах", которые приравнивались к нечистой силе, были вооружены луком и стрелами, копьями, одеты в ремни (кожи): "родит такого чукчу сендуха (то есть тундра), как траву." И опять не похоже на описание снежного человека — так, "нечистая сила", миф, легенда.

Остается разобрать версии о гоминоидах еще в некоторых районах, где они вроде бы обитают или обитали.

Кавказ. Этот физико-географический регион довольно хорошо изучен русскими учеными — зоологами, ботаниками, этнографами, историками. Записаны предания и легенды о лесных людях. У черкесов было поверье, что в лесах живут люди "мезлонуквы" (лесные люди) с маленькими топориками на груди — никак они не вяжутся с образом снежного человека. У абхазов подобные существа назывались "абнасе" или "самурзаканские очокочи". При встрече с обычными людьми они обычно убивали последних. Кроме "мезлонуквов" леса Кавказа населяли легендарные существа "мезцыфы" (мез — лес, цыфе — человек). "Мезцыфы" похожи на снежного человека — обросшие волосами и без одежды. В Грузии подобных существ называли "маймуни" — люди-обезьяны. Но все эти сведения подробно записывались как легенды и сказания, как записывались сказки русского народа о леших, водяных, кикиморах, домовых, змеях-горынычах. Никто не бросался в натуре разыскивать эти существа.

Стоит посмотреть труды замечательных зоологов, исследователей Кавказа — Н. Я. Динника и К. А. Сатунина: никакого упоминания о чем-то необычном. А вот Вл. Мезенцев сообщает столько фактов со слов других, что может показаться, что Кавказ просто нашпигован "дикими людьми", и эти сведения — не что-то давно минувшее, а 40—50-е годы нашего века...

Монголия. Есть капитальные исследования Центральной Азии и Монголии Пржевальским, Потаниным и Потаниной, Козловым, Роборовским, Грум-Гржимайло. В многоотомных сочинениях ни разу не появляется снежный человек. И вдруг, среди грохота войны, на Халхин-Голе, в XX веке обнаруживаются среди окопов, чуть ли не на пе-

Изображение "снежного человека" из Восточного Тянь-Шаня. Нарисовано в 1914 году по рассказу очевидца. По-видимому, эта фигура должна воспроизводить позу спящего йети. Но поза для сна весьма неудобна, она не характерна ни для одного вида животных, тем более — для человека.

Если верить художникам прошлых веков, то нужно искать не только йети, но и существа, подобные им. Однако их не ищут — по причине полного их отсутствия в современной фауне Земли...

Скульптура Силены. И этого добродушного старика, лысого, постоянно пьяного, воспитателя древнегреческого бога Диониса (Вакха), иные тоже хотят записать в список изображений "снежного человека"...

Рисунок из монголо-тибетского атласа. Похоже на йети, но скорее это изображение напоминает шамана в одежде мехом наружу, с маской на лице. Кисти рук и стопы ног безволосые, что не соответствует йети.

редовых позициях, два волосатых существа! Странно — при всей описываемой их осторожности и постоянном избегании людей?..

Тянь-Шань. Киргизскую часть Тянь-Шаня мне пришлось изъездить и исходить порядочно, вплоть до китайской границы. Много пришлось слышать разговоров у костров, когда вспоминаются самые необычные, а зачастую, и фантастические случаи. Много охотничьих баек переслушал я от русских старожилов и от киргизов. Увы... Допускаю, что в середине XX века снежный человек исчез. Но и замечательный зоолог Н. А. Северцев, в конце прошлого века исходивший Тянь-Шань, даже туманно не упоминает о человекоподобном существе в этом регионе.

Памир. Через Памир проходил путь Марко Поло. И уж в его-то книге полным-полно фантастических человекоподобных существ, только ни одно из них не напоминает йети.

В 1893—1897 годах через Памир проникает в Центральную Азию и Тибет шведский путешественник Свен Гедин. Свое путешествие он описывает в книге "В сердце Азии," в двух томах опубликованную в Санкт-Петербурге в 1889 году. Дело в том, что, в отличие от русских путешественников, Свен Гедин меньше собирал чисто научной информации и больше обращал внимание на сенсации и вымыслы. Даже у него не нашлось повода написать о снежном человеке. Он пересек Памир и Тянь-Шань в зимнее время, имел возможность наблюдать следы зверей на снегу, — как же он не встретил отпечатков босых ног?

Ни один из русских военных постов, круглосуточно стоявших в самых различных точках Памира, не наблюдал появления снежных людей. И — на тебе! — в 20-х годах, в разгар войны с басмачами, ловят живьем двух гоминоидов!.. Как и следовало ожидать, гоминоиды исчезают... По Памиру одна за другой идут экспедиции, альпинисты лазят на горы и вершины — но ни в одном материале, ни в одном отчете нет ничего таинственного.

Мне пришлось близко познакомиться с А. П. Сорокиным, в 30-х годах он закладывал основы гидрологической службы на Памире, в Таджикистане. Долгие годы работал на самых отдаленных точках на реках Пяндж, Оби-Хингоу, Гарм-Чашма, Кызыл-Су. Сорокин хорошо знал таджикский язык и мог свободно говорить без переводчиков. В долгие зимние вечера под вой вьюги на высокогорном посту гидрологов можно было услышать самые невероятные рассказы, все, что угодно — кроме рассказов о снежном человеке.

Юг Дальнего Востока, Сихотэ-Алинь, Маньчжурия. Нужно просто прочитать книги Пржевальского и Арсеньева — "Путешествие по Уссурийскому краю" и "Дерсу Узала". Будь на Сихотэ-Алине

снежный человек, Дерсу Узала знал бы его, как говорят, "лично". Впрочем, в личном письме М. Быкова обращала мое внимание на одно место, когда Дерсу Узала попросил Арсеньева быстро сменить место ночевки, в виду того, что расположились они во владениях "нечистой силы". "Вот это уже ТО", — пишет мне Быкова. Но если Дерсу Узала ссылается на "нечистую силу", а не на конкретного зверя, — то это, действительно, что-то сверхъестественное: материальный снежный человек для Дерсу был бы понятен — он оставлял бы следы.

О Маньчжурии тоже много написано русскими исследователями. Лишь Н. А. Байков, книжку которого мне читать приходилось, дает какой-то намек о снежном человеке, но в истинность его верится с трудом.

М. Быкова в журнале "Вокруг света" (1989/2/) пишет о том, что нашла очевидцев, наблюдавших реликтового гоминоида в Воронежской области, в Хреновском бору. В 1930 году его видят в Калужской области, в 1946 — в Орловской. Но эти встречи относятся к годам коллективизации и послевоенным. Рассказы передаются бывшими детьми с рассказов взрослых, это напоминает тривиальное: "Не ходи туда, там Дудука живет!" Возможно, были крестьяне, сбегавшие от расправ коллективизаторов, дезертиры с фронта, просто люди, попавшие в бедовые переpleты. Односельчане часто подкармливали их, скрывали от чужих глаз. Сам я уроженец Орловской области, долгое время жил в Воронежской, прилично исходил и ту, и другую области — знаю, и считаю: снежный человек на Восточно-Европейской равнине, да еще в ее южных районах — не больше, чем фантазия.

Впрочем, в последнее время "европейский" йети переместился на север, в Карелию и Архангельскую область.

Самое сенсационное сообщение по географии распространения приходит из Северной Америки. Кому-то удалось заснять нерезкое изображение вроде бы йети на любительскую пленку. Повидимому, здесь имеет место простое тщеславие: в Азии есть йети, в России его вот-вот поймут — будет и у нас!.. Сенсации не знают государственных границ. Стоило в Шотландии появиться лохнесскому чудовищу, как у нас, в Якутии, на Сордонгоском плато, в озере Лабынкар, тоже появились чудовища, напоминающие "Несси". Естественно, туда двинулись любопытные. Открытий не сделали, но люди гибли — как это было в хорошо подготовленной группе туристов из Воронежа в начале 60-х годов.

То же самое происходит и со снежным человеком. "Комсомольская правда" сообщала, что оренбуржцы организовали поиск йети на Поляр-

ном Урале в зимнее время: поиски чуть не окончились трагически.

Странные эти поиски... Вот удастся обнаружить йети в западносибирской тайге, видеть его, иметь минутную встречу с "меченым" и, казалось бы, по логике вещей нужно бы бросить все силы именно в этот район.

Но группа криптозоологов устремляется совсем в другой район, чтобы выслушать сомнительные рассказы ребят, которые якобы видели снежного человека. Появляется мысль, что криптозоологи не верят глазам своим, а стремятся собрать как можно больше рассказов.

Удивило меня обращение Н. Н. Непомнящего: "Хочется сказать всем, кто увлечен этой темой, — не мешайте работе криптозоологов! И тогда появятся надежда, что фотографии загадочного существа будут опубликованы в печати".

Почему не мешать? И как не мешать? Если ботаник, геолог, ихтиолог или кто-то другой встретит вдруг случайно йети, то ему надо бежать прочь и молчать потом об этом? Если я, вдруг, имея в руках фотоаппарат, повстречаю реликтового гоминоида — я не имею права его сфотографировать, поскольку я не криптозоолог? И что за название тайной группы — криптозоологи? "Криптос" — тайный. Тайные зоологи?..

...И все же, в старинной литературе мне удалось найти упоминание о снежном человеке на территории России, относящееся к XIX веку. Рассказ об этой встрече опубликован в Ежегоднике Тобольского губернского музея, в выпуске 17 за 1907 год (Маковецкий П. "Северные архивы").

Осенью 1845 года зверопромышленники — остяк (хант) Фалалей Лыкысов и самоед (ненец) Обыль — в урмане убили необыкновенное чудовище: "постав человеческий, росту аршин трех (аршин — 0,7112 м), глаза один на лбу, а другой на щеке, шкура довольно толстой шерсти, потонее собольной, скулы голая, у рук вместо пальцев кукты (сохраняю орфографию документа — А. Р.), у ног пальцев не имел, мужеска пола."

Сообщил об этом властям священник Михей Попов, которому на реке Мазыме о чудовище рассказал старшина туземцев Тарлик. Отставной урядник Андрей Шахов послал об этом донесение.

Тут же был срочно извещен посланным нарочным казаком кондинский отдельный заседатель суда Кожевников. В "доношении" говорилось: "...Повелев ему, Кожевникову, тотчас по получении указа отправиться на место происшествия и противу означенного доношения сделать личное удостоверение, и если таковому окажется оное справедливим, как изъясняется урядник Шахов, то велеть ему, Кожевникову, застреленного из ружья промышленниками инородцами необыкновенного

возраста человека с глазами на лбу и щеке, доставить со всею сохранностью в Земский суд в натуральном виде и сколь можно поспешнее, и о происшествии, каким образом оное сопровождалось, произвести подробное удостоверение и также представить в суд."

Кожевников немедленно отправился на реку Мазым, но на пути встретились разного рода препятствия: бездорожье, отсутствие оленей, невозможность ранее 5—6 дней отыскать самоеда и остяка, застреливших какое-то чудовище (чудовище было застрелено в октябре и могло быть расхищено зверями и занесено снегом). Кожевников возвратился и командировал урядника Никифора Ямзина. Последний явился с розысков с сообщением, что он отыскал зверопромышленников. По расспросам установил, что промышленники вроде бы в лесу нашли "какого-то чудовища, облаянного собаками, от коих он оборонялся своими руками; при приближении на 15 сажен к боку из заряженного ружья Фалалей стрелил в онога чудовища, которое и пало на землю. Они осмотрели его со всех сторон, орудия при нем никакого не было, ростом три аршина, мохнатой, не имелось шерсти только на носу и щеках, шерсть густая, длиной полвершка, цвету черноватого, у ног перстов нет, пяты востроватя, у рук персты с куктями; для испытания разрезывали тело, которое имеет вид черноватый, и кровь черная, чудовища сего оставили без предохранения на том месте."

Но Фалалей Лыкысов показывал совершенно другое, чем Обыль. Фалалей не отрицал, что с Обылем ходил на промысел, но он "никакого в яву чудовища не находил и не видел, кроме во сне видел подобного рассказу чудовища, по пробуде рассказывал Обылю, вероятно, с сего нанес слух, или может сам он убил такого чудовища."

О чудовище уже услышал тобольский губернатор. 18 февраля 1846 года он дает кондинскому заседателю следующее предписание, которое озаглавлено: "О само-нужнейшем".

"Чрез посланного мною в Тобольск с казенными бумагами нарочного казака я получил от его превосходительства господина состоящего в должности гражданского губернатора, сверх сделанного им мне письменного предписания еще словесное приказание, чтобы непременно найти застреленное на промыслах инородцами необыкновенное чудовище. А как онога возложено мною на вас..., я наистрожайше предписываю вам употребить всевозможное старание к непременношему отысканию означенного застреленного чудовища... Причем обязываю вас, когда найдете вы это чудовище, то старайтесь со всею сохранностью доставить оное в Кондинск..."

Заседатель Кожевников вновь выехал на реку Мазым, от Кондинска за 200 верст. Ненец Обыль

в присутствии многих свидетелей "обнадежил, что он отыщет и укажет, где убито чудовище, лишь бы хозяин, Фалалей Лыкысов, довел его до ночлежного шалаша, от коего происшествие было не в дальнем расстоянии". Удивительно, что такой опытный таежник, абориген западносибирской тайги, просил бы отвести его к месту ночлежного шалаша... Этому можно только смеяться, как особой шутке, понятной по своей несурзаице только таежнику.

Лыкысов, к удивлению всех, заявил, что Обыль "ложно разгласил". "Бывши с Обылем на промысле в одну бурную ночь ему действительно приснилось, что будто повстречался на пути по облаянии собаками с чудовищем (дьяволом), ростом более пяти аршин, остроголовый, всего в шерсти, отчего и лица не заметил, но наружный вид был весь похожий на человека; будучи в испуганности от такого чудовища, как будто наяву, для предохранения своей жизни стрелил из ружья и то чудовище пало на землю; при сем последнем видении его, Обыль начал рубить дрова и от сего, Фалалей пробудился; когда же сварили пищу, если есть, то он Обылю рассказал свой сон, о котором по приходе и домашним говорил, на яву же такого происшествия не было, в чем уверял решительно."

Обыль же продолжал настаивать, что отыщет чудовище, если Фалалей доведет до шалаша.

Снарядили целую экспедицию: заседатель суда, урядник, Обыль, Фалалей, одиннадцать остяков и два самоеда. Шли на лыжах сутки. Нашли шалаш при речке, впадающей в реку Вохлым. И тут случился неожиданный оборот. Самоед Обыль, "когда потребовано было от него указать место", сказал, что ничего не было — хозяин видел во сне, о котором он и рассказал по возвращении с промысла родичам, и не думал, что этому будет придано такое значение.

П. Маковецкий, автор этих записок из северных архивов, заключает: "Дикая темная история. Без конца отравляется мозг остяков и самоедов алкоголем. Недостаток водки аборигены севера восполняют, как говорят, наркотическими настойками, например, настойкой мухомора. В беспросветную бурную ночь в глухом лесу чего только не представится в отравленном мозгу дикаря-охотника. И все это, так сказать, в порядке вещей."

...Так и хочется провести современную параллель, но есть боязнь налететь на обиду других авторов с противоположным мнением. Обижаться же, по-моему, не стоит. Психология человека удивительна, и до сих пор нет ответа на простой вопрос: а что такое разум? Не удивительно, что в истории человечества встречаются случаи, когда человек много думает об одном и том же, и это начинает ему мерещиться наяву.

Вполне возможно, что "снежные люди" Гималаев есть не что иное, как воздействие на психику человека высокогорных условий. Это характерно не только для пришлых людей, но и для аборигенов. Шерпы свято верят в йети, так как слишком часто галлюцинируют именно громадной сгорбленной фигурой человека. Высокогорья могут выкидывать подобные штуки с галлюцинациями, что хорошо известно альпинистам.

Главное доказательство нереальности существования снежного человека — это полное отсутствие каких-либо материальных следов: шерсти, скелетов, черепов, зубов, экскрементов и т. д. Если же и встречаются следы на снегу, то они обычно сильно размыты. Четких отпечатков никто не видел, в том числе и шерпы. Остается предположить, что йети — существо без следов, а такое существо может быть только привидением; но в привидения мало кто верит — чаще всего, это порождение нашего воспаленного разума.

Кстати... Один из "снежных" людей сорок лет жил в Брестской области. Но этот "снежный человек" имел и имеет фамилию, имя и отчество — Бостынь Иван Васильевич. А ушел он в "снежные люди" только за то, что не дал НКВДэшникам насмеяться над Георгием Константиновичем Жуковым.

Ему пообещали, что его заберут. И, действительно, за ним приходили, но он уже в это время был в лесу. Сорок лет он прожил в одиночестве. Видели его люди, встречались с ним, но не донесли. Правда, он не был похож на "снежного человека": брился, ходил в обычной одежде. У редкого человека хватит силы воли бриться в тридцатиградусный мороз, и не каждый преодолит собственное отчаяние и не превратится в полуживотное...

Впрочем, как страстный любитель путешествовать, я несколько не хочу мешать тем, кто верит в йети. Пусть смотрят бесконечную Россию. Она удивительна!..

Рисунки С. МАЛЫШЕВА с фотографий, опубликованных в различных изданиях.

Будет буря? Мы поспорим...

...Голова болит, бессонница, ломота в суставах — с чего это?

Уж не магнитные ли бури замучили напрочь?

Первый прогноз магнитных бурь появился в средствах массовой информации в 1986 году. И вот уже девятый год мы стараемся объяснить свои недуги "зловредными" вспышками на солнце. Между прочим, я тоже вполне искренне восприняла эти прогнозы как руководство к жизни и пыталась приспособить их к своему организму.

Мне это почти удалось. Оказалось, мой организм реагирует на магнитную бурю либо за 1-2-3 дня до нее, либо, соответственно, после. Такое, судя по комментариям медиков, тоже бывает. Мало того, если им верить, есть и вовсе не чувствительные к этим явлениям организмы. Но причислять себя к этой категории мне уже не особенно и хотелось. Возникло даже ощущение некоторого уюта с того, что знаешь причину своих недомоганий. Как у всех...

И все же, чтобы разобраться в своих чувствах, обратилась тогда к специалистам из Института геофизики Уральского отделения Российской академии наук. И там мне убедительно доказали, что при современном уровне знаний о деятельности Солнца и солнечно-земных связях научный долгосрочный (более 3—5 дней) прогноз магнитной возмущенности, как правило, невозможен. Еще дали прочесть научную литературу, посвященную этой теме, а главное — показали таблицу, где сравниваются данные прогнозы и реально зафиксированные магнитные бури.

Несовпадение составляет от 83 до 87 процентов...

Увы, голова болеть от этого не перестала. Но ответ на вопрос "Почему" я стала искать уже в другом.

Прошло восемь лет. За это время некоторым геофизикам-магнитологам удалось обнародовать свои материалы. Состоялась сессия Российского совета по геомагнетизму, где была дана однозначная оценка публикуемым прогнозам как необоснованным и не имеющим ничего общего с наукой. Но ее итоги все еще не дошли до массового читателя. Поэтому я снова в Институте геофизики. Давайте еще раз вместе попытаемся разобраться в этом предмете, опираясь только на факты. С помощью проводника-профессионала — заведующего лабораторией геомагнетизма

В. А. ШАПИРО.

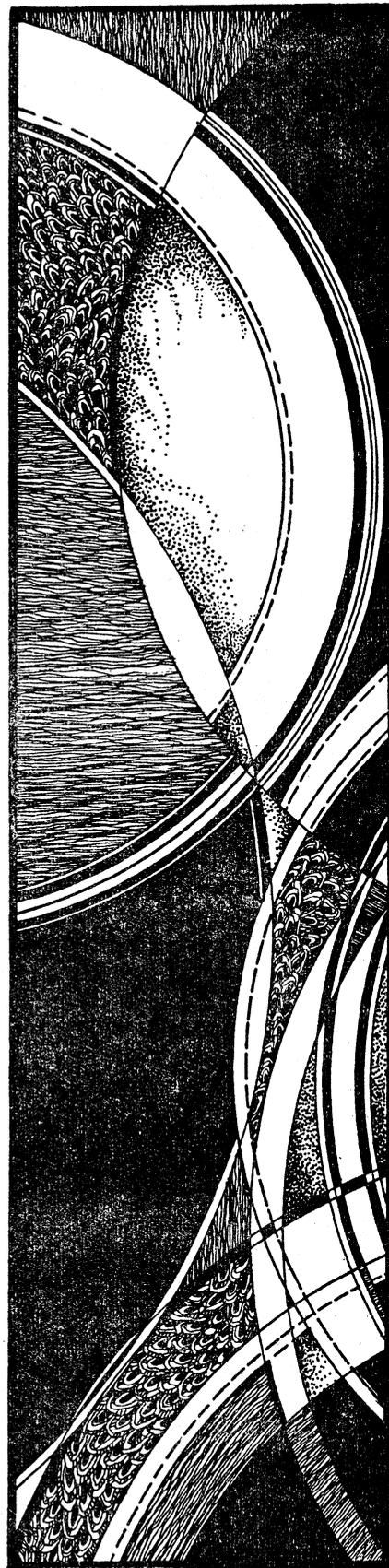
— Всеволод Айзикович, для начала расскажите, что такое магнитная буря?

— Надо прежде всего определить, что означает отсутствие магнитной бури.

Солнце — наша звезда — постоянно излучает энергию в широком диапазоне электромагнитных волн, начиная с самых жестких гамма-лучей и кончая видимыми световыми и разного рода другими: ультракрасными и ультрафиолетовыми. От него же исходят потоки энергетических частиц: протонов, электронов и про-

чее. В спокойной ситуации излучаемая энергия в виде солнечного ветра достигает окрестностей Земли и взаимодействует с верхней частью атмосферы, ее магнитной оболочкой — магнитосферой — и областью заряженных частиц — ионосферой. Земная магнитосфера усваивает и перерабатывает энергию.

Магнитосфера — это область околосолнечного пространства, где преобладает влияние магнитного поля Земли. В квазистационарном состоянии земная магнитосфера от солнца деформирована и похожа на летящую каплю. В сторону солнца она распространяется на несколько земных радиусов, а в противополож-

ную, там, где ее "хвост", — гораздо дольше.

В спектре колебаний земного магнитного поля выделяется много разного рода частот. Наиболее типичные — солнечные суточные вариации, связанные с вращением Земли вокруг своей оси. Это так называемые "ночная" и "дневная" ионосферы. Для каждой из них характерны свои особенности токов. Интенсивность суточной вариации в наших широтах — 15—20 нТл (наногауза — единица измерения напряженности магнитного поля), в наиболее спокойные дни — 10 нТл.

И вот начинается магнитная буря. Значит, на солнце происходит какое-то событие. Оно приводит к мощному выбросу солнечной энергии, которое со скоростью света в виде электромагнитного, гамма-, рентгеновского, светового излучения достигает Земли. Энергия пробивает магнитопазузу и попадает в магнитосферу.

На приборах этот момент фиксируется как краткое возмущение геомагнитного поля. Это предвестник магнитной бури. Через несколько десятков часов основная масса энергетических частиц, выброшенных солнцем в момент возмущения, с разной скоростью достигает Земли. Земная магнитосфера сильно деформируется. Дальше солнечная энергия обтекает "летающую каплю" и поступает в ее хвост. Начинается ее усвоение магнитосферой. Все это последовательно фиксируется геофизическими приборами.

— Выброс плазмы, солнечный ветер, удар по магнитосфере... В представлении большинства — грозные, разрушительные явления, чреватые катастрофами на Земле и кризисными моментами для здоровья человека...

— Звучит действительно устрашающе. Но рентгеновское излучение даже в таких возмущенных условиях в сотни раз меньше, чем общий поток солнечного излучения, приходящий к Земле. До поверхности Земли рентгеновское и ультрафиолетовое излучение не доходит — оно поглощается в верхних слоях атмосферы на высоте 80—120 км. Значит, ни на погоду, ни тем более на самочувствие людей это излучение повлиять не может. Говорить можно лишь об

опосредованном воздействии на них солнечной активности через изменение магнитного поля.

— А чем грозит изменение магнитного поля?

— Весной 1989 года с 0 час.30 мин. 13 марта до конца дня 14 марта произошла одна из самых сильных магнитных бурь в нашем столетии. Из-за изменения магнитного поля на электростанции Канады и северных территориях США произошли крупные аварии, оставившие население без энергии на 9 часов. Более мелкие нарушения в работе энергетических систем по той же причине наблюдались и раньше. Кроме того, во время магнитной бури бывают сбои в показаниях различных приборов.

— А на здоровье человека магнитные бури все же влияют? Или серьезных исследований такого рода не проводилось?

— Таких исследований очень много. Потому что магнитное электрическое поле возникло вместе с биосферой, всегда влияло на развитие жизни. Вполне естественно, что биологический организм реагирует на изменение электромагнитного поля. Но когда родилась наука магнитобиология, исследователи пытались установить характер этой реакции лобовым путем. Например, брали мощный электромагнит, экспериментатор засовывал голову между полюсами этого магнита и включал ток. Однако ничего, кроме безболезненной вспышки перед глазами, он не ощущал. Помещали его конечности в очень сильные магнитные поля. И никакой прямой взаимосвязи между воздействием мощных магнитных полей и самочувствием человека выявлено не было. Имеется достаточно большой объем статистических данных, сравнительно объективных, где с магнитными бурями связываются достаточно неприятные для человека явления: различные заболевания, эпидемии, даже травматизм на автодорогах. Есть несколько крупных монографий, посвященных воздействию солнечной активности на Землю. Там проанализировано все: количество осадков, уровень воды в реках, прирост деревьев, урожайность, заболеваемость, вспышки популяций патологических насекомых (например, саранчи), наоборот,

смертность каких-то животных — в общем все, что можно сосчитать. Однако статистика — вещь довольно лукавая, все зависит от того, как подобрать факты. И можно организовать их подбор в равной степени как "за", так и "против" взаимосвязи с солнечной активностью.

— Но, наверное, так оно и есть. Мы рождаемся с твердым убеждением, что все, что происходит на Земле, так или иначе связано с Солнцем...

— Во-первых, жизнь Солнца и солнечная активность совершенно разные вещи. Наш разговор не об очевидном влиянии солнечного излучения на погоду, климат, живые организмы — действительно на все процессы на Земле. Во-вторых, магнитные бури — одно из небольших, частных проявлений солнечной активности. С магнитными бурями связана плотность атмосферы, турбулентные потоки в ней. Сейчас известен факт, который несколько лет назад оказался неожиданным для специалистов космической физики. Космические корабли вынуждены были преждевременно снижаться и уходить с орбиты, потому что ученые не учли расширение атмосферы за счет повышения солнечной активности, в конечном итоге — магнитной возмущенности. В общем, комплекс проблем тут настолько сложен, что уверенно мы пока не можем говорить о прямом влиянии солнечной активности на здоровье человека.

— То есть пока все же нет конкретных, научно обоснованных данных о влиянии солнечной активности на живой организм.

— Выявлено существование так называемых магнитотропных бактерий. У них в организме образуются сильно магнитные минералы — "магнититы". Эти существа используют свое магнитное поле для навигации. Зачем это им нужно, совершенно непонятно, потому что передвигаются они на очень небольшие расстояния. Подобные образования обнаружены у некоторых птиц (например, голубей), рыб, млекопитающих (например, дельфинов). Что-то аналогичное, возможно, есть и у человека. Может быть, мы в процессе эволюции утратили способность ориентироваться таким образом. Но все

это не предмет спекуляций, а объект научных исследований.

— Ну, допустим, медики не слишком хорошо разбираются в природе магнитных бурь, зато кое-что понимают в здоровье человека. Трудно игнорировать их настойчивые советы о том, как уберечься от магнитных бурь...

— "Профилактике" этого явления они уделяют достаточно много внимания. По их мнению, она должна начинаться за 2—3 дня до магнитной бури. То есть наш организм якобы знает о событии, которое произойдет на солнце, за два дня... С моей точки зрения, это нонсенс. Допустим, во избежание последствий, мы начинаем "спокойный образ жизни" за 2—3 дня до бури, ведем его во время самой бури 2-3-4 дня и после нес тоже 2—3 дня. Профилактические меры, таким образом, занимают порядка недели или больше. С сотрудниками лаборатории мы подсчитали все бури, которые произошли в течение года, и получилось, что профилактикой нужно заниматься 400 дней в году...

— Достаточно ли четко могут зафиксировать магнитную бурю современные геофизические приборы?

— Достаточно. Уже 150 лет назад появились приборы, которые фиксировали их однозначно. Но магнитные бури бывают различными по интенсивности. В наших широтах умеренной считается буря 80—100 нТл, нормальный, не возмущенный уровень — около 30 нТл. У нас существует следующая градация: спокойное, слабое, умеренное возмущение, малая умеренность, большая и очень большая магнитная буря. Но для каждой обсерватории, для каждого пункта эта градация своя. В полярных широтах, так называемом овале полярных сияний все эти колебания гораздо более мощные, чем в умеренных или южных.

— Можно ли прогнозировать магнитную бурю?

— Это значит предсказать вспышку на солнце. При современном состоянии науки это нереально. На сегодняшний день возможен лишь краткосрочный прогноз магнитной возмущенности на 2—3 дня. Интенсивность же предсказать трудно. В редких случаях специалисты

по физике солнца могут дать прогноз на 2—3 месяца. Это связано с существованием на Солнце стабильных областей. Они сохраняются в течение нескольких оборотов светила вокруг своей оси. В те моменты, когда эти области выходят на видимый диск солнца, можно предположить, что их энергия достигнет земной магнитоосферы и вызовет магнитное возмущение. Такие бури бывают не очень интенсивными, и предсказываются относительно удовлетворительно. Но это очень редкие, исключительные явления.

Однако прогнозы все же составляются. Я знаю, что Институт прикладной геофизики занимается таким прогнозированием. А Институт клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения Медицинской академии наук даже оповещает о предстоящей солнечной активности все население нашей страны через средства массовой информации.

Мы регулярно получаем данные Института прикладной геофизики. Это грамотный и профессиональный прогноз, но не абсолютный, а вероятностный. Он используется для выполнения различных геофизических задач, например, аэромагнитной съемки. Но для оповещения населения о "неблагоприятных днях" такие прогнозы использовать нелепо.

— Насколько публикуемые прогнозы соответствуют действительности?

— Мы начали проводить сравнительный анализ с 1986 года. Оказалось, что за восемь лет наилучшее совпадение прогноза медиков с действительным состоянием магнитосферы составляет 17 процентов, наихудшее — 13. Это факт, установленный инструментально на нашей обсерватории в Арктике и подтвержденный данными мировой сети магнитных станций.

— Давайте посмотрим конкретно по месяцам.

— За 1994 год данные не полные. Год 1993: январь весь был неспокойный, умеренные бури 25, 26, 27 числа, большая — 29. Прогноз дали на 28. В марте, правда, у медиков стопроцентное попадание. Магнитная буря началась 1 и закончилась 29 марта. Прогноз: 1, 4, 8, 12, 22, 28. Тут, согласитесь, труд-

но было не попасть, хотя 23 дня все-таки не угадали. Ноябрь: большая буря 3—10, умеренная 14—20. Прогноз: 2, 6, 15, 20, 25, 28. И так все месяцы: попали—не попали, попали—не попали...

— Значит, в публикации таких прогнозов нет никакого смысла?

— Да. Это я и пытаюсь объяснить. Кроме того, существует колоссальное электромагнитное засорение окружающей среды. Искусственные магнитные поля, которых в современном городе множество, обладают примерно теми же характеристиками, частотами, амплитудами, что и естественные. Различает ли биологический организм искусственную и естественную природу электромагнитных полей? Наука пока не дает ответа на этот вопрос.

Самая большая магнитная буря, зафиксированная за 160 лет существования геомагнитной обсерватории в Арктике, достигла 3200 нТл (март 1989), следующая по интенсивности — 2400 нТл (1959). Искусственные магнитные поля, создаваемые заводами, трамваями, троллейбусами, железобетонными конструкциями, по интенсивности превышают самую мощную магнитную бурю в 3—4 раза. Житель дома на улице, по которой проходит трамвай, испытывает магнитное возмущение сменяющейся амплитуды около 10000 нТл. А средняя естественная магнитная буря — 20 нТл. Сравните... Причем это меняющиеся магнитные поля. Каждый раз, заходя в трамвай или электричку, человек получает мгновенный удар очень мощного магнитного поля, равный нескольким магнитным бурям. Так что не вспышек на солнце нам следует больше опасаться, а электромагнитного засорения окружающей среды...

Рисунок Анны АНДРОСОВОЙ

Андрей ДУНЯШИН

МОЙ ХАРЛАМОВ

Рассматривал как-то фотографии Валерия Харламова разных лет и мне показалось, что на одной из них он именно такой, каким я его запомнил. Может, и в самом деле — только показалось: давно сложился его образ — газетно-журнально-телевизионный...

Нет, что-то все-таки осталось — какое-то давнее ощущение от новенького игрока, пришедшего в команду "Звезда". Выступала тогда команда за небольшой город Чебаркуль, что в Челябинской области. Я только пошел в школу, и все, кому перевалило за шестнадцать, казались мне совсем взрослыми. А в Харламове было что-то мальчишеское, будто он не перешел некую грань взрослости.

Разумеется, я не знал, что такое прессинг и дриблинг, не подозревал, что существует сложный орнамент атак и комбинаций. Но болельщики говорили: "Это Харламов!" — и многозначительно поднимали брови.

Впрочем, все по порядку.

В 1967 году Валерий уже выступал за основной состав ЦСКА, но что-то вдруг у него не заладилось — не пошла игра. И суровый главный тренер А. Тарасов отправил его и такого же молодого защитника Александра Гусева на стажировку в чебаркульскую "Звезду". Команда жила тогда в поселке имени Каширина, на городской окраине, среди соснового бора-красавца. Точнее — теперь об этом можно вполне определенно сказать — там располагалась учебная танковая дивизия, при которой и состояла "Звезда". Сильная и заметная среди спортклубов тех лет, она стала своеобразной школой и резервом главной команды Советской Армии. Поэтому и попал рядо-

вой Харламов в небольшой уральский город, из-за чего любители хоккея в силу былой секретности "объекта", а значит, и подпольной прописки "Звезды" не могли понять: как армейский спортсмен в ней очутился.

Созданная в начале 60-х годов, команда играла на небольшом корте военного городка. Потом ремонтно-механический завод построил в городе открытый зимний стадион тысячи на две-три зрителя, на котором хоккеисты нашей команды встречались с соперниками. В такую обстановку и попал Валерий Харламов в ноябре 1967 года.

Тогдашний старший тренер "Звезды" Владимир Альфер хорошо запомнил тот день, когда Харламов и Гусев оказались в наших краях. Вот как он описал это в сборнике "Три скорости Валерия Харламова":

"Еще днем ребята были в родной столице, а вечером, одетые в новую форму, выкатились на уральский лед. Кругом деревянные домишки да лес с вековыми соснами (на гарнизонном корте "Звезда" продолжала тренироваться и после строительства городского стадиона), каток под открытым небом, морозец крепкий. С воздушного корабля попали отнюдь не на бал, а в самую настоящую глубинку. И не проездом, а всерьез и довольно надолго.

Харламов очень старался не показывать своего разочарования, держался хладнокровно, однако чувствовалось, что на душе у него не сладко: сильно переживает, не вписываясь в крутой поворот судьбы.

Гусев же был само спокойствие. Похоже, его мало трогало, где пребывать и за кого выступать.

Внутренний настрой, как на нега-

тиве, проявился в первый день и на чебаркульском льду. Гусев отыграл мощно, уверенно, был сильнейшим в команде. Создалось впечатление, что он защищает цвета "Звезды" давным-давно. У Харламова, как говорят, все валилось из рук, он действовал слабо; неуверенность так и сквозила при каждом его появлении на площадке.

Признаюсь, после финального свистка у меня zakралось сомнение относительно тарасовских прогнозов. Вряд ли кто-нибудь по только что сыгранному матчу предположил бы, что в Чебаркуле взойдет будущая звезда мирового хоккея. Но не зря гласит народная мудрость: "Утро вечера мудренее."

Дед мой в ту пору работал заместителем директора ремонтно-механического завода, которому принадлежал стадион, и имел постоянный пропуск на все спортивные поездки, вместе с ним на матчи попадал и я. Садись мы рядышком со своими "звездочками", чем я был чрезвычайно доволен. Высидеть два часа на морозе, который иногда переваливал за двадцать, бывало непросто, и дед иногда в перерывах водил меня греться в раздевалку к хоккеистам, причем всегда только к нашим. Трудно передать мой восторг от этих посещений. Ты — рядом с кумирами всех чебаркульских мальчишек и, проявив любопытство и смелость, можешь их о чем-нибудь спросить!.. Потом, правда, не часто, я начал пользоваться этой возможностью и даже, когда сносно чувствовал себя на морозе, тащил деда в раздевалку:

— Дед, пойдем погреемся...

Во время таких коротких отогреваний я и видел совсем близко весь состав "Звезды", в том числе и Хар-

ламова. Запомнилась его улыбка — доверчивая, полудетская.

Таким он выглядел только в перерывах, на площадке же был совсем другим. Харламов и Гусев были на голову сильнее всех других игроков. Но вот что скрывалось за этим, знали тренер и сам Валерий Харламов.

Владимир Альфер:

"Занимались мы на открытом катке. На уральском холоде ничего не стоило поморозить ноги. И максимум через полчаса я объявлял десятиминутный перерыв, чтобы посидеть в тепле, глотнуть горячего чая. Не было только Харламова. Он оставался на льду и продолжал как ни в чем не бывало трудиться. Мало того, после тренировки хоккеисты буквально разбегались с поля, а он вел игру с невидимыми партнерами и соперниками. Удивлявшимся поначалу товарищам он повторял: "Тренироваться в Чебаркуле тяжело, но у Тарасова не легче..."

Ребята подсмеивались над Харламовым: "У тебя морозоустойчивость, как у коренного якута".

Хоккейной силой наливался он день ото дня. И меня, постоянно находившегося рядом, поражало, что в каждом игровом эпизоде с его участием возникало что-то новое, никогда ранее не встречавшееся. Юный Харламов был наделен редкой способностью — не повторяться."

И зрители это чувствовали. Ходили уже не на матчи — ходили "на Харламова".

Правда, задержался Валерий в Чебаркуле ненадолго. Уже в феврале 1968 года, не доиграв сезона, он был отозван в ЦСКА и вскоре отправился на чемпионат мира, где хорошо выступил. Стремительный взлет! Для чебаркульцев он знаменателен особенно. Звезда великого хоккеиста вззошла в "Звезде"!

Александр Гусев тоже не доиграл сезон, хотя и по другой причине. Много позже я узнал, что его отчислили из команды за пьянство. Кстати, очень жаль: необычайно одарен-

ный от природы, он не сумел в полной мере раскрыться, позже он все-таки играл за ЦСКА и сборную СССР, но в конце концов дисквалифицировался как спортсмен.

Каких-то новых штрихов к портрету Харламова я больше добавить, пожалуй, не смогу. А вот о "Звезде" и хоккейных страстях того времени в Чебаркуле кое-что расскажу.

Наша команда тогда играла очень сильно. В 1965 году она стала победителем первенства Челябинской области. И в следующих сезонах выступала во второй группе класса "А". Тогда же принимала участие в турнире на приз газеты "Советский спорт", а год спустя боролась за приз челябинского Дворца спорта. Для команды маленького городка это большие достижения. И мы гордились своими хоккеистами и своей командой.

На матчи "Звезды" собирались тысячи зрителей. Поклонники прекрасной игры приезжали из Миасса, Златоуста, Челябинска и даже из других областей. Личных автомобилей было в то время не так много, но перед стадионом они выстраивались в несколько рядов, как в автомагазине. Да и то сказать: для провинции, не избалованной зрелищами, хоккей стал своеобразной отдушиной. Тем более — хороший хоккей.

Несчастные, не доставшие билеты на матч, пытались перебраться через пятиметровый забор стадиона, и несколько раз — я это хорошо помню — толпа болельщиков напрочь выносила сваренные из стального листа и швеллера огромные ворота.

Во время матчей над стадионом стояло марево от дыхания болельщиков, подсвеченное многоваттными прожекторами. На трибунах творилось что-то невообразимое. По реакции зрителей в любой точке города можно было определить счет поединка.

Многие разговоры в городе так или иначе вертелись вокруг "Звез-

ды", а мальчишка, не имеющий клюшки, терял всякое уважение товарищей. И "в Харламова" в нашем маленьком городке юные поклонники хоккея начали играть намного раньше, чем в других городах и поселках страны. Мы его раньше открыли для себя. А уж лучше "Звезды" для нас команды не было — еще бы: в ее составе боролись за победу настоящие мастера!

В ней, в разные сезоны, кроме Харламова и Гусева играли Виктор Кутергин, Сергей Шепелев, голкипер "Химика" Леонид Герасимов и многие другие выдающиеся спортсмены. В Чебаркуле выступал Николай Макаров — впоследствии нападающий "Трактора". Кстати, его младший брат Сергей, известный форвард ЦСКА, вспоминал, что с В. Харламовым он познакомился в Чебаркуле, где тогда играл Макаров-старший. Маленький Сережа ездил с отцом из Челябинска на все выступления "Звезды". Знак судьбы? Возможно. Во всяком случае, знаменательный повод еще раз помянуть "Звезду" добрым словом... В общем, лед Чебаркуля оказался счастливым и помог "отточить коньки" двум победителям Олимпиад, пятерым чемпионам мира, о чемпионах — призраках СССР — даже не говорю.

А загляните в биографии игроков "Автомобилиста" и свердловского СКА разных поколений — добрая половина из них прошла школу на Урале.

Между прочим, "Звезда" харламовского набора выступала и в Свердловской области. Как-то, просматривая подшивку городской газеты "Южноуралец", я наткнулся на сообщение о матче с нижнетагильским "Спутником". Звездинцы просто разнесли тагильскую команду с разгромным счетом 9:1. Харламов забил три гола и сделал три голевые передачи.

За успехами и неудачами "Звезды" и ее игроками следили корифеи мирового хоккея заслуженные тре-

неры СССР Борис Павлович Кулагин и Анатолий Владимирович Тарасов. Они неоднократно бывали в Чебаркуле. Когда ЦСКА приезжал на матчи с челябинским "Трактором", А. Тарасов навещался в город, проводил показательные тренировки, поддерживал спортсменов и помогал им. Иногда товарищеские матчи со "Звездой" проводили вторая сборная бывшего Союза и дублирующий состав ЦСКА.

Насколько мне известно, и Харламов не забывал "Звездочку" — интересовался ее заботами. Словом, без преувеличения можно сказать, что Чебаркуль в те годы был, хоть и маленьким, но все же хоккейным центром страны. Когда "Звезду" перевели в Свердловск, где она стала выступать под знаменем СКА, в Чебаркуле остался второй состав. Хоккейный бум начал стихать. Появилась другая команда — "Молот", но былой славы она не снискала.

А вот за "своими" игроками чебаркульцы следили внимательно, где бы они не выступали — кумиры навсегда остаются кумирами.

После трагической гибели Вале-

рия Харламова следопыты чебаркульской школы № 6 создали в своем музее экспозицию, посвященную ему. Вполне закономерно: в музее школы, носящем имя Советской Армии, не могло не найтись места для армейских спортсменов. Идея экспозиции принадлежит заслуженному учителю России директору музея Эрнсту Николаевичу Иванову и Владимиру Менесу, с которым родную школу мы заканчивали в один год. Их стараниями собраны уникальные экспонаты.

Здесь подлинная харламовская клюшка фирмы "Кохо"; другая — расписанная автографами хоккеистов ЦСКА, с которыми он играл; шайбы с дружескими шаржами на Валерия, удостоверение участника чемпионата страны 1969 года — первого "послечебаркульского" для него. И фотографии, фотографии...

А собрать все эти подлинные вещи помогли сестра знаменитого хоккеиста Татьяна и друзья — Вячеслав Фетисов и Владимир Лутченко.

Бывал в музее и Анатолий Владимирович Тарасов. Это очень символично: через много лет в маленьком

уральском городе вновь пересеклись судьбы учителя и ученика. Для юных хоккеистов учрежден приз имени Валерия Харламова, и по накалу страстей их баталии напоминают матчи прославленной команды.

В середине 80-х годов "Звезда" возродилась. Да-да, вновь заблистала команда с таким названием, и играет она под стать мастерам прошлых "призывов", уже несколько лет подряд становясь чемпионом области.

...Бывая дома, я люблю побродить по улицам города и обязательно подхожу к старому хоккейному стадиону. Теперь от него осталась только земляная насыпь, да кое-где еще видны остатки забора. Прощай, старина! Тебя больше не потревожат ослепительное зарево света и гул трибун, ты не увидишь радостных минут взлета новой звезды. Тебя сменил новый современный стадион, где и скрещивают клюшки нынешние игроки. Кто знает, может, среди них уже выходит на лед новый олимпийский чемпион — наследник славы Валерия Харламова...

Вниманию всех!

Для создания книги "Сказания, легенды и были Руси" нужны исторические материалы и народные предания о войнах и сражениях, народных героях, знаменитых разбойниках, о спрятанных сокровищах и кладах, курганах и т. п. Словом, обо всем, что интересно и необыкновенно.

Гарантируются премии за лучшие материалы.

Историки-краеведы, нужна Ваша помощь!

644119, г. Омск, а/я 6047 Малышеву Д. В. (3812) 14-06-47.

”...А чего бояться?”

...Таким был Юра Соловьев, когда “пропал” в тайге. В дальневосточной тайге заблудиться — пара пустяков; даже бывалые охотники неделями блудят по ее сопкам и распадкам.

Когда Юра с бабушкой поехал на лодке за грибами, он и думать не думал, как обернется эта поездка. Грибов было много, Юра быстро набрал корзину и пошел на стан, но не той тропинкой... В этих местах мальчик был впервые — спугал. Его кричали, но по воде эхо относило в сторону, и Юра, думая, что идет к людям, уходил от стана все дальше и дальше.

Первую ночь в тайге он почти не спал. Холодно было, и комары донимали. Устроился в кустарнике, где помягче, и ждал рассвета. Поутру решил выбраться к реке, а там идти по берегу: или людей встретит, или лодку.

В селе Владимировка, где жил Юра, забили тревогу. В устье реки Нимелен вылетел вертолет. В тайгу ушли поисковые группы.

В те дни шли дожди, поднялась вода в протоках. Видимость была плохая, крики и выстрелы во влажном воздухе звучали глухо. Решено было посадить людей на лодки, пройти по протокам, осмотреть острова. Только на четвертый день одна из лодочных групп обнаружила мальчика.

Когда у Юры спросили: “Страшно было?” — он ответил: “А чего бояться?” Отец у него — охотник-промысловик: и река, и лес для Юры не чужие, вот почему он не боялся в тайге — не растерялся, не упал духом, знал тайгу и не ждал плохого.

Ю. ШМАКОВ

Одиссея Хвощевских

Тюменская тайга тоже “кружит” людей... Приехали в эти края погостить из Казахстана мать и дочь

Фото Ю. ЛОБОДЫ

Хвощевские. Решили сходить в лес за черникой. Надежда Владимировна выросла в Падуне, еще девочкой обегала все окрестные леса и считала, что достаточно знает здешние места. Лена же родилась и жила в Казахстане и сибирской тайги никогда не видела.

До железнодорожной ветки Лебедевского леспромхоза по Петровской дороге — километра четыре, а там уже начинались ягодные островки. От полянки к полянке, мама с дочкой беззаботно углублялись в лес и не заметили, как ушли так далеко, что не стало слышно никаких звуков. Огляделись, прислушались — кругом жутковатая тишина... Солнышко завесило тучи — впрочем, обе они и не искушены были в умении определяться на местности. Рассудив, что идут к дому, они шли в

противоположную сторону. Когда наступили густые сумерки и тишина стала еще более гнетущей, они поняли: заблудились. Когда первый испуг прошел, мать с дочерью нарвали травы, расстелили ее и легли спать, успокаивая себя тем, что завтра с солнышком все прояснится.

Увы, ничего не прояснилось... Они с утра бродили по лесу и ни разу не наткнулись на какую-либо дорожку или тропинку. Дogaдку о том, что эти места малохоженные, подтверждали и часто встречавшиеся лоси; встретить здесь грибника или ягоdnика — дело немислимое.

Выйдя к болотному озерку, Хвощевские долго боялись потерять его, чтобы не остаться без воды. Пройдут час-другой в сторону и по сломанным веткам возвращаются... Питались ягодами. Воду пили, процедив ее через подол платя. Чувство голода и страха со временем притупилось, и лишь вера в то, что их ищут, давала силы по-прежнему совершать нелегкие рейды в сторону от болотца.

Их, конечно, искали. Работники милиции с собакой, девять местных охотников с ружьями, бывалые односельчане — все вышли в лес: на несколько верст обшарили округу, стреляли много раз в воздух...

Надежда Владимировна с Леной все бродили по тайге — исхудавшие, оборванные... Вечером или ночью сыпал дождь, согреться было непросто — они укрывались травой. А днем палило солнце, отбирая последние силы.

Лишь на двадцатые сутки они ответственно услышали дальний рокот мотора. Полдня, помогая друг другу, упрямо шли на спасительный гул. И вышли к лесорубам, обосновавшимся неподалеку от поселка Щучье. Те сразу поняли, кто перед ними — приютили, сообщили в райцентр.

Оказывается, мама с дочкой бродили возле огромного болота, известного под названием Заманное, что тянется на многие версты до Ялуторовска. Здесь почти никто не бывает... Двадцать дней без еды и питья — и мать с дочерью не спасовали, сумели выжить.

А родственники по ним уже отслужили молебен...

В. ЗАКОНОВ

Юрий ВАСИЛЬЕВ

ЛЕГЕНДЫ О КОЛЮЧЕЙ КРАСАВИЦЕ

Наверно, самые первые сведения о розе можно встретить в древних сказаниях Индии. Брамины украшали розами храмы и усыпали ими путь божества. Цари убирали розами свои покровы. Индийские принцессы гуляли в садах, в конях журчали ручьи с розовой водой, наполняя воздух благоуханиями. Окутав ароматом весь Восток, роза нашла себе приют в стране персов, в древнем Иране. И там-то родилась о ней эта легенда. Когда соловей увидел чудный цветок, он пленился им, в восторге прижал его к своей груди. Острые шипы вонзились птице в сердце, и брызнула кровь. Вот почему, гласит персидское сказанье, наружные лепестки розы до сих пор сохраняют розовый оттенок.

Слово "гюль" (роза) чаровало персиянок, поэты саму Персию называли Гулистаном. Там розы росли повсюду — в садах, дворах, комнатах, купальнях, на могилах...

Красив был праздник распускающейся розы в Кашмире. Люди бросали цветы друг в друга. Тот, в кого попали розой, считался счастливым и обязан был как-то отдариться. Все магометане смотрели на розу с благоговением. Никто не мог позволить себе наступить на этот волшебный цветок, даже лепесток обязательно поднимали, чтобы положить его на чистое место. Султан Салладин, отняв в 1189 году у христиан Иерусалим, прежде чем вступить в мечеть Омара, приказал обмыть розовой водой стены храма и даже скалы. Полтысячи верблюдов везли драгоценную влагу для "умывания" мечети. И Магомет II, после взятия Константинополя в 1453 году, повелел таким же образом вымыть храм Святой Софии, чтобы превратить его в мечеть. По Корану белая роза выросла из капель пота Магомета при ночном его восхождении на небо.

В Египте во времена Птолемея

славилось местечко Арсиное, где готовили розовую воду. Знаменитая египетская царица Клеопатра, принимая у себя Марка Антония, велела покрыть пол залы, где должен быть пир в честь гостя, слоем розовых лепестков в пол-аршина толщиной. Этот мягкий душистый ковер покрыли мелкой шелковой сеткой, чтобы по нему удобно было ходить. Розовые лепестки, как пишет Плиний, вообще сыграли большую роль в жизни Клеопатры. В обычае римлян было бросать в вино лепестки из венка того, с кем сидишь за столом. Когда Антоний стал крайне подозрителен и проникся мыслью о вероломстве Клеопатры, он заставлял пробовать все кушанья своего слугу. Однажды Клеопатра опрыскала сильным ядом розы своего венка. Антоний в минуту опьянения, как принято, осыпал розы с венка возлюбленной в свою чашу и уже хотел выпить вино... Царица вырвала у него из рук отраву и сказала: "Посмотри, дорогой Антоний, как мне легко было бы от тебя избавиться!" — велела привести осужденного на смерть невольника и приказала ему выпить Антонию чашу. Раб умер мгновенно, и это зрелище отрезвило Антония...

Греческая поэтесса Сафо назвала розу царицей цветов. По словам Анакреона, роза родилась из бело-снежной пены, покрывавшей тело Афродиты. Венками из роз греки украшали невесту, их посылали друг другу возлюбленные. Если у кого-либо из молодых людей венки рывались, то говорили, что он влюблен. Греки носили розы на голове и груди в знак траура как символ кратковременности жизни, увядающей быстро, как цветок. Пословица гласила: "Если ты прошел мимо розы, то не ищи ее более". В то же время в бутоне розы они видели символ бесконечности, выражавшейся в ее круглой форме.

Греки украшали цветами статую Венеры, и розы, увядшие на ее челе, считались чудодейственными. Знаменитая куртизанка Греции Аспазия якобы свела нарост со своего лица, приготовив мазь из венеринных увядших роз.

В Древнем Риме чудный цветок

получил иное значение. Он стал символом строгой нравственности и наградой за выдающиеся деяния. Как сообщает Элиан, римские воины перед сражением снимали шлемы и надевали венки из роз, чтобы стать мужественнее. Сципион Африканский разрешил солдатам, первыми ворвавшимся в неприятельский лагерь, нести во время триумфального шествия в Риме букеты из роз и затем даже выбить на щитах этих воинов изображение божественного цветка. Запрещалось украшать себя цветком в дни, печальные для Рима, и когда один богатый меняла, увенчанный розами, вздумал появиться во время Второй пунической войны, он был посажен в темницу.

Значение розы изменилось с падением Рима. Из царственного цветка он становится символом увеселений и оргий. Тщеславный консул Веррес, обвинявшийся, как известно, Цицероном в продажности, передвигался по Риму на носилках, и подушки набивались лепестками из свежих роз. Всех превзошел в истреблении цветов император Гелиогабал. На одном из его пиров люди были забросаны розовыми лепестками, и некоторые из гостей задохнулись. Император купался только в вине из роз. Этой драгоценной влагой наполнялись и общественные купальни. Простонародье спешило к ним не столько, чтобы выкупаться, а чтобы напиться. Во времена упадка Рима было опасно делиться мыслями публично, и чтобы напомнить разгоряченному головам, что нужно держать язык за зубами, вешали в день пира под потолком искусственную белую розу. Сказать что-либо под этой розой — значило сказать под секретом.

Прошли века, и дивная красота роз вновь изменила отношение к цветку. Золотой розой, усыпанной драгоценными камнями, папы в средние века увековечивали выдающуюся добродетель того или иного государя. Обычай этот повелся с XI века. Право делать золотую розу принадлежало художнику той фамилии, которая пользовалась наибольшим почетом. Так, в настоящее время право это принадлежит некоему Сантелли. Семья его живет в доме

близ Ватикана. На похоронах старшего Сантели были кардиналы и епископы в своих ярко-красных облачениях. Стебель папской розы делал из чистого золота. Большой цветок имел выгравированное имя папы и слова о добродетели награжденного. На листьях блестели крошечные бриллианты, изображающие росу. Эту бесценную ветку укладывали в футляр с голубым атласом, снаружи еще инкрустированный серебряными розами. Кстати, теперь розу обортывают только в шелковый платок — из соображений экономии.

Роза — любимица Франции. В XIII веке возник обычай: дамы носили на голове венки из роз, этот наряд назывался "шапель". Розовой водой крестили детей, так было и с поэтом Ронсаром: его тоже окропили в младенчестве. Став знаменитым, Ронсар получил однажды на состязании поэтов в Тулузе первую награду. Вместо полагавшейся ему золотой розы, ему поднесли серебряную статую Минервы, желая этим как бы указать, что, будучи крещен розовой водой, Ронсар еще в пеленках был признан поэтом. Лауреат вскоре послал статую богини в подарок своей почитательнице — королеве Марии Стюарт, и она отдалась... венком из серебряных роз, на каждой листке которых, как росинки, блестели бриллианты.

В одном маленьком городке недалеко от Парижа среди садоводов возник обычай выбирать каждый год короля роз, а в иных местах выбирали розьеру — королеву роз. Перед избранием каждый мог о кандидатке в королевы высказывать свое мнение. Розьера не теряла своего титула до выхода замуж. Изображение такого торжества сохранилось на церковной фреске в местечке Саленси.

В Англии роза появилась в четырнадцатом столетии, когда началась кровавая распря между домами йоркским и ланкастерским, и так племенная враждующих, что те и другие поместили ее в своем гербе. Распря Генриха Ланкастера и Эдуарда Йоркского и носит название войны Белой и Алой розы. Кусты, с которых были сорваны эти исторические белая и алая розы, находились в лондонском парке Тампле. В память об

этой страшной войне садоводы выведут потом особый сорт розы, отличающийся тем, что на одном и том же кусте растут белые и алые розы...

Однако не всегда в истории Англии роза играла печальную роль. Сначала она служила отличительным знаком актеров. Королева Елизавета предписала актерам вне театра носить башмаки с розами, которые, впрочем, скоро стали принадлежностью всех щеголей и щеголих. Розу носили даже за ухом. И сама королева Альбиона появлялась на людях с розой в руке.

Роскошный цветок сыграл любопытную роль в жизни королевы Виктории. Рассказывали, что приехавшему в Англию свататься за Викторией принцу Альберту Кобургскому королева поднесла розу, отшпилив ее от корсажа... Восхищенный принц, не найдя на своем фраке петли, куда бы можно было прикрепить драгоценный подарок, сделал ножом крестообразный разрез на фраке и воткнул розу. Этот жест Альберта покорила Викторию, и она приняла его предложение.

В средние века роза становится знаком разных тайных обществ. Изображение рыцаря с букетом роз появляется на топорах членов грозной Вестфальской общины. В XVI веке розу носили франкмасоны. А разившееся из франкмасонства, основанное немецким ученым Андреем общество розенкрейцеров избрало своим символом венок из роз с шипами, внутри которого был крест. Как бы в противоположность этим тайным обществам, своей эмблемой имело розу общество "Розана", основанное в 1780 году герцогом Шарльским и представлявшее собой собрание золотой молодежи и куртизанок; имело такую эмблему и парижское общество "Розати", членами которого могли быть люди, написавшие хотя бы одно стихотворение. Наконец, бразильский император Дон Педро учредил свой орден роз.

Оригинальным памятником знаменитому цветку был винный погребок, построенный в XVII столетии в немецком городке Бремене. Здесь подавали "Вино роз" и заседал муниципальный совет. В зале было ог-

ромное изображение розы с латинской надписью: "Зачем зал Вакха эта роза украшает? А потому, что без хорошего вина и сама Венера зябнет". Кстати, "Вино розы" в прежние время давали лишь больным или в особенных случаях, даже несколько его капель распространяли удивительно приятный запах — но как же пили в погребе Бремена это густое, как масло, слишком ароматное вино?!

Розе приписывали целебное значение. Розовые лепестки накладывались на лицо, чтобы придать ему свежесть; настой из сваренных в розовом масле пчел употребляли как средство борьбы с облысением, а собранная на розах роса, считалось, снимает воспаление глаз.

В Россию роза, очевидно, впервые попала в XVI веке, как видно из записок немецкого посла при русском дворе, в 1517—1526 годах, Герберштейна, и была, конечно, достоянием лишь царской семьи и видных сановников. Однако некоторые ученые предполагают, что русские испокон веков праздновали "русальную седмицу", имеющую происхождение от римских "розалий", которые сперва перешли к болгарам, а затем и к нам. О русалиях есть упоминание в летописи Нестора от 1067 года. Восставая против языческих суеверий, летописец тревожится, что дьявол отвлекает людей от бога "трубачами и скоморохами, гусями и русалиями". Празднества эти сопровождались плясками, музыкой, ряжением.

Скажем еще: встречающиеся у нас фамилии Розов, Розанов произошли, несомненно, от розы — ее носили поначалу крепостные садовники.

Все рассказанное касается, главным образом, махровых роз: они-то и составляли некогда красоту старинных садов и парков.

На 1, 3 и 4 стр. обложки слайды
Николая ПЕРЕВЫШИНА

По вине редакции в № 8 за 1994 год допущены опечатки.

Следует читать:

на стр.2 обложки, подпись под нижним слайдом— "Екатерина I (1684-1727)";

на стр.4 обложки, подпись под слайдом— "Екатерина II (1729-1796)";

на стр.4 обложки после слова "прообразы"—"которых жили и живут рядом".

Ср мк

